

АБ / Альманах
библиофила

Всесоюзное добровольное общество любителей книги

«Альманах библиофила»
рассказывает
о книгах и книжниках
прошлого и современности,
библиотеках и библиофилах,
о поисках и находках в книжном мире,
о делах минувших и современной жизни
книголюбов
в разных концах нашей страны
и в других странах

Альманах библиофила

Выпуск VIII

Главный редактор
Е. И. Осетров

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. С. Аверинцев,

Ю. М. Акутин

(ответственный секретарь),

В. И. Безъязычный, В. В. Кожин, И. А. Котомкин,
В. Я. Лазарев, А. Э. Мильчин, А. И. Овсянников,
Л. А. Озеров, П. В. Палиевский, В. Г. Утков

Художник
В. В. Вагин

Книга

и Жизнь

Николай Любимов

МОИ ДРУЗЬЯ И РОДНЫЕ

Я провел свое детство и юность в уездном городе Калужской губернии. И эта моя семнадцатилетняя жизнь в провинции много сделала для того, чтобы из меня в конце концов вышел литератор.

В провинции для наблюдательного человека раздолье. Здесь — что ни час — упражнение для слуха и зренья. Перед провинциалом резко выступают характеры во всей их особенности. Жизнь сограждан или односельчан у тебя на виду. Они не мелькают — они проходят мимо медленным шагом, и ты успеваешь разглядеть черты лица и движения. Тебе слышна музыка их речи, у каждого — своя.

Из окон домика, который снимала моя мать, был виден луговой простор. Я наблюдал жизнь сада с того времени, когда под деревьями еще лежал снег, и до первых метелей. Наблюдал — и соглашался с Некрасовым: «Нет безобразья в природе...» Чтобы выкупаться в озере, мне надо было только сбежать к нему по некрутой горке. Ока — в двух верстах. Верстах в четырех — слияние Жиздры с Окой. Я жадным, изучающим взглядом следил за тем, как наш сосед строил сарай, следил за полевыми работами и принимал в них посильное участие. И как же мне все эти «впечатленья бытия» затем помогли и помогают при воссоздании пейзажа, диалога, трудовых процессов, когда я переводил и перевожу иностранную художественную литературу!

Свой отзыв о моей дипломной работе теоретик и историк литературы Борис Александрович Грифцов закончил так:

«Институт смело может рекомендовать т. Любимова для ответственной работы по литературному переводу».

Оправдал ли я надежды Грифцова — судить не мне. Но пожелание его сбылось: почти всю свою переводческую жизнь я выполнял ответственную работу. В доказательство сошлюсь на «Декамерон» Боккаччо, «Дон Кихота» и «Странствия Персиле-

са и Сихизмунды» Сервантеса, «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле, «Мещанина во дворянстве» Мольера, трилогию Бомарше, «Коварство и любовь» Шиллера, «Хронику царствования Карла IX» Мериме, «Госпожу Бовари» Флобера, «Милого друга» Мопассана, трилогию о Тартарене и «Сафо» Доде, «Легенду об Уленшпигеле» де Костера, «Монну Ванну» и «Синюю птицу» Метерлинка, «Дантона» Ромена Роллана, «По направлению к Свану», «Под сенью девушек в цвету» и «У Германтов» Пруста.

Если б я не обходил наши городские базары и ярмарки от конного ряда до горшечного и игрушечного, если б я не бывал на свадьбах, на праздниках и просто в гостях у знакомых крестьян и не слышал, как они рассуждают и рассказывают, как они красноречивы и балагурят, если бы в мой слух не вливалась меткость их сравнений, образность выражений, сочность и смачность вольнословия, у меня, конечно, опустились бы руки, когда я взялся за передачу монологов и реплик Санчо Пансы с его изречениями, пословицами и поговорками, присловьями и прибаутками, у меня, конечно, опустились бы руки, когда я взялся за воссоздание народного многоголосья, звучащего в «Гаргантюа и Пантагрюэле» Рабле, герои которого шумно пируют и шумно негодуют. И мой перевод «Гаргантюа и Пантагрюэля» не заслужил бы того доброго слова, какое сказал о нем в своей книге «Творчество Франсуа Рабле...» Бахтин. Его похвалу я разделяю с «калуцкими» крестьянами.

Я терпеть не могу изношенное критиками до дыр выражение: «В творческой лаборатории писателя». Наше писательское место — не в замкнутом помещении, а под открытым небом, на вольном, на свежем воздухе. И уж если употреблять это затрепанное выражение, то только в одном значении: творческая лаборатория писателя — жизнь.

Еще в раннем возрасте впечатления от действительной жизни перемежались у меня впечатлениями от жизни, «возведенной в перл создания», то есть от книг, впечатления от речи звучащей — впечатлениями от авторской речи и от речи героев. Как литератор, я всецело обязан этому сочетанию впечатлений, к которому потом присоединились впечатления музыкальные, театральные, а еще позднее — впечатления от картин, изваяний и зданий.

Мой отец был страстный книголюб. Он умер, когда мне еще не исполнилось и двух лет, и оставил мне в наследство, вместе с любовью к чтению, большой удобный книжный шкаф, уставленный в два ряда книгами. Среди приобретенных им книг был и хлам. Удивительно, как мало было его в библиотеке у секретаря уездной землеустроительной комиссии, приез-

жавшего ненадолго в Москву, несколько раз в жизни, и в глаза не видевшего Петербурга. Основной фонд его собрания составляли русские классики и кое-кто из его современников, которых «прилагала» «Нива». Моя мать, зная, что для меня действительно лучший подарок — книга, постепенно — от дня рождения ко дню рождения, от именин к именинам — передала мне всю отцовскую библиотеку. Когда же началась моя московская студенческая молодость, я уже сам стал прилагать усилия к тому, чтобы библиотека моя ширилась и разрасталась. При этом я до сих пор поддерживаю отцовскую традицию: «охочусь» главным образом за русскими классиками. Так, например, мне удалось собрать всю большую серию Библиотеки поэта, начиная с Державина под редакцией Г. А. Гуковского; Дельвига и «Ирой-комическую поэму» под редакцией Б. В. Томашевского; Дениса Давыдова и Востокова под редакцией В. Н. Орлова; Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова под редакцией академика А. С. Орлова; Полонского под редакцией Б. М. Эйхенбаума; Жуковского под редакцией Ц. С. Вольпе; Фета под редакцией Б. Я. Бухштаба; поэтов «Искры» и Ал. Конст. Толстого под редакцией И. Г. Ямпольского, — издания образцовые. Перечисленные мною выпуски заново открывали мне и моим сверстникам поэтов XVIII и XIX вв.

У меня никогда не было любви к букинистическим редкостям только потому, что это — редкости. Деятельность таких библиофилов, как Смирнов-Сокольский, вызывает у меня восхищение, но не желание подражать им. Мне посчастливилось приобрести все прижизненные сборники стихов Федора Сологуба, вплоть до «Неба голубого», выпущенного в 1921 г. в Ревеле в издательстве «Библиофил», и «Одной любви» (Пг., 1921, напечатана «на правах рукописи в количестве семисот экземпляров»). Мне посчастливилось приобрести почти все прижизненные сборники стихов Анны Ахматовой (кроме «Вечера» и некоторых переизданий) вплоть до «Избранного», выпущенного «Советским писателем» в Ташкенте в 1943 г. Но в погоню за сборниками стихов Сологуба и Ахматовой я пускался не ради спорта — мне хотелось, чтобы в моей библиотеке были представлены с наивозможной полнотой любимые мной русские поэты. А вот за Вячеславом Ивановым, как ни «раритетны» его книги, я бы без усталости не гонялся — по той простой причине, что я к его поэзии отношусь с почтительным равнодушием.

Не гоняюсь я и за так называемыми «роскошными», богато иллюстрированными изданиями. Я и в детстве был не охоч до «книжек с картинками». Я предпочитаю давать волю

своему воображению. От иллюстраторов я требую того же, что и от режиссеров, актеров и декораторов в театре: соответствия стилю автора, слиянности с его образами. Добужинский помогает мне глубже понять «Белые ночи» Достоевского, помогает представить себе место действия повести, войти во внутренний мир героев. Но таких «прямых попаданий» немного. Если говорить об иллюстрациях к книгам в моих переводах, то я должен признаться, что наибольшее удовлетворение я получил от иллюстраций Кукрыниксов к «Дон Кихоту». И я не могу взять в толк, почему эта их замечательная работа осталась в тени. Я отдаю должное мастерству Доре. Но ведь его иллюстрации к «Дон Кихоту» — это иллюстрации к «Гаргантюа и Пантагрюэлю». Сервантесовского мягкого юмора в них нет. А у Кукрыниксов он сквозит во всем. Но самая большая их удача — это образ Дон Кихота, трагичного во всех смешных своих проявлениях, гениального безумца.

В большинстве случаев фотографии больших артистов в ролях дают мне больше, чем иллюстраторы. После того, как я увидел Леонидова в Плюшкине и Ливанова в Ноздреве, я иными эти гоголевские типы себе не представляю, и даже Боклевский мне не заменит Леонидова, Ливанова и других артистов Художественного театра, участвовавших в «Мертвых душах». Как редактор однотомника Мольера, вышедшего в издательстве «Искусство» (1953), я предпочел дать читателям фотографию Станиславского в роли Мнимого больного, Юрьева в роли Дон Жуана, декорации Бенуа к мольеровскому спектаклю в Художественном театре и т. д.

Любовь к собиранию книг каждый проявляет по-своему. Я собираю книги по истории литературы, но — да простится мне невольный и дешевый каламбур — собираю избирательно. Больше всего у меня книг о тех писателях, чьи жизни и творчество притягивают меня к себе с особой силой. Мой учитель Леонид Петрович Гроссман под конец жизни говорил мне, что он может писать о Достоевском, не заходя в читальные залы, — все у него под рукой. До такой полноты моей «достоевиане», разумеется, ой-ой как далеко! Но все-таки я рад, что у меня есть и «Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского» (1883), и «Достоевский» Вольнского, и «Легенда о Великом Инквизиторе» Розанова, и два сборника «Достоевский» под редакцией Долинина, и «Жизнь и труды Ф. М. Достоевского» Гроссмана — книга, где жизнь Достоевского расписана по дням, а меня интересует именно каждый день жизни Достоевского. Моя «достоевиана» пополняется и новейшими исследованиями. Когда я прочитал книгу В. Е. Вегловской «Поэтика романа „Братья Карамазо-

вы⁴», «вдруг стало видимо далеко во все концы» этого романа и за его пределами.

Собираю я книги и по театру, преимущественно — по истории Художественного театра.

Исток моей любви к театру — тоже в моем детстве и юности. К встрече с Художественным и Малым театрами я был подготовлен рассказами моей матери, видевшей в начале века все, что было лучшего в Малом и в Художественном, в Театре Незлобина, в Театре Корша, а также стилем игры наших местных служителей Мельпомены, игры, свободной от провинциальных взывов и взрыдов, их любовью к благородной сдержанности, к благородной простоте и естественности, к правдивости переживаний. Мечтая попасть в Малый и Художественный театры, я ждал от них именно того, что они и могли мне дать. Иные испытывали разочарование, услышав впервые Шаляпина: «Мы-то думали: Шаляпин, Шаляпин... Стекла дребезжат, люстры падают... На поверку — ничего особенного». От подобного рода разочарования я был застрахован. Как это ни странно, калужские профессионалы после уездных любителей меня не удовлетворяли. Они не жили на сцене — они принимали более или менее изящные позы и декламировали. И еще меня подготовили к встрече с московскими театрами опять-таки книги. Мать выписывала мне из Москвы — «Книга — почтой» — снабженные большим количеством фотоснимков монографии Н. Е. Эфроса о спектаклях Художественного театра «Три сестры», «Вишневый сад», «На дне» и «Московский Художественный театр 1898—1923». Переехав в Москву, я сделался заядлым театралом и все еще пополюю «театральный отдел» моей библиотеки. Не так давно упивался четырехтомником «Жизнь и творчество К. С. Станиславского» (ВТО), составленным Виноградской. Удивительное дело! В этой книге автора нет, и все же он незримо присутствует на каждой странице. Такт, художественный вкус и чутье И. Н. Виноградской видны в отборе материала. А отобрала материал она так, что нам виден весь Станиславский: актер, режиссер, реформатор оперы, большой души человек. В прошлом году я приобрел двухтомное собрание писем Вл. И. Немировича-Данченко. Хотел было продлить удовольствие, читать медленнее — куда там! Иные письма — образцы театральной критики, иные — режиссерской экспликации. И какая меткость суждений о писателях! Составитель В. Я. Виленкин не затушевывал иных человеческих слабостей Немировича-Данченко — и хорошо сделал. Они оттеняют громадные достоинства Немировича-Данченко, а достоинства эти таковы, что без него не было бы Художественного театра, долго не было бы настоящего театра

Чехова, не было бы одного из лучших спектаклей XX века — «Братья Карамазовы», сцены из которого мне довелось видеть на эстраде. И как своевременно выпустило издательство «Искусство» эти письма! Отнюдь не карикатурное, точное описание спектакля «Лес» в Театре имени Мейерхольда, которое мы находим в одном из писем Немировича-Данченко, показывает, до каких крайностей может прийти даже гениальный режиссер, если он, махнув рукой на драматурга, думает только о «самовыражении». И какую пророческую силу приобретают некоторые «приказы» Немировича-Данченко по его «армии», воспрещающие актерам всяческую халтуру «на стороне»! Не в бровь, а в глаз иным нашим современникам, в молодости подававшим, хотя и не бог весть какие, надежды и вконец заштамповавшимся в плохих кинофильмах, в сляпаных на скорую руку телевизионных передачах!

Иные книги мне так дороги, что они у меня имеются в нескольких изданиях. Меня интересуют разночтения. По ним я прослеживаю ход работы писателя. К таким книгам принадлежит написанная с малявинским разливом красок «Россия, кровью умытая» Артема Веселого. К таким книгам принадлежит и «Тихий Дон». Помимо собрания сочинений Шолохова, я храню отдельное издание «Тихого Дона» («Советский писатель», 1947). В целом, не считая многих стилистических частности, я отдаю предпочтение первоначальному варианту романа и перечитываю его в отдельном издании.

Я ни у кого не выклянчивал автографы, но с благодарностью принимал добротные дары Эдуарда Багрицкого, Сергеева-Ценского, Маршака, Антокольского, Зенкевича, Каверина, Александра Яшина, Наира Зарьяна, Щепкиной-Куперник, Цветаевой-Эфрон, Л. П. Гроссмана, Б. В. Томашевского, А. З. Лежнева, М. М. Бахтина, М. В. Алпатова, открывшего мне глаза на древнерусскую живопись, И. В. Ильинского и таких хранительниц архивов-сокровищниц, как Клавдия Николаевна Бугаева (вдова Андрея Белого) и Елена Сергеевна Булгакова. К слову молвить, благодаря их дружеской заботливости Андрей Белый и Михаил Булгаков занимают немало места на моих книжных полках. Я бережно храню письма и телеграммы Гиляровского, Щепкиной-Куперник, Ал. Ник. Толстого, Н. В. Крандиевской-Толстой, Сергея Городецкого, Цветаевой-Эфрон, Вс. Иванова, Маршака, Пастернака. Письма Пастернака доставляли мне особенную радость: в сущности, это были не письма, а «сопроводительные» к его новым стихам, которые он сам переписывал для меня.

Вот за чем я гоняюсь, так это за полными собраниями сочинений. Как читатель «изборников», я вынужден подчи-

няться вкусовому произволу составителя. Лучше уж я сам отберу в полном собрании то, что мне больше всего по сердцу, и буду затем почасту перечитывать. Я ведь «Гости съезжались на дачу...» люблю не меньше, чем «Капитанскую дочку», а «Марию Шонинг» — чем «Пиковую даму». Недавно завершено полное собрание сочинений Горького и еще продолжающееся — к сожалению, вопреки обещаниям, недопустимо медленно — полное собрание сочинений Достоевского наполняют мое библиофильское сердце гордостью за наше литературоведение и текстологию.

В моей книжечке «Перевод — искусство», выпущенной в 1977 г., я попытался рассказать о том, кто из русских поэтов и прозаиков еще в детстве и ранней юности овладел моими помыслами, чувствами, воображением, к кому я прилепился всем моим существом и к кому прежде всего обращался и обращаюсь в отрадные, даже при всей своей тягостности, мгновенья лингвистических раздумий. Я назвал Крылова, Пушкина, Грибоедова — поэта-драматурга, Лермонтова, Кольцова, Тютчева, Некрасова, Фета, Ал. Конст. Толстого, Бунина, из тогдашних моих современников — Есенина; народные сказки, Пушкина-прозаика, Гоголя, Аксакова, Тургенева, Гончарова, Островского, Льва Толстого, Достоевского, Лескова, Короленко, Чехова.

Я горжусь тем, что не изменил Есенину. Я пронес свою любовь к нему сквозь глумление над ним некоторых критиков, сквозь временное охлаждение к нему читателей, сквозь надменное фырканье некоторых историков поэзии, которым по другому поводу Вересаев в статье «О книжной пыли...» поставил точный диагноз (сказался врач!): «Склеротическая атрофия всякого живого человеческого чувства»¹. Впоследствии я нашел могучую поддержку у поэта. Я довольно часто бывал у Пастернака, подолгу беседовал с ним, вернее — подолгу слушал его. Как-то раз зашел разговор о Есенине.

— Мы с ним ругались, даже дрались, до остервенения, — вспоминал Борис Леонидович, — но когда он читал свою лирику или «Пугачева», так только, бывало, ахаешь и подскакиваешь на стуле.

Я рос среди взрослых, слушал их разговоры, а разговоры эти были, по большей части, на литературно-театральные темы, и они еще усиливали мою тягу к литературе и к искусству театра.

Припоминаю два разговора...

¹ Новый мир, 1927, № 12, с. 211.

Вскоре после того, как наши любители с шумным успехом сыграли «На дне», одну из самых близких мне пьес в мировой драматургии,— у нас побывала в гостях бывшая учительница начальной школы, а затем— «жена своего мужа» Вера Сергеевна Меньшова. Ей не удалось посмотреть спектакль, но он вызвал у нее живой интерес. Попросив нас поделиться впечатлениями от того, кто и как играл Барона, Сатина, Луку, она перед тем, как заговорить о других ролях, задала вопрос, касавшийся эпизодического лица:

— Кто же играл Алешку?

Заметив на наших лицах удивление, она пояснила, на чем основано ее любопытство:

— Колоритнейшая фигура! Вносит свою, особую ноту в пьесу. И всего в двух эпизодах. «Отчаянный человек». Он уж совсем «ничего не хочет» и «ничего не желает». И Василисе злую судьбу накаркал: «Василиса Карповна! Хошь, я тебе похоронный марш сыграю?»

Вот ведь как она знала пьесу!

Когда— в 1933 г.— Щепкина-Куперник указала мне на достоинства прозы Апухтина, главным образом— «Архива графини Д**», где он обнаруживает искусство воссоздавать эпистолярный стиль совершенно разных лиц, то меня это нисколько не удивило. Апухтин был одним из любимых поэтов поколения Щепкиной-Куперник. Вполне естественно, что она заинтересовалась его прозой. Да и достать собрание сочинений Апухтина ей, жительнице Москвы и Петербурга, было легче, чем жителям уездных городов, сел и деревень. А теперь я с ретроспективным изумлением вспоминаю, как сын крестьянина подгородней деревни Афанасий Иванович Жучкин, в ту пору, когда я был с ним знаком— заведующий четырехклассной школой в родной деревне, постепенно собравший на учительское жалованье и разместивший в своей избушке богатейшую библиотеку, где— не говоря уже о русской классике— занимали почетное место и Шекспир, и Мильтон, и Данте, и Гете, пересказал к случаю эпизод из повести Апухтина «Дневник Павлика Дольского».

С творчеством иных писателей у меня состоялись в провинции только первые встречи, многообещавшие, но, чаще всего, короткие: что-то случайно, на несколько дней попадет тебе в руки. Радость нерасстанности с поэзией Баратынского, Вяземского, с поэзией XVIII в. от Ломоносова до Державина, с поэзией Федора Сологуба и Анны Ахматовой, Эдуарда Багрицкого и позднего Пастернака, с прозой позднего Бунина, Сергеева-Ценского, Шолохова, Сергея Клычкова, с творчеством Булгакова, радость их обретения, радость их познава-

ния, радость ученья у них — эта радость была тогда хоть и не за дальними, а все-таки пока еще за горами.

Дверь, ведущую в мир русской поэзии начала нашего века, отворил мне мой учитель естествознания Георгий Авксентьевич Траубенберг. Он читал мне наизусть Бальмонта, Брюсова, Сологуба, Блока, Вяч. Иванова, Игоря Северянина. Как-то дал мне на несколько дней случайно залетевшую в наш городок «Белую стаю» Ахматовой.

Навеки приворожила меня колдовская «Лунная колыбельная» Сологуба с ее словесно-ритмико-инструментальным изображением расходящихся по воде кругов, с ее убаюкивающей однострунностью, оттеняемой переборами внутренних рифм, с шепотной, усыпляющей звукописью последних ее строк.

Впоследствии я очень обрадовался, когда из письма Горького к Сергееву-Ценскому от 30 декабря 1927 г. узнал, что Горький считал Сологуба «прекрасным поэтом».

И еще — провинциальные истоки читательских моих пристрастий...

Друг нашего дома — заведующий уездным отделом народного образования Владимир Петрович Попов — указал мне на «Чертухинского балакиря» Сергея Клычкова, который печатался в «Новом мире» (1926), когда журнал вел прирожденный редактор Вячеслав Павлович Полонский. (Недаром Бабель писал ему в 1927 г.: «Вы один из немногих истинных наших критиков, один из немногих людей, для которого хочется работать самоотверженно, изо всех сил»².) А маслобойщик и огородник Николай Иванович, чей залоснившийся полушубок до того приторно пахнул постным маслом, что, когда я стоял рядом с ним, у меня мгновенно пересыхало небо, точно я объелся сладкого, указал местной интеллигенции на роман Сергеева-Ценского «Обреченные на гибель», печатавшийся в «Красной нови» за 1927 г. В романе подробно описана картина художника Сыромолотова. Роман я перечитываю постоянно. Иногда помощники переводчика — русские писатели — проделывают в нем какую-то тайную, до поры до времени не ясно сознаваемую им работу. Описание картины Сыромолотова внезапно зазвучало во мне, как только я начал переводить описание картины Эльстира в романе Пруста «У Германтов». В сюжетах и в композиции этих картин ничего общего нет. Общее — в ритме, в смене глагольных форм, соответствующей смене мотивов в картинах. Это довольно частый случай переключки совершенно разных талантов. Ценский в пору работы над своим романом (закончил он его в 1923 г.) не имел

² Вопросы литературы, 1979, № 4, с. 167.

возможности читать Пруста. И все же его описание созвучно прустовскому. Бунин признался профессору Бицилли, что прочел Пруста после окончания «Жизни Арсеньева» — «и даже испугался: да ведь в «Жизни Арсеньева»... немало мест, совсем прустовских!»

«...не поймешь: ветки ли это уплыли, оторвавшись от сучьев, как от причала, в бездонную синь, и там в глубине листву отряхают, иль синева на ветки упала, не удержавшись в непостижимой выси на листопадном ветру».

Это из романа Сергея Клычкова «Сахарный немец» — романа, который вместе с «Чертухинским балакирем» отметил и выделил Горький.

Когда я перевел повесть Наири Зарьяна «Давид Сасунский», где перед читателем проплывают целые острова ритмической прозы, некоторые сложные ритмические ходы подсказал мне Клычков.

В студенческую пору моей жизни вкус к поэзии ставил мне, как ставят голос певцу, Эдуард Багрицкий. О моем знакомстве и встречах с ним, о «поэтическом факультете» у него на дому я подробно рассказал на страницах «Нового мира» и в сборнике «Эдуард Багрицкий. Воспоминания современников» («Советский писатель», 1973).

У Багрицкого библиотека была небольшая. Отчетливо помню «Кобзарь» на украинском языке, однотомник Баратынского в издании Гржебина (Багрицкий давал мне его почитать на дом), собрание сочинений Бунина в издании Маркса, «Первое свидание» Андрея Белого, том стихов Городецкого, куда вошли первые и лучшие его сборники: «Ярь» и «Перун». Библиотека русской поэзии от «Слова о полку Игореве» до Заболоцкого и Ушакова помещалась в на диво емкой памяти Багрицкого, и он часами читал мне стихи наизусть. Он первый указал мне на Баратынского и Случевского. Он «подогрел» во мне любовь к Бунину-поэту.

Тем, что я попал в плен к Бунину-прозаику, я во многом обязан писателю бунинской школы Глебу Алексею (кстати, жаль, что «Советский писатель» упорно переиздает слабый его роман «Роза ветров» и проходит мимо превосходных его повестей и рассказов, психологических и бытовых) и Корнею Чуковскому.

— У Бунина есть сборник коротких рассказов, — на страничку, на полторы, — говорил мне в 1934 г. Глеб Алексеев. — Ну, например, о том, как пожилая певица готовится к выступлению в концерте. Ничего в этом рассказе не происходит. Но как он сделан, как он написан!.. Это больше, чем искусство, это чудотворство... А его полуавтобиографическая

повесть «Жизнь Арсеньева»? Ничего подобного никто в мире до него не создавал!

Много лет спустя такой же взгляд на «Жизнь Арсеньева» высказал в статье о Бунине Паустовский.

А в 1940 г. Чуковский повелительным тоном советовал мне каждый год перечитывать Бунина, и я следую его совету неукоснительно.

Взявшись за перевод произведений больших писателей, я скоро пришел к мысли: без того, что Чехов называл «литературной кладовой», мне не обойтись. И я ее завел. Я начал запоминать, а потом записывать выражения, услышанные мной в учреждениях, в метро, на улицах, во время застольных бесед. Я начал записывать за моими родными и даже за самим собой.

Я уже давно перечитываю русских писателей с карандашом в руке. Так у меня за много лет накопилась изрядная коллекция синонимов. Она не претендует ни на какую научную ценность. Это моя опора, это мое подспорье. И все в ней — рано или поздно, так или иначе — идет мне на пользу и на потребу.

Выхватываю из своей коллекции синонимическую ленту глаголов, выражающих движения при встрече, при опасности: уступить дорогу, дать дорогу, пропустить, посторониться, отойти в сторону, отстраниться, увернуться, отшатнуться, податься назад, попятиться, шарахнуться, отпрянуть, отскочить, отбежать.

А вот глаголы, выражающие проникновение света: прокрадываться («...в щель неплотно сдвинутых гардин прокрадывался луч света...» — Короленко. «Детская любовь»); просачиваться («Солнце еще не всходило, но белые молочные тоны все больше просачивались сверху, сквозь облака...» — Короленко. «Птицы небесные»); пробиваться («...между стволов кое-где пробивался еще косой луч заката...» — Короленко. «Лес шумит»); просвечивать («...сквозь зеленые ветви молодых берез просвечивало солнце...» — Лев Толстой. «Детство»); проблескивать, вливаться, литься, прорваться, хлынуть («...в комнату... хлынуло солнце...» — Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

Разумеется, «литературную кладовую» гораздо легче завести, когда у тебя есть своя библиотека. Так что мне и тут помогла моя страсть к собиранию книг.

С бережным отношением к книгам я, кажется, родился на свет. Но книги, взятые мной у кого-нибудь или где-нибудь, — это мои знакомые, с которыми я должен быть учтив, любезен, радушен. Книги, живущие у меня в доме, — это мои друзья, нет, более того: это мои домашние, это мои родные.

Андрей Михайлов

ПРЕЖДЕ ВСЕГО — ПОМОЩНИКИ

Беседу вел А. Хворощан

— Андрей Дмитриевич, по роду ваших исследовательских занятий, тематика которых, хотя и разнообразна, но вместе с тем отличается систематичностью и единством (нашедшим свое отражение, скажем, в недавно изданной монографии «Французский рыцарский роман»), а также в ходе составления и редактирования изданий зарубежной классики, вам неизменно приходится быть в самом тесном и непосредственном контакте с книгой. Для читателей я наудачу назову лишь несколько прошедших мне сейчас на память изданий, выпущенных в свет под вашей редакцией: «Фьяметта» и «Фьезоланские нимфы» Боккаччо (серия «Литературные памятники»), «Европейская новелла Возрождения» («Библиотека всемирной литературы»), «Комедии» и «Жизнь Марианны» Мариво, шеститомное собрание сочинений Мериме («Библиотека „Огонек“»). Не могу обойти молчанием и ряд работ монографического плана, написанных вами в разные годы и посвященных творчеству Данте, Петрарки, Ронсара, дю Белле, Фенелона. Работая в свое время в архивах, вы разыскали и опубликовали неизвестные письма Мериме и Бальзака. Ваши коллекционерские увлечения делают вас и дома неразлучным с книгой. Так что книга знакома вам во всех ее, если так можно выразиться, ипостасях: и как частица культурной традиции, хранящая на себе явственный отпечаток эпохи, и как предмет теоретического изучения, пристального исследовательского интереса, и как объект досконального текстологического анализа; и, наконец, как точка приложения библиофильского азарта.

Вот почему первый вопрос я решил поставить предельно общо: какое место занимает в вашей жизни книга?

— Один мой дальний родственник — писатель Лев Иванович Гумилевский — придумал афоризм, который, впрочем, часто цитируется как анонимный: «У одних людей книги

заполняют полки, у других они заполняют жизнь». Мои книжные полки всегда переполнены, но я бы принял по своему адресу скорее вторую часть афоризма, поскольку большую часть своей жизни я провел в постоянном общении с книгой. Книга была для меня и добрым собеседником, и умным и чутким советчиком, и надежным другом.

— *Когда началось ваше увлечение книгой?*

— Трудно в точности сказать, когда. Как-то в отцовском дневнике нашел я запись о том, что при возвращении из эвакуации в 1942 г. (мне было тогда двенадцать) я беспokoился о сохранности книг из нашей семейной библиотеки. Помимо отцовского дневника, сохранились и другие воспоминания — мои собственные. Я припоминаю, как впервые в жизни сам покупал книгу. Деньги на покупку копились постепенно, это были большей частью «дотации» родственников и знакомых. Книга, которую я намеревался купить, была 7-томным сытинским изданием «Отечественная война и русское общество», выпущенным к вековой годовщине Отечественной войны 1812 г. В гостях мне не раз доводилось видеть это издание, и я уже давно остановил на нем свой выбор. И вот однажды, зимним вечером, я вместе с отцом отправился за вожделенными томами в книжную лавку. Покупка оказалась довольно увесистой, нести ее было тяжело, но я не без некоторой гордости тащил эту ношу. Еще учась в 10-м классе, я полностью и окончательно перехватил инициативу покупки книг у отца, бывшего страстным их собирателем.

— *Насколько самостоятельны были вы тогда в выборе книг?*

— Мне не хватало в те годы компетентного советчика, который бы по-настоящему ведал толк в книгах, мог бы разумно и методично руководить моим чтением и собирательством, так что библиотека моя составлялась в ту пору крайне бессистемно и хаотично. Отец (по профессии — авиационный инженер) с детства внушил мне необходимость бережного и даже заботливо нежного обращения с книгой, вызвал во мне преклонение перед книгой как удивительным творением рук человеческих, привил уважительный интерес к искусству оформления книги — короче, воспитал во мне отношение к книге как к мастерски сделанной вещи. Но не более того. Направлять мои книжные интересы и симпатии, формировать мои вкусы, подсказывать выбор и влиять на мои предпочтения, хотя бы на первых порах моего самостоятельного и серьезного приобщения к богатствам книги, — такая миссия вряд ли была отцу по силам. На роль руководителя и советчика он не годился. Зато от отца я принял в наследство

не только многое множество книг, составивших в совокупности весьма солидную библиотеку, но и — что еще важнее — чуткое внимание к их «внешности», к их, так сказать, физическому облику, к их вещественной форме. Книга в моем представлении всегда облечена в предметную плоть; в мыслях, как и наяву, она всегда является мне в своем законченном «телесном» воплощении, ее наружный вид неотделим от ее содержания, смысла, служа естественным продолжением ее внутренней сути. Между прочим, отец умел и любил переплетать книги, и уверенное мастерство переплета я перенял именно у него. До сих пор хранится у меня вся переплетческая аппаратура, оставленная отцом, правда, теперь я довольно редко пускаю ее в ход.

— *Причисляете ли вы себя к пестрому племени библиофилов?*

— Насчет пестроты согласен: разные встречаются библиофилы. Если соблюдать «чистоту» термина, я бы отнес к библиофилам тех, у кого, по меткому слову Гумилевского, книги заполняют не только полки, но и жизнь. При таком толковании я бы не колеблясь записал себя в ряды библиофилов. Но ныне к библиофильской когорте зачастую льнут и те, для кого книга лишь предмет собирательства, вроде этикеток или значков. Подобного рода библиофильство, видящее в книге лишь типографское изделие, той или иной степени редкости и ценности, лишь номенклатурную единицу некоей мертвой коллекции, покоящейся в шкафах без пользы и применения, мне, по правде говоря, непонятно и чуждо. По-моему, книга должна не просто отягощать полки домашней библиотеки или служить их украшением, но и обязательно *идти в дело*, помогать в работе; ей должно быть найдено конкретное и точное *применение*. Если мне заведомо известно, что данная книга совершенно бесполезна для меня, я не приобрету ее, как бы ни была она красива или ценна. Книга — рабочий инструмент познания, а не досужая прихоть коллекционера.

— *Так что библиотека «не храм, а мастерская, и человек в ней работник»...*

— Да, если угодно. Я говорил о том, что книги надо отбирать тщательно и с умом, а не пихать на полки что попало. Но это отнюдь не означает, что книжный кругозор владельца должен быть непременно тесен и узок. Как раз наоборот: чем строже и взыскательнее отбор, чем он придирчивей и доскональней — тем большая широта книжного горизонта необходима составителю библиотеки. Свободный, недогматический вкус и строгая избирательность отлично дополняют друг друга. Впрочем, при отсутствии такта и чутья легко

перейти границу, за которой эта строгая избирательность обращается в пуризм.

— *Наверное, чутье библиофила проявляется и в том, как он сумеет найти «свою» книгу «среди чужих» и «чужую среди своих»?*

— Бесспорно. Скажем, мне как филологу, казалось бы, совершенно безразличны труды по зоологии. Но вот недавно купил я книгу «Приматы» (вышедшую в издательстве «Наука») и не пожалел об этом, потому что нашел в ней интереснейший раздел, где трактуются представления древности и средневековья об обезьянах и других животных. Раздел этот существенно помог мне в моих медиевистских разысканиях. Так что консерватизм книжных вкусов и предпочтений, сосредоточенность на одной строго избранной тематике не всегда полезны для библиофила, а иногда могут оказать ему прямо-таки медвежью услугу, лишив его необходимого и ценного материала.

— *А если приобретенная книга, спустя некоторое время, становится вам не нужна, то она автоматически теряет и право на представительство в вашей библиотеке?*

— Разумеется. Так с легким сердцем продал я многие театральные книги, купленные еще в юности. Книга должна верой и правдой служить своему обладателю, а не скрываться за стеклом книжного шкафа. Беспорядочное и бестолковое накопительство книг, накопительство самоцельное, а потому бессмысленное, претит мне донельзя.

— *Вы автор монографии о рыцарском романе. Какие материалы использовали вы при ее написании?*

— Все я, конечно, перечислить не в силах, назову лишь раритеты: книгу Фараля «Артуровские легенды» (она имеется у нас в стране лишь в Ленинграде, Тарту и моей домашней библиотеке) и написанный Флютром справочник имен и названий по всей рыцарской литературе (по моим сведениям, имеющийся у меня экземпляр — единственный в Советском Союзе).

— *Как относитесь вы к книжным раритетам и их собирателям?*

— Для меня ценность любого раритета определяется не только его редкостью, но и полезностью (что далеко не одно и то же). В библиофильской литературе описаны анекдотические истории уничтожения некоторыми владельцами экземпляров редких книг с тем, чтобы оставшийся единственный экземпляр, благодаря своей исключительной редкости, приобрел еще большую цену. Подобное кощунство, подобное варварство в обращении с книгой есть, в сущности, крайнее следствие того

бесплодного собирательства, того бездуховного коллекционирования диковин, которое порой неосторожно сближается с библиофильством, в действительности не имеющим с ним ничего общего. Уникумы в коллекциях таких «книжников» напоминают скорее бабочек в гербарии, чем книги, настоящая цель которых во все времена была одна и та же: просвещать и очищать душу и ум человека.

Кстати, о раритетах и пользе, какую они приносят владельцу. Во время работы над статьей о Фенелоне мне удалось по счастливой случайности набрести в каком-то из букинистических магазинов на одну замечательную библиографическую редкость. Это был анонимный критический разбор (авторство которого смогли «расшифровать» лишь позднейшие исследователи) знаменитого фенелонова романа «Приключения Телемака», одного из первых по времени европейских «романов воспитания», который, появившись в преддверии XVIII в., оказался в некотором смысле предзнаменованием перемен, ожидавших роман в новую эпоху — эпоху Просвещения. «Приключения Телемака», вызвавшие интерес — порой доброжелательный, порой враждебный — у представителей самых разных слоев общества, были изданы в 1699 г., а уже спустя год вышел в свет развернутый критический отзыв о романе — весьма нелестного содержания. Автор, тиснувший ругательный отзыв, пожелал скрыть свое имя, должно быть, потому, что романист пользовался известным влиянием и занимал видное общественное положение — был архиепископом Камбре и воспитателем дофина. Любопытно, что место издания, означенное на титуле, есть чистейшая фикция — некий вымышленный анонимом Элеутеропль. Маскировка, впрочем, довольно прозрачная и вряд ли могла ввести в заблуждение «квалифицированного» читателя. Книга, как видите, достаточно объемиста — 346 страниц убористой печати.

— *Качество печати, кстати говоря, отменное. Притом книга превосходно сохранилась, хотя возраст ее насчитывает немногим меньше трех столетий.*

— Когда я занимался творчеством Мариво, в магазине мне неожиданно попала на глаза одна любопытная книга. Это было одно из первых изданий «Жизни Марианны» Мариво (Гаага, 1735). Я надеялся найти в этом небольшом формате томике, столь типичном для первой половины XVIII в., 3—4 части многочастного романа. Страница за страницей перелистывая книгу, я не успел еще дойти до середины, как наткнулся на ошеломительный сюрприз: после двух частей упомянутого романа под тем же переплетом находилось анонимное сочинение (атрибуция которого до сих пор не

выяснена специалистами, все три предлагавшиеся в разное время гипотезы авторства сомнительны) под названием: «Малабарские принцессы, или Философский целибат». Трактат этот, на помещенном в книге титульном листе которого значилось: «Амстердам, 1735», был в ту пору запрещен во Франции и лишь путем своеобразной и хитроумной контрабанды (будучи переплетен вместе с популярным романом и замаскирован этим соседством) мог быть перевезен через границу, обманув неусыпную бдительность таможенных стражей.

— Книга, как видно, пользовалась серьезным успехом — она порядком зачитана. Не знаю, впрочем, на чей счет отнести этот успех: повинен ли в нем беллетрист, или его «сосед» по книге, публицист и философ X.

— Повинны, пожалуй, оба: и прославленный автор и неразгаданный аноним.

— Вы против книжного накопительства, но, наверное, большую библиотеку предпочитаете малой?

— Безусловно. Библиотека должна быть достаточно емистой и полной, чтобы удовлетворить без затруднений самые разнообразные потребности владельца, чтобы то и дело не обнаруживалось в ней отсутствие книг, необходимых или интересных в часы работы или досуга. Скажем, захотелось мне в свободное время перечитать несколько стихотворений, рассказов Чехова или Бунина, специально ради них я не пойду в библиотеку, а вот дома прочел бы их с удовольствием. Как обойтись без наших великих классиков, без Пушкина, без Достоевского, без Толстого? Поэтому домашняя библиотека должна быть по возможности большой, очень большой. Такие внушительных размеров собрания есть, скажем, у моих старших коллег, академиков М. П. Алексеева, Д. С. Лихачева.

— Вы говорили о том, что «наружность» книги должна отвечать ее содержанию, форма внешняя — гармонизировать с формой внутренней. Но неукоснительное соблюдение этого правила далеко не всегда удается обеспечить даже при подборе маленькой библиотеки, не говоря уже о больших.

— Конечно. Но коль мы вернулись к разговору о единстве содержания и оформления книги, то выскажу, быть может, крамольный взгляд на это единство: мне представляется, что оформление не только диктуется содержанием, но и обратно: внешний облик книги накладывает определенные ограничения на ее внутреннюю структуру, на ее предметно-содержательный строй. Поясню свою мысль. Я говорю, разумеется, не об отдельном издании и даже не о тысяче таковых — в столь тесных рамках «обратная связь», о которой я упомянул,

не может осуществиться сколько-нибудь серьезно. Я подразумеваю ее действие в пределах целой эпохи книжной культуры, здесь связь эта реализуется во всей полноте. Эпоха, охватывающая десятилетия, а иногда и полный век развития книги, знает уже не столько одностороннюю, сколько обоюдную, двустороннюю связь между материальным и духовным составом книги, между мыслью и ее воплощением на книжных страницах.

— *Какие эпохи в истории книги привлекают лично вас, как исследователя, автора, составителя, собирателя, читателя книг?*

— Меня занимают три эпохи в эволюции книги: Средние века (основной предмет моих теперешних исследований), эпоха Просвещения (которая также лежит в сфере моих специальных интересов) и рубеж «века нынешнего» и «века минувшего» — 90-е и 900-е гг. (к которым я питаю бескорыстный, «кантовский» интерес). В эти периоды культурного развития книга переживала несомненный расцвет. И та взаимная связь между содержательной и иллюстративной сторонами книги, о которой мы только что говорили с вами, была наиболее отчетливо выражена именно в эти эпохи.

— *Вы, должно быть, собрали немало книг, относящихся к этим временам?*

— Да, кое-что посчастливилось приобрести для своей скромной коллекции, хотя, впрочем, в библиотеке моей нет ни одной средневековой рукописи. Одна из самых старинных книг, хранящихся у меня, принадлежит уже к закату Возрождения: это «История герцога Альбы» на французском языке, датируемая 1599 г. Есть несколько книг середины XVII в. Однажды я по нерешительности упустил одно замечательное издание еще более почтенной давности — цикл стихов Ронсара. Книг, изданных в XVIII столетии, у меня довольно много, в их числе издания Вольтера, Мариво, Мармонтеля, Ретифа де ла Бретона, Парни, Кребийона-сына, госпожи де Жанлис, мемуары кардинала де Ретца, знаменитый «Фоблас» Луве де Кувре и др. Книги, созданные на рубеже последнего столетия, также достаточно щедро представлены в моем собрании.

— *Вы помянули «век философии», как назвал XVIII столетие Пушкин, в качестве примера эпохи, отмеченной высокой зрелостью, мощью и самобытностью книжной культуры. Есть резон полагать, что крупный и уверенный шаг вперед в развитии и совершенствовании книги не был простой случайностью, вынесенной за скобки общех историко-культурных преобразований и процессов, а, напротив, был ими подготовлен, подкреплен и поддержан. Полный пере-*

смотр старых взглядов на мир и человеческое существование в нем, перекройка и обновление самой концепции человека и вселенной, решительная и безоговорочная апелляция к Разуму как некоему верховному началу — все это не могло не наложить определенного и резкого отпечатка на книгу той поры, во всем единстве составлявших ее элементов.

— Вы безусловно правы. Книги эпохи Просвещения и при желании не спутаешь с книгами более раннего или более позднего времени. Им, как правило, присущ особый, отличительный строй, сквозящий и в словесной ткани, и в иллюстрациях, и в виньетках, и даже в качестве и характере шрифтов. Книга поднялась на новую ступень в общественном самосознании, сделавшись полномочным представителем возмужавшего и созревшего интеллекта, своеобразным рупором человеческого разума...

— ...который как бы заменил собой божество в просвещенном сознании века.

— Книга переменилась в этот период и внешне, однако блеск и роскошь оформления, непринужденное изящество и четкость словесного рисунка (наравне с рисунком, сопровождавшим самый текст) не исчерпывали собой этой новизны. Новации были значительней и глубже, знаменуя целый переворот в художественном и идеологическом мышлении эпохи.

— Новации формы соответствовали новациям духа, поворот к новому равно ощущался и в содержании, и в оформлении книг.

— К новым, приобретенным чертам книги надо в первую голову отнести предельную закругленность и выпуклость мысли, полноту и цельность жизневоззрения (хотя и зачастую прямолинейного и рассудочного), раскрепощенность и своеволие духа, бросившего дерзкий вызов доморощенной ортодоксии, бескрылому убожеству схоластической мысли, до конца не изжитой даже на взлете ренессансной культуры, на гребне Высокого Возрождения. Книга была своего рода гегемоном интеллектуальной революции, и потому вряд ли возможно переоценить ее роль в духовном становлении эпохи, все достижения которой косвенно или непосредственно связаны и сопряжены с интеллектом и Разумом.

— Век Просвещения иногда корят за воинствующий рационализм, по существу неглубокий, а подчас и примитивный, за поверхностную энциклопедичность и едва ли не насильственный универсализм мышления. Насколько правомерна, с вашей точки зрения, подобная оценка?

— Она кажется мне безосновательной. Меня поражает в

просветительстве как раз иное: соседство пафоса и юмора, родство и почти интимная близость между абстракцией и чувственно-достоверной реальностью. Век Разума был на удивление веселый век, смеющийся век, здоровым, могучим и жизнерадостным смехом разоблачавший и разрушавший мертвые каноны восприятия и веры. Веселье было непосредственным и свободным изъяснением духа, его глубинной и неотложной потребностью.

— *«Как мысли черные к тебе придут, // Откупори шампанскую бутылку // Иль перечти «Женитьбу Фигаро».*

— Век Просвещения был отмечен изумительными взлетами музыкального гения, век этот дал миру Гете... О каком однообразии и скудости, о какой прямолинейности и узости может идти речь в применении к этой эпохе, я, признаться, не совсем понимаю.

— *Не удержусь от соблазна процитировать разительно схожую и созвучную с вашим замечанием мысль одного из героев «Игры в бисер»: «И вообще, восемнадцатое столетие, как бы нам порой ни казалось, что тогда царил дух поверхностный и дилетантский, в смысле истории духовной культуры необыкновенно интересно и многогранно...»*

— Слова эти вполне приложимы не только к «истории духовной культуры» в ее целом, но и, в частности, к истории культуры книжной.

— *Вы говорите об эпохах в истории книги применительно лишь к таким традиционно «книжным» державам, как, скажем, Франция или Англия с их многовековой, уходящей корнями еще в довозрожденческую давность, культурой книги?*

— Нет, почему же: подъем или угасание книжной культуры в различных европейских странах приходились приблизительно на одно и то же время (взять хотя бы «век философии»), поэтому есть основание говорить даже о всевропейской культуре книги: ведь развитие и разрастание ее ветвей осуществлялось почти синхронно. Отклонения были редки и незначительны.

— *Вы, как я могу судить по вашей издательской деятельности и исследовательской работе, далеко не равнодушны к проблемам книгоиздания?*

— Не стану спорить: ведь я, откровенно говоря, в душе издатель. А литературовед, так сказать, по долгу службы. Люблю готовить книги к изданию, входя при этом во все мелочи, вникая во все подробности. Например, сейчас в издательстве «Искусство» готовлю к выпуску книгу «Средневековые французские фарсы». Причем оформление книги забо-

тит меня ничуть не меньше, чем качество переводов (оно, кстати, очень высоко) или научный аппарат.

— Мне хорошо памятли издания в «Библиотеке всемирной литературы» («Средневековый роман и повесть»), серии «Литературные памятники» («Смерть Артура» Т. Мэлори, «Легенда о Тристане и Изольде», «Португальские письма» Гийерага, «Удачливый крестьянин» Мариво, «Заблуждения сердца и ума» Кребийона), а также «Философские повести» Вольтера, «Французская классическая эпиграмма» и др., в подготовке которых вы приняли самое непосредственное участие. Подготовка эта наверняка заставила вас обратиться ко множеству источников?

— Здесь как раз и принесла мне изрядную пользу моя собственная библиотека. Но даже когда «Легенда о Тристане и Изольде» увидела свет и материалы, использованные для ее подготовки, казалось бы, утратили для меня свою актуальность и ценность, я не перестал собирать книги по той же тематике.

— Таков уж, видно, закон всякой настоящей любви; она слепа...

— Возможно. Но в этой любви есть и расчет: книга, которая, на первый взгляд, вряд ли когда-нибудь понадобится, может неожиданно пригодиться — и как еще пригодиться! Приведу пример. Среди старожилых моей библиотеки есть издание галантного романа «Клятвы, или Придворная жизнь» некоего съера де ля Серр, вышедшее в свет в 1635 г. До некоторых пор стояло оно нетронутым на полке, а нынче вот собираюсь о нем написать.

— Вам, видимо, ежедневно приходится пользоваться книгами своей домашней библиотеки. Составляете ли вы себе в помощь каталоги, картотеки?

— Нет, картотеки я составляю лишь по темам своих исследований. В собственной библиотеке, хоть она и велика, я ориентируюсь довольно свободно. Главное неудобство, затрудняющее доступ к книгам, — их размещение на полках в 2 ряда. Особенно ощущается это неудобство, когда пытаешься найти место для вновь купленных книг: даже скудное пополнение вызывает перестановку большей части библиотеки.

— Есть ли в вашем собрании библиофильский раздел, издания, посвященные книгам и книжникам?

— Да, я люблю и хорошо знаю популярную книговедческую литературу. Среди книг такого рода у меня имеются: «Библиофилия и библиомания» Куфаева, принадлежащие ему же «Проблемы философии книги», сборник изречений и афоризмов «Похвала книге», книги Смирнова-Сокольского и Лидина.

— Как относитесь вы к ажиотажу вокруг модных книг?

— Вместо ответа на ваш вопрос я лучше расскажу одну забавную историю, которая наверняка покажется вам маловероятной, хотя нет в ней ни грама вымысла. Как-то раз (в 1962 г.) шли мы с моим приятелем и коллегой мимо Книжной лавки писателей. В витрине преспокойно красовалась книжка, которую я уже успел к тому времени купить, своего спутника уговаривал сделать то же самое. Она называлась... «Жизнь господина де Мольера», автором ее был... Михаил Булгаков.

— Как и всякая мода, книжная мода ветрена и непостоянна. Однако есть безусловные культурные ценности, авторитет которых не убывает, а наоборот, растет с течением десятилетий и веков.

— Спору нет, выдающиеся памятники старины, наследие великих писателей прошлого для нас, свидетелей полетов на Луну и исследований атомного ядра, сохраняют значение неоспоримой и живой реальности. Им дарована «жизнь вечная» в нашем сознании и в нашей памяти. Недаром все ширится фронт исследований литератур и культур античности, средневековья и других отдаленных от нас эпох. Культурное сознание этих эпох еще продолжает жить (конечно, в обновленном, преображенном и зачастую неузнаваемом виде) в составе нынешней мировой культуры, его еще рано сдавать в исторический архив человечества. Неумирающее наследие минувших веков еще не раз сослужит человечеству свою службу.

— Вы, как исследователь, причастны к этому наследию, так сказать, профессионально. И поскольку в центре ваших научных интересов находится в последние годы европейское Средневековье, то в вопросе своем я коснусь именно этого периода истории. Общераспространенный взгляд на Средние века таков: это эпоха культурного застоя, эпоха неограниченного диктата Римской церкви, пресекавшей всякую возможность свободного мышления и плодотворного развития человека, «мертвая полоса» истории. Так ли бесспорна эта точка зрения?

— Нет, конечно. Средневековье не было глухим безвременьем, бесполезной паузой в европейской истории. Это была в известном смысле продуктивная, полная творческих сил эпоха, создавшая богатейшую и разнообразнейшую культуру. Непререкаемый авторитет церкви, отозвавшийся на всех без исключения сторонах духовной жизни Средневековья, не мог, однако, умалить значимость культуры этого периода для всего последующего развития человечества. Взять, к примеру, сред-

невековый ярмарочный театр или лирику трубадуров, или животный эпос, или традицию рыцарского романа, пустившую столь мощные ростки в литературном сознании Ренессанса и Нового времени. Без этих форм (а они наудачу выбраны из обширного реестра культурных достижений Средневековья) трудно представить себе развитие искусства во все дальнейшие эпохи. К тому же церковь не только подавляла и поучала, она в эту пору действительно учила, будучи почти единственной носительницей знания, культуры, она одушевляла и поддерживала, направляла и даже оберегала. Но все это — весьма относительно, конечно. Объективный, трезвый взгляд на историю христианской идеологии и культуры, на развитие и значение церкви, последовательно, на протяжении веков, прошедшей стадии становления, расцвета, упадка и мирания, — взгляд этот не утвердился еще в сознании рядового читателя, и причиной тому — его недостаточное, большей частью поверхностное, знакомство с эпохой и ее памятниками.

— *Средние века обычно противопоставляют Ренессансу, подчеркивая аскетизм средневековой культуры.*

— Средневековье не было сплошь аскетичным, народная культура этого времени, да и не она одна, была почти свободна от авторитарных ограничений веры, она составляла как бы противовес официальному религиозному мировоззрению. Неправоммерно представлять себе Средневековье целиком зажатым в тисках господствовавшего вероучения. Живые родники самобытной культуры били и в эту эпоху, хотя, быть может, и с меньшей силой, чем в позднейшие. Как одухотворенная, тонкая, богата оттенками и смыслами любовная лирика эпохи, которую обычно называют «куртуазной» (т. е. «придворной»). А как изумительно красивы средневековые книги! Вот уж где текст вполне сливается с оформлением.

Если же вести речь о ближайшем преемнике Средних веков — Ренессансе, то не следует забывать о том, что Ренессанс унаследовал от предшествующей эпохи многие существенные идеи и традиции. Скажем, из средневекового наследства перешли в багаж ренессансного мышления такие понятия, как героизм, рыцарство, своеобразная трактовка «высокой любви»: Ренессанс не отвергал Средневековье в целом, он отрицал в своем развитии лишь его отдельные, хотя и важнейшие стороны: слепую преданность вере, догматическую власть авторитетов, бюргерское начало.

— *Вы упомянули народную культуру Средних веков. Этой культуре специальное исследование посвятил М. М. Бахтин. Что думаете вы по поводу его концепции, которая утверждает*

ет, что в Средние века подлинно народная культура, в отличие от официальной культуры правящего меньшинства, верхушки общества, была насквозь, от начала до конца карнавальной, всецело и абсолютно подчинена карнавалу, пронизана его заразительным, праздничным духом, контрастным той хмурой серьезности, той чинной этикетности и церемониальности, которые, оттеняя высокомерие знати, служили атрибутами ее мировоззрения?

— В этом есть изрядная доля преувеличения. Народ был сопричастен не только карнавальной стихии, но и той серьезности, которую Бахтин безоговорочно отдал на откуп духовенству, аристократии—словом, верхам социальной иерархии. Народ знал не только опьяняющее веселье карнавала, но и тяжелый, безрадостный труд, но и пост, но и молитву, и потому народная культура не могла полностью отрешиться от односторонней и черствой серьезности своего времени, так как серьезность эта оказывала на нее воздействие не меньшее (а в известном ряде случаев даже большее), чем карнавал, пусть и длился этот последний 3—4 месяца в году. Ренессанс разрушил эту одностороннюю, плоскую серьезность, что было безусловным шагом вперед всей европейской цивилизации. Но вместе с завоеваниями в сфере мысли и духа, вместе с неопценимыми приобретениями во всех культурных областях Ренессанс не избежал и очевидных потерь.

— Что же ценного и значительного было утрачено в эпоху Возрождения из «культуры и этики» предшествовавшего периода?

— Ну, во-первых, глубокая непосредственность мировосприятия. А во-вторых, жесткий моральный императив Средневековья, вещь, прямо скажем, не безразличная и не бесполезная для всего культурного развития.

— Источником наших сведений о Средневековье служат прежде всего рукописи этого времени. Но филологу-медиевисту легко, пожалуй, утонуть в этом рукописном море. Тут, я думаю, ему должны прийти на выручку палеографы, предоставив в его распоряжение максимально полные перечни и каталоги, выверенные описания и точные библиографические справки.

— Да не тут-то было. Некоторые палеографы проявляют прискорбное невнимание, а точнее—безразличие к содержанию и смыслу рукописей, которые они «изучают». Отсюда в описаниях этих горе-палеографов масса прямо-таки фантастических в своей курьезности ошибок и нелепиц. Создается впечатление, что этих «исследователей» интересует лишь размер букв, рисунок шрифта—и ничего более.

— Вам, по-видимому, приходится обращаться не только к оригиналам иноязычных текстов, но — как редактору и читателю — и к многочисленным переводам. Какого мнения вы о переводческих возможностях (в смысле приближения перевода к подлиннику)?

— Лирику я почти не читаю в переводах, слишком невосполнимы потери при переложении с языка на язык. Эпическая поэзия может быть почти адекватно воссоздана на чужом языке (пример тому — «Божественная комедия» в переводе М. Лозинского). Прозаический перевод может вплотную подойти к оригиналу и даже слиться с ним в сознании читателя. Из переводчиков прозы мне больше других импонируют Н. Любимов, Е. Гунст, из молодых — Ю. Стефанов. Мне нравится любимовский перевод «Тартарена», «Под сенью девушек в цвету», или, скажем, «Хроники царствования Карла IX» (кстати, «Хронику» отлично перевел в свое время М. Кузмин, но любимовский перевод все же лучше). Его перевод Рабле блестящ, виртуозен, но для меня, как исследователя, не может заменить оригинала. Тут, видимо, дело в подходе: «Гаргантюа и Пантагрюэль» в переводе Любимова впервые открыли русскому читателю подлинного Рабле.

— Труд исследователя отчасти схож с переводческим трудом: как переводчик должен донести до читателя в неприкосновенности и полноте дух и поэтическое существо подлинника, так и исследователь должен донести до читателя дух и существо культурной традиции, сформировавшей этот подлинник (или иные сопродные и близкие ему по стилю, жанру, проблематике и т. п.), творческое лицо его создателя, своеобразие эпохи, в которую он жил.

— И здесь верный и незаменимый помощник исследователя — книга. Все мы, в сущности, читатели одной огромной книги — книги человеческой культуры. Только каждый из нас открывает ее на своей странице.

Евграф Кончин

«УПОЛНОМОЧЕН ПРИНИМАТЬ ВСЕ МЕРЫ...»

Писателя, ученого-филолога Анатолия Корнелиевича Виноградова, пожалуй, знает всякий. Его книги «Три цвета времени», «Осуждение Паганини», «Черный консул», «Стендаль и его время», «Байрон», «Повесть о братьях Тургеневых», а также другие его произведения пользуются давней и заслуженной популярностью. Но лишь специалистам известно, что Виноградов был еще и одним из организаторов библиотечного дела в первые годы Советской власти. После окончания физико-математического, а затем историко-филологического факультетов Московского университета он в 1912 г. поступает в библиотеку Румянцевского музея на должность помощника младшего библиотекаря. С началом первой мировой войны попадает в действующую армию. Возвращается в июне 1917 г.— «с тяжелой контузией и Георгиевскими отличиями»¹. После Октябрьской революции он становится Ученым секретарем, а с марта 1921 по октябрь 1924 г.— директором Румянцевского музея. Он являлся также членом Большой коллегии Народного комиссариата имуществ Республики, заместителем заведующего Библиотечным отделом Наркомпроса, организатором подотдела библиотечных комитетов и комиссий Отдела научных библиотек и его заведующим, членом его коллегии, членом Центрального комитета государственных библиотек Наркомпроса, председателем президиума Первой библиотечной сессии и еще входил во множество самых разных организаций... Словом, ни одно тогдашнее крупное библиотечное мероприятие не обходилось без участия Виноградова.

Заслуги его в становлении и развитии советского библиотечного дела значительны, но, к сожалению, до сего времени не получили должного признания. Сведения о нем скудны,—

¹ ЦГАЛИ, ф. 1303, оп. 1, ед. хр. 299. (В дальнейшем документы, находящиеся в данном фонде, цитируются без ссылки на источник.)

они в основном представлены в предисловиях и послесловиях к его сочинениям, где разбираются и комментируются только его литературные труды.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ), где хранится личный фонд Виноградова за номером 1303, я нашел интереснейшие, до сего времени нигде не публиковавшиеся документы. К стати, Анатолий Корнелиевич сберег прекрасный личный архив. Вероятно, он как исследователь и как писатель понимал цену каждой бумажки, черновика, письма, казавшихся, быть может, при беглом взгляде не существенными. Наверное, старался ничего не выбрасывать, сохранял даже в годы юности, в трудные и беспокойные годы революции и гражданской войны. Поэтому эти документы свидетельствуют о сохранении культурного, в частности книжного, достояния народа.

Совершенно неизвестна деятельность Виноградова в первые дни Советской власти как члена Комиссии по охране памятников старины и художественных сокровищ при Московском Совете рабочих и солдатских депутатов, той самой Комиссии — первой советской организации подобного рода, прообраза будущего Музейного отдела Наркомпроса, — которая проделала огромную работу по сохранению, спасению художественных, библиотечных и исторических сокровищ, по строительству социалистической культуры.

Организатором и руководителем этой Комиссии был архитектор, старый большевик, член партии с 1904 г. Павел Петрович Малиновский, народный комиссар имуществ Республики. Среди тех огромных трудностей, с которыми пришлось столкнуться Комиссии, был и злобный саботаж работников старых ведомств и учреждений культуры. Сотрудники Румянцевского музея были одними из немногих, кто не участвовал в антисоветской кампании чиновников. Уже в декабре 1917 г. совет музея делегировал своего представителя в состав комиссии — им был Анатолий Корнелиевич Виноградов. Он энергично включился в ее работу, стал членом сразу двух отделов — архивно-библиотечного и музейного. Таким образом, Румянцевский музей открыто вступил на путь сотрудничества с Советской властью, во многом этому перелому способствовал Виноградов и другие прогрессивно настроенные сотрудники музея.

«Анатолий Корнелиевич,— пишет в 1924 г. П. П. Малиновский в отзыве, обнаруженном мною в архиве,— был первым из весьма немногих в то время интеллигентов, пришедших добровольно на помощь Советской власти. Он оказал неоценимые услуги как по сохранению Румянцевского музея, так и по

охране вообще московских культурных ценностей, увлекая своим примером товарищей по специальности и всемерно содействуя Советской власти переходу в отношении других к новому режиму».

А вот что повествует о тех днях сам Анатолий Корнелиевич в своих воспоминаниях, записанных в отдельную тетрадку, вероятно, в 1918 г.

«Мы работаем не покладая рук, не считаясь с ночными часами, иногда без перерыва по двое-трое суток, то в Кремле с П. П. Малиновским, то на местах с представителями комиссий, обдумывая в низких комнатах Кавалерского корпуса Московского Кремля план работы Государственного Румянцевского музея. К его чести надо сказать, что именно его усилиями была в корне подорвана всяческая попытка объединенного антисоветского саботажа. Румянцевский музей с беззаветной искренностью и откровенностью откликнулся на зов Московского Совета. С первых дней ноября стал крупнейшим в республике центром собирания, распределения и научной обработки всевозможных библиотечных культурных сокровищ страны, исторгнутых из рук правящего класса родовой и денежной аристократии и, наконец, увидевших широкий и свободный свет... Но тут нам пришлось столкнуться с яростным сопротивлением буржуазии, варварски предпочитавшей спекуляцию книгами и предметами искусства, укрывательство, а иногда и вандальное их уничтожение... Необходимо было прибегнуть к мерам осторожным, но рассчитанным, ибо представители иностранных держав покрыли страну сетью спекулянтской агентуры.

Лишь немногие, но тем более отрадные случаи характеризуют владельцев художественно-исторических ценностей, как людей бескомпромиссно любящих искусство, людей открытых и искренних.

Эти немногие открыли свои сокровищницы, собранные вовсе не во имя свое, и добровольно передали все ими собранное Комиссии и музеям...

Среди многих хлопот по регистрации и учету, по реквизиции, вывозу и распределению библиотек, картин, статуй, рукописей и т. д. я был вызван ночью, в конце марта к П. П. Малиновскому... И был им назначен в „междуведомственную комиссию для проведения в жизнь Брестского договора“ в качестве защитника художественно-научных ценностей республики от покушения тогда еще хищного „Черного Орла“, то есть кайзеровской Германии.

Утром следующего дня мне вручили полный печатный текст договора для штудирования. Указали также, что дальнейшие

материалы будут мне переданы по мере работы Комиссии и выяснению общей политической обстановки...»

К одной из последних страниц этой тетрадки с записями подклеен мандат от 11 апреля 1918 г. за номером 194, в котором говорится: «Комиссариат имуществ Российской Республики удостоверяет, что тов. А. К. Виноградов делегирован Заместителем постоянного представителя Комиссариата имуществ в Межведомственное Совецание для проведения в жизнь Брестского договора».

Есть волнующая сила подлинных документов. Таким был первый мандат «Члена Комиссии по охране памятников старины и художественных сокровищ Московского Совета рабочих депутатов тов. Виноградова А. К.», выданный ему 18 декабря 1917 г. Мандат торопливо отпечатан на плохой машинке, шрифт которой неровен и блекл, да и лиловый штамп еле виден. Фамилия вписана от руки чернилами.

Еще в одном мандате записано, что ему «поручается осмотр частных и общественных художественных хранилищ библиотек, в целях выяснения всех вопросов, связанных с охраной памятников искусства и старины, и уполномочивается принимать все меры охраны вплоть до вывоза в Румянцевский музей».

И Анатолий Корнелиевич вывозил книги, картины, гравюры и другие культурные ценности, спасая их от расхищения, от гибели. Так, 29 декабря 1917 г. Виноградов в сопровождении работников Румянцевского музея и красногвардейцев приехал в библиотеку бывшего Александровского военного училища «по предложению комиссара П. П. Малиновского и по поручению Совета Румянцевского музея», как он напишет в своем отчете. Прибыл он после того, как здесь уже побывали грабители, они взломали двери, но успели унести немного. Несколько дней, с утра до ночи перевозили в Музей, на Моховую, богатейшую по многим техническим и научным отраслям библиотеку. «Десять ездов совершили на военном грузовом автомобиле, полученном от комиссара 2-й запасной автомобильной роты, а дальше — лошадьми с телегой...» В архиве сохранился этот отчет Анатолия Корнелиевича, его удостоверение, а также листок бумаги, на котором он пунктуально отмечал количество книг, погруженных на каждую машину и телегу. (Итоговая цифра внушительна — она равна 43 тысячам томов.) Анатолий Корнелиевич берег этот листок тридцать лет. Как, впрочем, и другой документ, который я нашел в виноградовском архиве совершенно неожиданно. Он имел отношение к спасению культурных ценностей, и книжных в том числе, находившихся в бывшей подмосковной

усадебные графов Уваровых—Поречье Можайского уезда,—собранных, главным образом, А. С. Уваровым, известным археологом, одним из основателей Российского и Московского археологических обществ, Исторического музея в Москве. Сохранить эти богатства было делом не простым. Руководство Порецкого волостного земства отказалось передать, как было первоначально договорено, коллекцию в Исторический музей и Румянцевскую библиотеку. Местные деятели хотели распродать все помещичье имущество, тем самым обрекая собрание на уничтожение. Чтобы сберечь уникальные коллекции, президиум Московского Совета организовал специальную группу специалистов—членов Комиссии по охране памятников старины и художественных сокровищ, наделив их большими полномочиями «ввиду,—как было записано в одном из протоколов закрытого совещания Комиссии,—исключительной художественной и научной ценности собрания Уваровых... потеря которого была бы непоправимой утратой для европейской науки»².

И это собрание было сохранено. В том числе значительная археологическая коллекция, составленная из уникальных предметов IV и V вв., ценнейших античных и скифских изделий культуры и быта. Они разместились на бельэтаже огромного особняка и представляли собой первоклассный историко-археологический музей. На первом этаже—картинная галерея, где экспонировались полотна Тенирса, Гверчино, Строцци, Дау, фамильные портреты, среди которых находилась такая жемчужина русского искусства, как «Портрет Д. И. Уваровой» Рокотова. И, наконец, залы третьего этажа были заняты прекрасной библиотекой, насчитывавшей свыше 100 тысяч томов на многих языках, а также более 3 тысяч рукописей. В нее входили собрание рукописных материалов И. Н. Царского, коллекция этнографа и археолога И. П. Сахарова, часть библиотеки известного библиофила С. Д. Полторацкого. Литература по археологии, истории, философии, филологии, истории литературы, по богословию и масонству... Здесь же хранился уваровский архив.

Художественные и исторические экспонаты пополнили музеи Москвы, а книги—Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина, в то время Румянцевский музей.

Но кто сохранил от верной гибели это культурное достояние народа? Кто ездил в Поречье и, принимая во внимание

² Из истории строительства советской культуры. 1917—1918.—М., 1961, с. 177—178.

тогдашнюю внутривластическую и военную обстановку, надо полагать, с огромными трудностями вывез его в Москву? Долгое время не удавалось это выяснить.

И вот в бумагах Виноградова я нахожу командировочное удостоверение за номером 7868, выданное 1 апреля 1918 г. Советом Народных Комиссаров Москвы и Московской области, в котором говорится, что «согласно его постановлению... от 17-го марта 1918 г. командированы для приема художественного имущества Уваровского Порецкого музея и для перевозки его в Москву в Исторический музей следующие лица: тов. Виноградов Анатолий Корнелиевич — представитель Комиссии по охране памятников и художественных сокровищ при Совете Р.С. и К.Д., тов. Эйхенгольц Марк Давидович — представитель Комиссариата Народного Образования, тов. Воронец Максимилиан Эммануилович — представитель Исторического музея...»

Не отысканы, к сожалению, документы, рассказывающие о подробностях этого чрезвычайного рейда. Да и сохранились ли они?..

А вот обстоятельства другой подобной операции нахожу в отчете Виноградова, помеченном ноябрем 1918 г. Речь идет о поездке Анатолия Корнелиевича и его близкого друга, сотрудника Румянцевского музея Николая Петровича Киселева (1884—1965), позже ученого-книговеда, профессора в село Тарусово, расположенное близ города Дмитрова. Там в имении Корсаковых находилась богатейшая библиотека, уникальный архив, редкие художественные произведения.

Но когда они прибыли в Тарусово, то узнали, что часть имущества уже «реквизирована и разобрана по дворам». Тогда Виноградов выступил на крестьянской сходке с пламенной речью. Он объяснил значение для всего народа исторических и художественных ценностей, прочитал воззвание Совета рабочих и солдатских депутатов, рассказал о декретах советского правительства, направленных на сохранение библиотек, памятников искусства и старины; в частности, о декрете Совнаркома «Об охране библиотек и книгохранилищ РСФСР», подписанном В. И. Лениным. Объяснил, что помещичьи вещи нельзя растаскивать по дворам или уничтожать — и нужно тщательно сохранять, чтобы использовать в новых, для крестьян же созданных, библиотеках, музеях, школах... К числу сходки тем, что зачинщики расхищения были арестованы, а «реквизированные» книги и другие вещи возвращены.

Виноградов и Киселев внимательно проверили библиотеку по каталогу. Помогла разобраться в собрании Софья Николаевна Корсакова, которая с большой матерью оставалась жить в двух комнатах обширного двухэтажного дома. «Но работы

было крайне тяжело,—пишет в отчете Виноградов,—прежде всего потому, что в неотапливаемых комнатах был страшный холод и нечем было освещать их по вечерам, а дни стояли такие короткие».

Председатель местного комбеда подписал все необходимые протоколы по вывозу имущества, снарядил двенадцать подвод. На них погрузили 33 ящика весом 124 пуда. 7 декабря отвезли за семь верст до станции Вербилки Савеловской железной дороги. С огромным трудом удалось погрузить ящики на какой-то проходящий товарный состав.

Еще один мандат, выданный 23 марта 1918 г., говорит нам о том, что «Анатолию Корнелиевичу Виноградову поручается принять меры по организации и осуществлению перевозки в Румянцевский музей библиотеки бывшей С. П. Рябушинского, находящейся в доме № 6, по Пречистенскому бульвару...» Он обследует также библиотеку П. П. Рябушинского, которая находилась в имени знаменитого промышленника на станции Хлебниково Савеловской железной дороги, организует перевозку в Румянцевский музей библиотеки С. П. Рябушинского. Принимает участие как ученый секретарь Румянцевского музея и как «председатель Комиссии по распределению и разбору книг, находящихся в антикварных магазинах» в сохранении великолепного собрания известного антиквара П. П. Шибанова, насчитывающего около 100 тысяч томов и редких рукописных изданий. Добывается в 1923 г. от Главнауки Наркомпроса разрешения перевести библиотеку целиком из подвалов колокольни Рогожского кладбища в Румянцевский музей (а ведь хотели ее передать по частям в разные хранилища). Позаботился Анатолий Корнелиевич о приобретении библиотеки историка В. О. Ключевского и ряда других коллекций.

Тысячи и тысячи книг прошли через его руки в эти годы—вначале как работника Комиссии по охране памятников старины и художественных сокровищ Московского Совета, затем как члена коллегии Библиотечного отдела Наркомпроса. Но более всего, как ученого секретаря Румянцевского музея, потому что, в конечном итоге, наиболее значительные и редкие книжные собрания поступают к нему—в Румянцевскую библиотеку. И в этой своей должности он подписывает десятки командировочных удостоверений, с которыми разъезжаются во все концы страны работники Румянцевского музея, чтобы сохранить, спасти, вывезти в Москву редкие книжные коллекции.

Анатолий Корнелиевич писал в автобиографии, черновик которой хранится в ЦГАЛИ, что «за 1918—1920 годы количе-

ство книг в Румянцевском музее намного увеличилось и достигло немыслимой раньше цифры в три миллиона». Было передано в музей около 400 частных библиотек. Приток национализированных книг был настолько велик, что уже 29 октября 1918 г. Совнарком ассигновал на расширение штата Румянцевского музея около ста тысяч рублей. Затем еще и еще...

Но Анатолий Корнелиевич помимо основной своей службы в Румянцевском музее занимал в разное время еще несколько должностей в других ведомствах Наркомпроса. Он был инициатором создания подотдела библиотечных комитетов и комиссий в Отделе научных библиотек, затем стал его заведующим³. Активно принимал участие в устройстве этих комитетов и комиссий в ряде провинциальных городов (в частности, в Тарусе и Калуге—в своих родных местах). Они сыграли огромную роль в учете, сборе, сохранении редких и ценных собраний, в более целесообразном распределении книжных богатств, в руководстве научными библиотеками, в организации новых библиотек.

Сохранился мандат, датированный серединой ноября 1919 г. и подписанный наркомом А. В. Луначарским. «Товарищу А. К. Виноградову, члену Коллегии научных библиотек,—говорится в нем,—поручается организовать обследование и распределение бывших усадебных библиотек Калужской губернии через местные библиотечные комиссии Наркомпроса».

Ноябрь девятнадцатого года выдался мокрым, холодный, ветреный. Дороги—никудышные, а добираться до какой-либо бывшей помещичьей усадьбы приходилось на телегах. Ночевали, где придется: в теплой избе председателя местного совета или в холодном, нетопленном зале безлюдного барского особняка. А утром—опять тряслись десятки километров по разбитой проселочной дороге. И ждали очередной встречи.

По некоторым косвенным сведениям, Виноградов побывал и на Полотняном заводе, познакомился с известной библиотекой усадьбы Гончаровых. Предполагаю, что он кое-что присмотрел для Румянцевского музея, за этим, собственно, Анатолий Корнелиевич и приезжал сюда. Но удалось ли вывезти в Москву? Неизвестно.

Он побывал также в Оптиной пустыни. Когда увидел в описи монастырской библиотеки наименования редчайших иностранных изданий и старинных рукописей, то приказал охранять их, пока не приедут специалисты из Москвы, которых он обещал сюда непременно направить. Видимо,

³ Гос. архив РСФСР, ф. 2306, оп. 30, ед. хр. 5.

заезжал в Козельск, осмотрел в Бегичеве бывшую библиотеку князей Трубецких и остановился на несколько дней в Тарусе.

Родителей повидал, сына Юрия, который у них жил. И сразу же приступил к осмотру огромного завала книг, конфискованных, в большинстве своем, в имении князей Горчаковых Барятино, расположенном близ города. Художественные и книжные богатства скапливались здесь в течение нескольких поколений. Но, пожалуй, главным образом, Барятино обязано своими приобретениями Д. П. Горчакову, писателю, автору оперных либретто, поэм, повестей и сатир, отменному знатоку литературы, которую он во множестве привозил из своих заграничных путешествий.

Уникальные книжные и художественные ценности Горчаковых — одни из немногих в Калужской губернии, которые быстро и почти полностью удалось сохранить в 1918—1919 гг. — не без вмешательства Виноградова, который хорошо знал и прежде это собрание. Председателем Тарусской библиотечной комиссии, ведавшей распределением всех книжных богатств в уезде, была мать Анатолия Корнелиевича, Надежда Николаевна Виноградова, человек большой культуры и разносторонних знаний.

Однако Надежда Николаевна не могла разобраться в том многоязычном книжном потоке, отобрать из него все наиболее значительное и редкое. Этим-то и занялся Анатолий Корнелиевич. Тем более, что литература в основном была французская, очень интересовавшая его. Быть может, именно в ноябре 1919 г. в его записные книжки, небольшие, в мягких кожаных переплетах, испещренные, казалось бы, беспорядочными записями на русском, французском, немецком, итальянском и польском языках, легли первые строки книги «Стендаль, автор новелл и хроник», изданной уже в 1923 г.

В Москве Анатолий Корнелиевич заболел: сказала его калужская поездка. (Вероятно, свой туберкулез приобрел тогда, в ноябрьские дни девятнадцатого года.) Да и как он болел? Много читал, писал, отвечал на спешные бумаги, скопившиеся за время его командировки. А прежде всего, срочно отправил в Оптину пустынь заведующего отделом Николая Петровича Киселева, крупнейшего знатока старых изданий западноевропейской литературы, знавшего двенадцать языков. Торопил его, беспокоился, как бы что не случилось с книгами: и похитить могут, и ненароком погубить. Поэтому специально звонил Игорю Эммануиловичу Грабарю в Коллегию по делам музеев и охране памятников искусства и старины, просил его послать вместе с Киселевым «спеца» по древней живописи — видел сваленные в беспорядке иконы в монастырском складе.

Тот порекомендовал Николая Николаевича Померанцева.

Нашел их командировочные удостоверения, подписанные Виноградовым, а в протоколах заседаний Коллегии подотдела охраны памятников искусства и старины в провинции я встретил короткое сообщение работников коллегии Н. П. Киселева и Н. Н. Померанцева о своей поездке. Подробности же узнал от самого Н. Н. Померанцева, ныне заслуженного деятеля искусств РСФСР, лауреата Государственной премии.

«Хорошо помню эту поездку,—вспоминал он.—С интересным и знающим человеком ездил, с Киселевым. Я занимался иконами, а он—книгами, рукописями. Привез в Румянцевский музей редкие издания, о которых с большим жаром мне рассказывал по дороге. О каких именно? Я не помню. Но очень был доволен Николай Петрович командировкой. Еще мы помогли наладить в Оптиной пустыне охрану оставшихся там книжных и художественных ценностей, организовать местный музей...»

Ни в ЦГАЛИ, ни в других архивах, ни в личном деле Н. П. Киселева я не сыскал перечня книг, по существу, им спасенных из Оптиной пустыни.

Активную собирательскую деятельность Виноградова, его обширные филологические знания весьма ценил А. В. Луначарский. Ценил Анатолия Корнелиевича как выдающегося организатора библиотечного дела. В фонде 1303 хранится их переписка, которая затрагивает широкий круг вопросов. Она представляет большой интерес для исследователей. Я же приведу лишь один документ. В июне 1923 г. группа технических служащих Румянцевского музея направила народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому письмо, в котором они высоко отзываются о деятельности Виноградова как директора музея. Анатолий Васильевич посылает письмо в газету «Известия» со своей припиской: «Я думаю, что Анатолий Корнелиевич Виноградов будет глубоко тронут такой аттестацией его деятельности со стороны подчиненных ему героев труда. Лично я охотно присоединяюсь к ним в оценке его выдающихся трудов на пользу советской республики».

Письмо с этим комментарием было опубликовано в «Известиях» 22 июня 1923 г.

...В октябре 1924 г. Виноградов заболел туберкулезом, поэтому оставляет пост директора в то время Государственной публичной библиотеки имени В. И. Ленина. С этого времени начинается биография Виноградова-писателя.

А. Ратнер

ПЕРВАЯ КНИГА
«ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ БИБЛИОТЕКИ»

В 1925 г. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев начало издавать «Историко-революционную библиотеку журнала „Каторга и ссылка“». В серии печатались воспоминания, исследования, документы и другие материалы из истории революционного прошлого России. За десять лет (1925—1935) увидели свет 55 названий, в том числе собрания сочинений П. Н. Ткачева и В. Н. Фигнер, воспоминания М. Ф. Фроленко и Н. А. Чарушина, архив «Земли и воли» и «Народной воли»; монографии В. И. Невского, Н. М. Дружинина, Б. П. Козьмина и др. Это была лучшая серия Издательства политкаторжан — с вводными статьями, комментариями, указателями имен.

Первым изданием, положившим начало «Историко-революционной библиотеке», была книга М. А. Кротова «Якутская ссылка 70—80-х годов»¹.

Модест Алексеевич Кротов (1899—1966) родился в Якутске, в семье чиновника областного управления. В 1916 г., окончив реальное училище, поступил на горный факультет Томского технологического института. В 1921 г. Кротов прервал учение и стал сотрудником Якутского архива; его внимание привлекли материалы о политической ссылке и революционном движении в Якутии. В ноябре 1922 г. он начал знакомиться с делами бывшего областного управления, а также полицейских управлений. Первые статьи исследователя, подписанные криптонимом «М.А.К.», появились в журнале «Красная Якутия» — рассказ о народовольце Л. М. Коган-Бернштейне, казненном в Якутске в 1889 г. за участие в вооруженном протесте, и очерк «О политической ссылке в Якутской области»².

¹ Кротов М. А. Якутская ссылка 70—80-х годов. Исторический очерк по неизданным архивным материалам. — М., 1925.

² Красная Якутия. — Якутск, 1922, № 1, с. 15—17; 1923, № 3, с. 55—58.

Гражданская война в Якутии была в это время в разгаре. С осени 1921 до середины 1922 г. шла ожесточенная борьба с мятежом, охватившим Колымский и Верхоянский округа, почти всю территорию Якутского и Вилюйского округов. В начале сентября 1922 г. на Якутию совершил набег генерал А. Н. Пепеляев с отрядом в 750 человек. До марта 1923 г. «несколько сот матерых белогвардейских офицеров стояли в с. Амга в 180 верстах от Якутска», — сообщал Кротов о пепеляевской авантюре в одной из публикаций³.

Кротов был призван в армию и направлен на службу в военкомат. «По ночам работал над архивными материалами, которые архив выдавал мне на дом пачками по 15—20 дел на неделю», — вспоминал Кротов в письме к литературоведу А. В. Храбровицкому от 10 ноября 1965 г.⁴ Любопытный рассказ якутского краеведа привел Ф. Г. Софронов: «День уходил на службу в военкомате. Часто по вечерам, в тяжелое для Якутска время, когда он был окружен белобандитами и объявлялся сперва на военном, потом на осадном положении, ходил в патруле, а часть ночи сидел над архивными материалами...»⁵

Двадцатидвухлетний исследователь задумал книгу о Якутской ссылке. «История революционного движения в России будет неполной до тех пор, пока не будет написана история политической ссылки (в частности, в Якутской области) или хотя бы опубликованы материалы к ней», — писал Кротов⁶. К середине 1923 г. им было изучено свыше 600 архивных дел за 1863—1917 гг. 3 июля 1923 г. Кротов отправил письмо Обще-

М. А. Кротов

³ Каторга и ссылка.—М., 1925, № 2, с. 270.

⁴ Отдел Рукописей ГБЛ, ф. 357, письма М. А. Кротова, л. 1.

⁵ Софронов Ф. Г. Якутский краевед.—Соц. Якутия, 1967, 14 нояб.

⁶ Красная Якутия, 1923, № 3, с. 58.

ству политкаторжан с предложением об издании. Письмо сохранилось в архиве известного советского историка Бориса Павловича Козьмина, заведовавшего в 1922—1935 гг. редакцией Издательства политкаторжан и журнала «Каторга и ссылка». Кротов сообщал:

«На всех политических ссыльных составлял карточки, которые дают интересный статистический материал (происхождение, род занятий, половой и возрастной состав „государственных преступников“, характер „преступлений“, время, проведенное в ссылке и т. п.), а также немало материала для их биографий. Остановлюсь кратко на материале 1863—1889 годов. Кого только не повидала Якутская область за это время: тут едва ли не первый сосланный в область „политический преступник“ подпоручик лейб-гвардии Григорьев (распространял „преступные“ прокламации среди солдат еще в 1862 году); каракозовцы во главе с И. Худяковым, сошедшим с ума в Верхоянске от тоски и безлюдья; Чернышевский и Короленко; участники демонстрации на Казанской площади 6 XII 1876 Гурович, Буриот и др.; видные пропагандисты Ковалик и Войнаральский (процесс 193-х); один из первых рабочих-революционеров П. Алексеев, погибший в глуши якутской тайги; организатор Чигиринского бунта Стефанович; чернопеределец Аптекман; ряд народовольцев (Гаусман, казненный в Якутске в 1889 г., Белевский, Лев и др.); члены „Северно-русского рабочего союза“ (слесарь Гусев И. А.), „Южно-русского рабочего союза“ (Доллер, Кизер В., Кашинцев и др.) и т. д. и т. д.»⁷

Для работы над книгой была необходима литература по истории революционного движения и политической ссылки, выходявшая в 1918—1923 гг. Общество политкаторжан отплатило в Якутск комплект журнала «Каторга и ссылка» и другие издания Общества.

Кротов стал постоянным сотрудником «Каторги и ссылки». Журнал печатал его статьи и публикации документов из Якутского архива. Им впервые опубликованы следственные материалы о гибели в якутской ссылке Петра Алексеева, речь которого на процессе 50-ти в 1876 г. прозвучала на всю Россию⁸.

В 1925 г. книга Кротова была издана тиражом 4 тысячи экземпляров. Издание составили 11 очерков: история ссылки в Якутскую область, расселение ссыльных, условия их жизни и занятия, взаимоотношения с коренным населением, полицей-

⁷ ОР ГБЛ, ф. 520, к. 72, ед. хр. 7, л. 2—5.

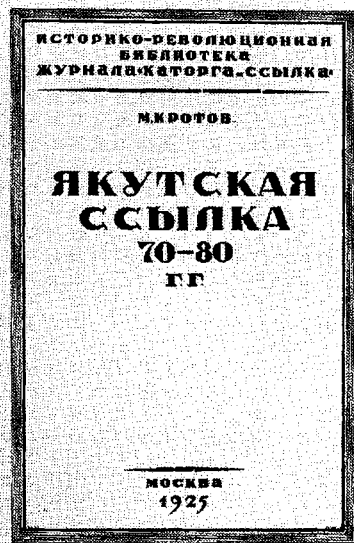
⁸ См.: Каторга и ссылка, 1928, № 10, с. 44—61.

ский надзор, побеги ссыльных и т. д. Особенно ценны помещенные в приложение «Материалы к биографическому словарю якутской политической ссылки 70-х—80-х годов», где автор собрал архивные сведения о 285 политических ссыльных.

В. Д. Виленский-Сибиряков писал в предисловии, что интересная книга Кротова «представляет собою первую исследовательскую работу о якутской ссылке, основанную на исторически достоверном материале, который можно комментировать, дополнять, но который должен лечь в основу будущей истории якутской ссылки»⁹. Сибирский историк В. Д. Вегман отмечал, что «описанием всех злоключений, которыми ознаменовала себя якутская ссылка, Кротов подтвердил, что ссылку в Якутскую область вполне справедливо считали „живой могилой ума и души“ и способом медленного убийства царским правительством его политических врагов»¹⁰.

Издательство политкаторжан и в дальнейшем обращалось к истории якутской ссылки. В «Историко-революционной библиотеке» вышли сборники «В якутской неволе» и «Сибирская ссылка» (оба в 1927 г.), «100 лет якутской ссылки» (1933). Да и начало серии, книга Кротова сохраняет научный и познавательный интерес, оставаясь единственным обобщающим исследованием на данную тему; авторы трудов о русском революционном движении постоянно пользуются этой книгой.

Решающую роль сыграла книга в судьбе ее автора, с нее начался долгий и плодотворный путь историка-краеведа. Он редактировал газету «Автономная Якутия» (1924—1927), заведовал отделом в Центральном архиве ЯкутАССР (1927—1931), возглавлял отряд Индигирской экспедиции (1931—1932), работал в Совете Министров и Госплане республики (1932—1960)—

Обложка книги М. А. Кротова

⁹ Кротов М. А. Указ. соч., с. 8.

¹⁰ Сибирские огни, 1927, № 5, с. 235.

и всюду оставался неутомимым исследователем родного края, разыскивал исторические документы, записывал рассказы современников. Ему принадлежит свыше 80 печатных работ по истории революционного движения и гражданской войны в Якутии¹¹. Прощаясь с замечательным земляком, газета «Социалистическая Якутия» писала 6 августа 1966 г.: «Огромной популярностью пользуются у якутян и других читателей страны такие известные книги М. А. Кротова, как „Родная Якутия“, „На Севере дальнем“, „Якутская ссылка 70—80 гг.“, „В просторах Индигирки“, ряд статей, опубликованных в местных и центральных журналах...»

¹¹ См.: Советские историки-якутоведы. Библиографический справочник.— Якутск, 1973, с. 34—37.

А. Мильчин

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА» — БИБЛИОФИЛАМ

Современный советский читатель-библиофил — каков он? Что его интересует? Какие книги он ждет от издательства «Книга»? Как и чем помочь ему в той благородной культурной работе, значение которой признают далеко не все и порой только по отношению к библиофилам, уже снискавшим славу бесспорными и очевидными достижениями?

Формировать тематические планы, не найдя точного ответа на эти вопросы, — все равно что без всяких ориентиров блуждать по незнакомому лесу.

Советский библиофил — это, на наш взгляд, такой любитель книги, который вырос в исследователя ее. Он собирает книги не только ради полноты коллекции, хотя всеми силами этой полноты добивается. Он ищет документы и материалы, которые помогают ему детально изучить тот или иной аспект содержания или оформления книг, деятельность их создателей или историю рождения и жизни каждой.

Знания библиофила в интересующей его области приближаются к знаниям специалиста, а порой их превосходят. Любовь к предмету изысканий удесятеряет его силы и исследовательские возможности, а в иных случаях превращает в книжника-профессионала, человека, у которого две профессии и ни одна не уступает другой, и каждая чем-то усиливает другую. Сочетание это не вызывает никакой дисгармонии, потому что нет такой области профессиональной деятельности или эстетических интересов, которая так или иначе не была связана с книгой.

Конечно, советский библиофил не чужд и той высокой радости, которую приносит вид книги — шедевра оформительно-полиграфического искусства. Кто, как не он, способен во всей полноте оценить новое слово в этом тонком деле.

Естественно, что книжные интересы библиофила не могут не выходить за рамки литературы по библиофильству и

общему книговедению, хотя именно он самый истовый и придирчивый ее читатель. В книжном репертуаре издательства «Книга» для библиофила не менее важны многие издания других разделов: справочно-библиографические издания, книги по художественно-графическому оформлению произведений печати, некоторые теоретические работы по библиотечному делу и библиографии и т. д.

В этой статье мы все же ограничимся характеристикой замыслов и планов выпуска книг по библиофильству и общему книговедению, а также библиофильских миниатюрных и факсимильных изданий, т. е. тех разделов, которые вызывают у библиофилов особый интерес. И не только для того, чтобы донести определенную информацию до тех, кто в ней испытывает потребность, но и прежде всего для того, чтобы приток читательских откликов, мнений, оценок позволил издательству полнее учесть интересы, требования, пожелания библиофилов, чей суд всегда особенно взыскателен, строг и, как правило, точен и обоснован.

В планировании выпуска книг по общему книговедению и библиофильству издательство исходит из нескольких основополагающих идей, которые определяют главные содержательные задачи и тематические направления.

Так, мысль о том, что книговедческие знания способны помочь читателям лучше, эффективнее, полноценнее использовать книгу в самых разнообразных ее применениях: в учебе, самообразовании, производственной, научной, пропагандистской деятельности, побуждает нас выпускать книги, которые несут читателю эти знания, — широко пропагандируют культуру чтения, библиотечно-библиографическую и книжную грамотность, знакомят с книжным опытом выдающихся людей — общественных деятелей, писателей, ученых и т. д. Хотя такие книги вовсе не рассчитаны на библиофила — знатока книжной премудрости, многие из них он не оставит без своего внимания, более того, не исключено, что он постарается прочитать каждую из них.

Наиболее значительные издания этой группы в ближайшие годы — «Занимательное книговедение», 3-е издание «Краткого справочника книголюбца», «Словарь-справочник читателя русской классической литературы», справочник «Биография знаменитых книг».

Выделяется в этом тематическом направлении группа книг, раскрывающих книжный и читательский опыт выдающихся деятелей отечественной и мировой культуры. В 1979—1981 гг. — это сборники материалов «Чернышевский и книга», эссе Э. Г. Бабаева «Толстой и книга». В планах после-

дующих лет сборники «Пушкин и книга», «Чехов и книга», «Тургенев и книга», «Блок и книга», издания, включающие очерк о библиотеке выдающегося писателя и ее каталог,— «Библиотека А. С. Пушкина», «Библиотека И. С. Тургенева»...

Вторая идея, лежащая в основе планирования большого массива книг: история создания, издания и читательской судьбы каждой выдающейся книги поучительна и общественно значима, она показывает, какое огромное влияние может оказать книга на ход общественного развития, на формирование умонастроения, на духовное развитие личности. Рождение и жизнь книги исполнены глубокого смысла, постижение которого открывает малоизвестные грани исторического процесса, обогащает представления человека о мире, помогает лучше понять литературное произведение и замысел автора, повышает уважение и любовь читателя к книге как феномену культуры.

Именно эта идея побудила работников издательства приложить усилия к тому, чтобы выпуски серии «Судьбы книг» перестали выходить от случая к случаю, а издавались бы регулярно и значительным числом. Уже в 1979—1980 гг. читатель получил книги «Рожденные Октябрем» (судьбы советской революционной классики), «Мир читает Анну Каренину» В. З. Горной, «Книгу поколений» В. Ю. Троицкого (судьба «Отцов и детей» Тургенева), «Жерминаль — месяц восходов» Н. С. Травушкина (о романе Э. Золя), «Последние песни» Г. В. Краснова (судьба одноименного сборника Некрасова и главы «Пир — на весь мир» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»), «Как слово наше отзовется...» А. Л. Осповата (о первом сборнике Ф. И. Тютчева). В дальнейшем к ним прибавятся несколько десятков других работ — о судьбах книг политических и научных (например, «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, «Жизни растений» Тимирязева), художественных советских (например, «Педагогической поэмы» Макаренки, «Партизанских повестей» Вс. Иванова), русской классики («Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, «Капитанской дочке» Пушкина, «Мертвых душ» Гоголя), других народов СССР (например, «Витязя в тигровой шкуре» Руставели), зарубежных («Фауста» Гете, «Дон Кихота» Сервантеса, «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле).

Было бы утомительно для читателя перечислять темы всех намеченных к изданию работ в серии «Судьбы книг». Названных вполне достаточно для того, чтобы составить представление о ее тематическом содержании.

К серии примыкают сборники очерков об истории книг и книжных разысканий. В качестве примера можно назвать сборник «Слова, пришедшие из боя...» (1980), который включает статьи, интервью, воспоминания писателей о книгах, художественно воплотивших подвиг советского народа в Великую Отечественную войну.

Задача книг третьего тематического направления — содействовать пропаганде всего ценного из опыта библиофильских организаций и отдельных библиофилов. Клубы библиофилов ведут разнообразную книжно-пропагандистскую работу, библиофилы существенно обогащают своими книжными исследованиями наши знания по истории культуры и науки. Сделать достоянием читателей этот опыт полезно и для развертывания пропаганды книги и книжных знаний, и в научных целях, и для овладения методикой библиофильского розыска.

Именно поэтому в планах издательства представлены такие книги, как «Записки библиофила» Е. Д. Петряева, «Книжные встречи» Ю. М. Курочкина, «По тропам книжных разысканий» В. И. Безъязычного и некоторые другие подобного рода.

Идея собрать и сделать достоянием читателей художественные произведения, в которых нашла отражение тема книги и чтения или воссоздан образ книжника, лежит в основе нового, четвертого тематического направления. Без книг, в которых художественно осмысляются отношения человека и книги, жанрово-тематический репертуар издательства был бы неполным.

«Лучезарный феникс» (сборник рассказов зарубежных писателей нашего века), «Корабли мысли» (сборник произведений английских и французских писателей XVII—XIX вв.), «Очарованные книгой» (сборник рассказов и отрывков из крупных произведений русских писателей XVIII—начала XX в.), «Память человечества» (сборник произведений Р. Брэдбери) — таковы первые книги, представляющие это направление. Ведутся переговоры о подготовке и выпуске совместно с венгерскими и польскими издательствами сборников такого рода, охватывающих произведения отдельной национальной литературы (венгерской, польской). То же предстоит сделать и по многим другим национальным литературам.

Социология и психология чтения, научные основы пропаганды книги, научная история книги — таковы ведущие разделы пятого тематического направления в выпуске книговедческой литературы.

Книги, составляющие эту тематическую группу, должны

содействовать развитию научной книговедческой мысли, призванной открывать новые пути и средства для повышения эффективности книжного дела, улучшать книговедческую подготовку издательских, книготорговых, библиотечно-библиографических работников.

Издательство намерено выпустить в 1981—1985 гг. монографические труды по итогам конкретно-социологических исследований научных коллективов Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — «Советский читатель-рабочий», «Советский специалист как читатель», «Русская художественная литература в чтении многонационального советского читателя».

Авторские коллективы этих же библиотек готовят к изданию фундаментальную «Историю книги в СССР» (с 1917 г.) в 5-ти томах, «Историю русской нелегальной печати. От „Колокола“ до „Искры“», «Историю книги и книжного дела в России 2-й половины XIX — начала XX в.».

Будет продолжено издание двух серий: «Труды отечественных книговедов», которую намерено преобразовать в более широкую серию, включающую сборники не только отечественных, но и зарубежных ученых, и «Деятели книги», выпуск которой издательство планирует активизировать с 1981 г. и которая включает исследовательские работы о вкладе в книжную науку и практику крупных издателей, книготорговцев, библиотекосведов, библиографов.

Намерено издательство систематически выпускать переводы трудов зарубежных ученых, таких, например, как «Жажда чтения» («Книжный голод») Р. Баркера и Р. Эскарпи, «Семиотика книги» Т. Зберского и другие.

Таковы в общих чертах издательские замыслы выпуска литературы по книговедению и библиофильству.

* * *

Библиофилов, изучающих и собирающих *миниатюрные издания*, естественно, не могут не интересоваться принципами, которыми руководствуется издательство в выпуске этих книг, а также содержание самих планов.

Издательство приступило к систематическому выпуску книг-малюток в 1978 г. И сразу же столкнулось с двумя основными противоборствующими оценками миниатюрных книг. Первая — восторженно-некритическая, чисто коллекционерская: любые миниатюрные книги хороши и нужны, и чем они оригинальнее по форме и меньше по размеру, тем

лучше — ценна самая возможность любоваться их видом, искусством художников и полиграфистов. Вторая — пренебрежительно-отрицательная: не книги для чтения, игрушки, забава, перечеркивают главный смысл книги — быть инструментом для чтения. Так относятся к книгам-малюткам многие крупные художники-оформители.

Ни с той, ни с другой оценкой мы не согласились, считая их выражением крайних взглядов. И все же вопрос: оправдано ли издание миниатюрных книг не как игрушек, а как определенного вида книги, имеющего свое назначение и смысл, — требовал четкого и ясного ответа, ибо от содержания этого ответа зависела сама практика издательства.

На наш взгляд, преодолеть предубеждения и утвердить миниатюрные книги в правах *Книги*, той книги, которую читают, а не только наслаждаются как трогательной копией настоящего издания, вполне возможно.

Во-первых, существуют литературные произведения (рассказы, небольшие повести, очерки, стихотворные произведения), которые по значимости содержания и совершенству формы заслуживают отдельного, самостоятельного издания, но, выпущенные в обычных средних форматах, предстают перед читателем в виде брошюрки или даже листка. Издания такого рода неудобно хранить в библиотеке, они быстро приходят в негодность и рассчитаны главным образом на то, чтобы их прочитали и выбросили. Вот почему эти произведения предпочитают печатать в составе сборников, хотя там их звучание несколько снижается. Миниатюрное издание произведения сравнительно небольшого объема — удачная форма самостоятельного его выпуска. Она позволяет привести в соответствие издательскую форму с содержанием и объемом литературного произведения. При этом, конечно, шрифт должен хорошо читаться (издательство будет пользоваться для набора мини-книг преимущественно петитом).

Во-вторых, существует такой самостоятельный вид художественного изобразительного творчества, как изоминиатюра, будь то графика или живопись самых разных жанров. Этот вид изобразительного искусства обладает только ему присущими средствами выразительности. Миниатюрное издание открывает для знакомства с ним новые перспективы, позволяет ему возродиться в интересном практическом приложении.

В-третьих, нормально читаемая миниатюрная книга создает особое отношение читателя к произведению, меняет восприятие слова и фразы, делая их весомее, виднее, заставляя читателя глубже вникать в их смысл, острее ощущать особенности словесной художественной формы произведения.

В-четвертых, миниатюрная книга — особая форма подарочного, юбилейного издания, обладающая своими возможностями особым образом подчеркнуть необыкновенно любовное отношение к теме и содержанию издаваемого произведения¹.

В-пятых, миниатюрная книга — форма экспериментальной проверки и выявления пределов художественно-полиграфических возможностей (тонкости и избирательности воспроизведения, специальных шрифтов и т. д.).

Таким образом, для выпуска миниатюрных книг, не только умиляющих читателя, но и служащих ему в полном объеме, есть глубокие и веские основания. Именно из них надо исходить, определяя форму и характер издания миниатюрных книг. Но «Книга» — издательство, специализированное на выпуске книг о книге и книжном деле. И, значит, не любые миниатюрные книги ему подходят.

Издательство выбрало для выпуска миниатюрных книг следующие тематические направления.

Первое — книговедческие юбилейные издания выдающихся произведений общественно-политической и художественной литературы, объединенные в серию «Книга и время», каждое со вступительной статьей, приложениями, комментариями, примечаниями, воссоздающими рождение и жизнь книги во времени, в воздействии на разные поколения народов мира. Серию открывает «Холстомер» Л. Н. Толстого (1979), выпущенный в связи с недавно отмечавшимся 150-летием великого писателя. С маркой серии выпущены «Очередные задачи Советской власти» и «О государстве» В. И. Ленина. Выходят в 1980 г. «Задонщина» (к 600-летию Куликовской битвы), сборник произведений Авиценны (к 1000-летию со дня рождения ученого). В планах — «Недоросль» Фонвизина (к 200-летию создания), «Левша» Лескова (к 100-летию создания произведения и 150-летию со дня рождения писателя), «Шагреневая кожа» Бальзака (к 150-летию создания), произведения Пушкина, Гоголя, Фета, А. Н. Толстого, Гашека, Шолохова, Гете, Твена и т. д.

Второе направление выпуска миниатюрных книг — книговедческие издания разного вида: научные, научно-популярные, справочно-библиографические. Среди них — работа В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», сборник статей Н. К. Крупской «Ленин — редактор и организатор партийной печати»; сборники высказываний великих писателей о книге и чтении и т. д.; библио-

¹ Подробнее об этом см. во вступительной статье к библиографическому указателю «Миниатюрные книги СССР. 1975—1977» (М., 1979).

графические (текущие и тематические) указатели миниатюрных изданий (например, «Миниатюрная Лениниана»); путеводители по книжным достопримечательностям крупных городов страны.

Третье направление — миниатюрная изокнига: сборники репродукций миниатюр из древних русских рукописных книг, полнотипажей, произведений миниатюрной живописи, экслибрисов, издательских марок, букв и т.п.

Работники издательства уверены, что сумеют утвердить миниатюрную книгу как полноправную, а не просто забавную форму издания.

Не менее, если не более интересны для библиофилов планы выпуска издательством *факсимильных изданий*. Планируется пять основных тематико-видовых групп:

Первая группа — рукописные книги, памятники оформительского искусства и отечественной культуры (например, «Сказание о Мамаевом побоище», 1980; «Изборник Святослава», 1981; в последующие годы — «Повесть о Соловецком восстании», «Житие Петра I», «Повесть о Петре и Февронии» и т. д.).

Вторая группа — выдающиеся памятники печатного книжного искусства (например, «Домик в Коломне» А. С. Пушкина в оформлении и с иллюстрациями В. А. Фаворского; «Двенадцать» А. Блока с иллюстрациями Ю. Анненкова; «Символы и эмблемата»). Цель выпуска — дать возможность художникам, издателям, книголюбам непосредственно изучать шедевры художественно-полиграфического искусства, а музеям книги, клубам книголюбов устраивать выставки искусства книги с целью приобщить к художественной книжной культуре широкого читателя.

Третья группа — рукописи произведений политической и художественной литературы (например, рукопись статьи В. И. Ленина «Карл Маркс»). Цель издания — дать возможность широкому кругу исследователей непосредственно работать с рукописью (факсимиле).

Четвертая группа — издания факсимильного типа, воспроизводящие редкие книги, посвященные библиофильству (например, книга Д. В. Ульянинского «Среди книг и их друзей» или книга Н. М. Куфаева «Библиофилия и библиомания»), редкие отечественные книги гуманитарного характера (например, «Материалы к биографии Пушкина» П. В. Анненкова), редкие альманахи и сборники, справочно-библиографические издания (например, «Библиография русской периодической печати» Н. М. Лисовского). Цель выпуска — восполнить пробелы государственных и личных библиотек.

Пятая группа — альбомы с факсимильным воспроизведением графики, шрифтов, наборных композиций и т. п. (например, «Трактат о шрифте» Дюрера).

Изредка будут выпускаться и книги-реликвии. Так, среди первых факсимильных изданий — брошюра «Страничка из истории РСДРП» (первая печатная биография В. И. Ленина), «Звездочка» (младшая сестра альманаха «Полярная звезда» А. А. Бестужева и К. Ф. Рыльева, сохранившаяся практически в одном неполном экземпляре).

Все факсимильные издания мы намерены сопровождать книговедческим и искусствоведческим аппаратом (иногда он будет печататься внутри факсимильного издания, чаще выпускаться в виде отдельной книги, вкладываемой в общую папку вместе с факсимильным воспроизведением памятника).

Такова краткая характеристика замыслов и планов издательства «Книга» в выпуске книг по общему книговедению и библиофильству.

Борис Слуцкий

ЧЕЛОВЕК С КНИГОЙ

Человек с книгой. Вообще человек
С любой книгой, в любом трамвае,
В душных залах библиотек
И, даже пальцем листы разрывая,
Это почти всегда к добру:
Плохие книги встречаются редко.
Словно проба идет к серебру,
Идет к человеку книгой метка.
Моя надежда — читатели книг,
Хочется высказаться о них.
Они меня больше радуют,
Чем, например, вниматели радио.
Книгу почти всегда дочитают,
Даже библиотечную, не только свою.
Книгу берегут и переплетают,
Передают из семьи в семью.
Радио — на миг. Газета — на день.
Книга — на всю жизнь.
Книга — ключ. Он открыт и найден.
Крепче держись!
С детства помню роман
О рабочем, читавшем Ленина.
Всего подряд — по томам
Собрание сочинений.

Этот чудака не так уж прост.
Этот простака не так уж глуп —
К Ленину подравнивавшийся в рост,
Ходивший в книги его, как в клуб.
Душа болит, когда книги жгут
Ради политики или барыша.
Зато когда их берегут —
Радуетя душа.

Библиотеки

и библиофилия

Владимир Енишерлов

ВСЕ О БЛОКЕ

Было это в середине шестидесятых годов. Я тогда часто встречался с двоюродным братом Александра Александровича Блока Феликсом Адамовичем Кублицким. Блестяще образованный человек, интересный собеседник, он много рассказывал о своем брате-поэте, о жизни в Шахматове, где почти каждое лето в течение четверти века жил вместе с Блоком. Я записывал некоторые рассказы Феликса Адамовича, сидя за тем самым столом, за которым сживал и Блок, когда в свои приезды в Москву в 1920 и 1921 годах не раз бывал в этой квартире в Трубниковском переулке вблизи Арбата. Много здесь напоминало о Блоке: портреты поэта и его близких, виды Шахматова и окрестностей, рисунки деда поэта — А. Н. Бекетова, других членов семьи Бекетовых, книги, письма, фотографии... Словом, обстановка этой квартиры сохранялась именно такой, какой видел ее Блок. Делалось это не искусственно. Просто хозяину было свойственно бережное отношение к прошлому, к высококультурным традициям прекрасной русской семьи ученых и литераторов — Бекетовых, к которой и Блок и он сам принадлежали. Их матери были родными сестрами, дочерьми ректора Петербургского университета, знаменитого русского ученого-ботаника Андрея Николаевича Бекетова.

Я не раз говорил Феликсу Адамовичу, что драгоценные реликвии, письма, книги, принадлежавшие когда-то Блоку и его близким, могли бы стать украшением музея поэта, но музея такого не было, и судьба архива, библиотеки, мемориальных вещей все больше заботила Кублицкого, человека преклонных лет. И в одну из очередных наших встреч Феликс Адамович сказал мне: «А знаете, оказывается, в Москве живет человек, который создал в своей квартире нечто вроде музея Блока. Это инженер Николай Павлович Ильин. О его блоковском собрании была недавно информация в какой-то газете.

Не могли бы вы его разыскать?» Так впервые я узнал о блокиане Ильина.

Через несколько дней я приехал на далекую в то время окраину Москвы, в Новогиреево. Здесь, в крохотной однокомнатной квартире, жил тогда Ильин, собиравший «все о Блоке».

* * *

...Еще до войны инженер-строитель Ильин начал составлять свою библиотеку. Но профессия строителя, беспокойная, с частыми переездами, с неустоявшимся бытгом ограничивала число книг — в собрании были только любимые, в основном — русская поэзия, ей Николай Павлович поклонялся со школьных лет. После войны нашлось время более систематически заняться библиотекой. Ильин мечтал собрать все прижизненные издания поэтов XIX в. Идеалом для собирателя служила библиотека известного литературоведа и библиофила И. Н. Розанова. Некоторые оставшиеся от коллекции Ильина раритеты говорят о ее необычайно высоком уровне.

Обосновавшись в 1950 г. в Москве, Ильин расстался почти со всей своей поэтической библиотекой, чтобы начать собирать «все» только об Александре Блоке...

В этой уникальной коллекции можно выделить такие разделы: книги Александра Блока; периодические издания с публикацией отдельных произведений, циклов стихов, статей и т. д.; книги и статьи о Блоке; книги с автографами поэта; произведения близких ему литераторов; книги из библиотеки Блока и Бекетовых; автографы Александра Блока; воспоминания о нем; подлинники иллюстраций к произведениям поэта; иконография Блока — подлинные фотографии, прижизненные портреты; иконография родственников Блока и близких ему литераторов; фотографии и зарисовки мест, связанных с жизнью и творчеством поэта; мемориальные вещи.

Конечно, это деление не полное и в достаточной мере условное. Но и по нему можно узнать о содержании собрания Ильина, в котором с исчерпывающей полнотой представлены все прижизненные издания произведений поэта, начиная со сборника «Стихотворения студентов С.-Петербургского университета», изданного в 1903 г. под редакцией доцента Б. В. Никольского. Здесь впервые опубликованы три стихотворения Блока, заставка к ним сделана студентом Богословским. Среди иллюстраторов редчайшего сейчас сборника — молодой Билибин. Редактировал иллюстрации Репин.

Почти одновременно в 1903 г. в мартовском номере петербургского журнала «Новый путь» и третьем выпуске московского альманаха «Северные цветы» были напечатаны

Н. П. Ильин

циклы стихотворений Александра Блока, в каждый из которых входило по десять произведений. Отобранный Брюсовым для «Северных цветов» цикл получил название «Стихи о Прекрасной Даме». Так стал называться и первый сборник стихотворений Блока, вышедший в Москве в издательстве «Гриф» в 1905 г.

Показывая свое собрание, Ильин любил отмечать глубокую связь поэта с Москвой и Подмосковьем, связь творческую и жизненную. Действительно, Москва первая приняла поэзию Блока; издала его книги. Кроме «Стихов о Прекрасной Даме» здесь вышли сборники «Нечаянная радость» в 1907 г., «Земля в снегу» в 1908 г. и еще ряд книг, среди которых два издания собрания стихотворений в трех книгах, осуществленных издательством «Мусaget» в 1911 и 1916 гг. Даже этот краткий перечень говорит о непрерывной связи поэта с московскими издательствами, с московскими читательскими кругами — с начала и до конца творческого пути. Вспомним, что одно из последних публичных выступлений Блока тоже состоялось в Москве в мае 1921 г.

Тема «Блок и Москва» занимала особое место в собирательской деятельности Ильина. Он разыскал современников поэта, с которыми тот встречался, приезжая в Москву, установил точные даты этих поездок, нашел изображения домов, в которых останавливался и бывал в Москве Блок. Собирательская деятельность Ильина сочеталась с глубокой исследовательской работой. Постепенно накапливались знания, и со временем Николай Павлович стал авторитетнейшим знатоком биографии и текстов Блока.

Он снимал, например, со своей полки единственное прижизненное издание стихотворений Аполлона Григорьева, вышедшее в 1846 г. тиражом всего 50 экземпляров, и следовал подробнейший рассказ о Блоке и Григорьеве, о Е. Г. Карелиной, бабушке поэта, которой когда-то Григорьев подарил точно такой сборник, оставшийся в библиотеке Блока, о работе поэта над составлением сборника «Собрание стихотворений Аполлона Григорьева» (М., 1916) и статьей «Судьба Аполлона Григорьева».

Среди книг в собрании Ильина находится целый ряд истинных раритетов. В единственном экземпляре существует рукописная книга «Роза и Крест», выполненная в 1915 г. студентом Академии Художеств, впоследствии известным графиком Н. Н. Купреяновым. Юный Купреянов принёс эту книгу Александру Александровичу. Необычайно тонкий и красивый шрифт, которым написан текст, выразительные выполненные в стиле средневековых миниатюр заставки и буквы в

этой уникальной книге. Переплетенная в кожу, она напоминает прекрасный средневековый манускрипт. Точно выдержанный стиль оформления как нельзя лучше соответствует содержанию прекрасной пьесы Блока. Поэт долго рассматривал книгу. Он был тронут, но принять книгу отказался — посчитал подарок слишком щедрым. Долгое время не было ничего известно о судьбе этой книги, пока буквально чудом не разыскал ее Николай Павлович, по праву гордившийся своей уникальной находкой.

В записных книжках и дневниках Блока упоминается о встречах с Купреяновым. Художник иллюстрировал ряд стихов Блока, и некоторые из этих работ находятся в собрании Ильина — интересен рисунок к стихотворению «Ты проходишь без улыбки», проект обложки поэмы «Двенадцать», который держал в руках поэт незадолго до кончины.

Прекрасно представлены в коллекции Ильина издания революционной поэмы «Двенадцать». Здесь и первая публикация в мартовском номере 1918 г. газеты «Знамя труда», и вторая — в журнале «Наш путь» в апреле 1918 г., первое отдельное издание в издательстве «Революционный социализм» и второе — в «Алконосте» с прекрасными иллюстрациями Юрия Анненкова. Тираж этой книги был очень мал — всего 300 экземпляров. Ильину удалось найти и сохранить подлинный рисунок Ю. Анненкова — вариант «Катки», по поводу которого Блок написал художнику известное письмо, проясняющее отношение самого поэта к этому образу. Очень интересен и еще один лист Анненкова — городской пейзаж. Он выполнен до начала работы художника над иллюстрациями к поэме, но как точно передан в нем дух послереволюционного Петрограда, те характерные черты, которые были позже развиты художником при работе над рисунками к «Двенадцати». Несколько небольших портретов современников Блока, принадлежащих кисти Анненкова, знакомят с незаурядным мастерством художника-портретиста. Таков, например, портрет композитора Артура Лурье, хранящийся в собрании вместе с произведениями этого музыканта, написанными на слова Блока и с дарственной надписью композитора.

Поэма «Двенадцать» сразу приобрела широчайшую популярность и начала триумфальный путь по миру. Ильин разыскал листовки с текстом поэмы, выпускавшиеся в тылу у Колчака, и редчайшее парижское издание с иллюстрациями Гончаровой и Ларионова. В его собрании представлены экземпляры поэмы, изданные в Праге и Варшаве, Берлине и Софии... Есть здесь книги, тираж которых всего несколько сот экземпляров, есть издания, вышедшие тиражом в сотни тысяч.

Судьбу поэмы, историю полемики вокруг «Двенадцати» — все это можно проследить по материалам собрания.

Подлинники работ интереснейших художников, работавших над иллюстрациями к произведениям Блока, собраны Ильиным. Наряду с Анненковым и Купреяновым здесь представлены Дмитриевский и Телингатер, Сафронова и Соколов, Розанова и Синезубов, Владимиров и Кравченко. Кстати, последний подготовлял особое издание «Итальянских стихотворений» Блока. «Художнику Алексею Ильичу Кравченко разрешается издать гравированный сборник стихотворений Ал. Блока (цикл „Итальянские стихи“) на условиях — гонорар делится пополам между художником и автором — в количестве 200 номеров экземпляров», — записал Блок в 1920 г. в блокноте художника.

Есть в собрании рисунок, который потрясает, — это выполненная Львом Бруни зарисовка мертвого Блока.

В целом эта коллекция книжной графики представляет несомненный интерес для исследователей русского изобразительного искусства первой трети XX в.

Совершенно уникален подбор альманахов, сборников, различных журналов с произведениями Блока. Среди них редчайшие теперь — «Гриф», «Северные цветы», «Белая ночь», «Цветник Ор», «Любовь к трем апельсинам. Журнал Доктора Дапертутто», многочисленные театральные журналы, благотворительный сборник Введенской гимназии с юношеским стихотворением Блока, сборник «Война в русской поэзии» и т. д., и т. д.

Каждый новый журнал, альманах, сборник тщательнейшим образом изучался, обрабатывался исследователем. Отмечались все последующие публикации того или иного стихотворения, разночтения с каноническим текстом. Так проводилась тщательнейшая текстологическая работа, результатом которой стал новый, уточненный комментарий к каждому стихотворению — история создания, все публикации и прочее. Ильиным была проделана огромная подготовительная работа, которая окажется неоценимой при подготовке академического собрания сочинений Блока.

Собраны Ильиным и практически все вышедшие в нашей стране книги о Блоке, начиная с первой, появившейся в 1909 г. в Уфе. Среди книг, посвященных Блоку, особенно интересны вышедшие в двадцатых годах работы В. Княжнина «А. Блок», тетки поэта М. А. Бекетовой «А. Блок», и «А. Блок и его мать», воспоминания о Блоке Вл. Пяста, М. Бабенчикова «Блок и Россия», коллективные сборники о Блоке издательства «Полярная звезда», «Картонный домик», «Никитинские суббот-

ники». До последнего дня жизни аккуратнейшим образом собирал и регистрировал Ильин статьи, заметки, публикации о поэте, появлявшиеся в периодике. Таким образом велась с большой точностью и полнотой постоянная библиография литературы о Блоке. Я помню, например, сколько пропусков и неточностей было обнаружено Ильиным в большой блоковской библиографии, опубликованной во 2-м Блоковском сборнике, изданном Гартуским университетом.

Особую, очень ценную часть собрания составляют издания с автографами Блока. Он дарил свои книги, начиная с первого сборника, многим друзьям и знакомым. По приблизительному подсчету существовало более 300 книг с дарственными надписями поэта. Опубликовано же надписей немного — несколько десятков. А среди надписей на книгах Блока имеются интереснейшие, характеризующие литературные и человеческие его привязанности, отмечающие тот или иной эпизод из короткой, но такой сложной и далеко еще не полностью известной нам жизни одного из величайших русских поэтов. «Тропинками, которые ведут к вершине» назвал когда-то автографы Блока на книгах его современник. Ильин настойчиво шел по этим тропинкам, кропотливо выясняя личность того, кому подарена книга, последующую ее судьбу.

На его полках можно было увидеть книги, подаренные Блоком Ахматовой, Брюсову, Верховскому и другим. Интересно надпись на сборнике «Нечаянная радость»: «Венценосному певцу безмерных глубин и снежных высот Валерию Яковлевичу Брюсову с глубоким уважением и благодарностью — внимательный и всегда преданный ученик. Александр Блок, январь, 1907 год... Спб.» На книге много помет Брюсова, по ней он работал над рецензией на этот сборник. И еще одна надпись, адресованная Брюсову — на сборнике «Лирические драмы», переданном в собрание Ильина Иоанной Матвеевной Брюсовой: «Дорогому и многоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову запоздалая книга от преданного ученика. 25-11-08. Александр Блок».

А на сборнике «Ночные часы» надпись лаконична и выразительна «Анне Ахматовой. Александр Блок. 1913».

Истинным любителям литературы, почитателям поэзии А. Блока дорога самая казалась бы незначительная строка, написанная рукой поэта, каждый его автограф, потому что за ними неминуемо открывается что-то новое и в самом поэте, и во времени, в которое он жил, и в людях, его окружавших. Поэтому так интересны и важны разысканные Ильиным не известные ранее автографы Блока на книгах. Вот дарственная надпись автора на книге «Песня судьбы», подаренной Пушки-

Аннотация

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

1913. Александр Блок.

Ночные часы

Четвертый сборник стиховъ

Титульный лист сборника А. Блока «Ночные часы»
с автографом поэта

нисту Н. О. Лернеру, с которым Блок часто встречался на заседаниях в издательстве «Всемирная литература»: «Многоуважаемому соседу по всемирно-литературному стулу — Николаю Осиповичу Лернеру — от сочинителя. Август 1919 года».

Короткую надпись сделал Блок в 1920 г. на сборнике стихотворений «За гранью прошлых дней»: «Дорогому Павлу Сергеевичу Сухотину от автора, давно забывшего стихи и состоящего на государственной службе. Александр Блок».

Незадолго до кончины Николай Павлович закончил и подготовил для печати интересную работу. Им были собраны многие надписи Блока на книгах, хранящихся в государственных и частных собраниях в нашей стране и за рубежом. Эти автографы систематизированы и тщательно прокомментированы.

И оказалось, что Блок почти не делал малозначащих, бессодержательных надписей, что почти за каждой подаренной им книгой, за короткой надписью, строкой обращения скрыва-

ются сложные переплетения человеческих отношений, литературных связей и привязанностей.

Нашли свое место в собрании Ильина и многие книги родственников и предков Блока. «Семья моей матери причастна к литературе и науке», — писал Блок в автобиографии. Красноречиво подтверждают это работы его деда — А. Н. Бекетова. На его редчайших «Ботанических очерках», вышедших в Москве в типографии Каткова в 1858 г., автограф Андрея Николаевича. Книга снабжена его рисунками.

Дед Блока был прекрасным ученым, литератором, художником. Наряду с этой книгой в собрании Ильина — и рисунки деда Блока, и отдельный оттиск его автобиографического очерка «Мои военные годы», и книги о А. Н. Бекетове и его брате академике, химике Н. Н. Бекетове, оказавшем определенное влияние на формирование мировоззрения поэта. Дочь А. Н. Бекетова — Екатерина Андреевна была талантливой поэтессой и писательницей. Много изданий выдержала ее повесть «Не судьба», а вышедший посмертно в 1901 г. одномыслик стихотворений был с одобрением встречен критикой. Блок знал и любил стихи Екатерины Бекетовой. Все они написаны в усадьбе Шахматово, которая сыграла такую большую роль в судьбе поэта.

Ильин бережно хранил книги Екатерины Андреевны Бекетовой. Они соседствуют в собрании с книгами биографа Блока — М. А. Бекетовой, с журналами, где напечатаны многочисленные переводы, выполненные его бабушкой Елизаветой Григорьевной и матерью Александрой Андреевной. В целом книги, авторами которых были близкие родственники Блока, прекрасно передают высококультурную атмосферу семьи, из которой вышел великий русский поэт.

Отец А. Блока — Александр Львович, юрист, профессор Варшавского университета, автор книги «Политическая литература в России и о России». Ее хранил Ильин вместе с книгой ученика А. Л. Блока Е. В. Спекторского «Александр Львович Блок, государствовед и философ» (Варшава, 1911). Это единственная книга, подробно рассказывающая об отце поэта.

Очень большое значение для биографа и исследователя жизни и творчества Блока имеет переписка родственников поэта, находящаяся в собрании Ильина. Поступала она к собирателю постепенно, а ранее в основном находилась в архиве Ф. А. Кублицкого.

Письма матери поэта к сестрам, родителям, племянникам и послания других членов семьи многое могут рассказать о детстве и юности поэта, о его друзьях, об обстановке, в которой

складывался его характер. Особенно много в письмах подробностей о жизни юного поэта в Шахматове, небольшой подмосковной усадьбе Бекетовых, окрестности которой еще в детстве на многие километры были исхожены Блоком.

Екатерина Андреевна Бекетова была неплохой художницей. Ильин получил несколько ее рисунков, один из них выполнен на крышке деревянной коробки для писем, на котором изображено Шахматово,—бесценные документы, свидетельствующие о внешнем виде усадьбы.

Когда просматриваешь все письма близких Блока, собранные Ильиным, то поражаешься, как много важных сведений хранят они. Те, кто будет восстанавливать Шахматово, непременно должны будут изучить это собрание. В письмах подробно описано внутреннее убранство шахматовского дома, мебель, цвет обоев, встречаются рисованные планы дома и флигеля.

* * *

Конечно, не только удачи были на многотрудном пути собирателя. Не всегда встречал он доброжелательное понимание, порой приходилось ему с горьким чувством уходить от людей, не способных уяснить истинное значение хранящихся у них материалов, не желавших рыться в пыли чердаков и сараев в поисках рукописной странички, старой газеты, пожелтевшей фотографии. Но преодолевая все препятствия, собиратель упорно шел к своей цели. И здесь необходимо подчеркнуть своеобразие библиофильской деятельности Ильина. История отечественного собирательства знает много великолепных частных библиотек, коллекций гравюр, экслибрисов и т. п. Существовали и существуют по-настоящему одержимые, охваченные библиофильской страстью люди, способные годами разыскивать недостающую книгу. И все же деятельность коллекционеров зачастую остается «вещью в себе», способом заполнить свободное время, а их коллекции в результате оказываются ухудшенными копиями отделов краеведческих музеев или библиотек.

Ильин поставил целью сохранить все, относящееся к великому поэту России XX в., осознавая, что личность писателя связана с жизнью, многообразна, и утеря какой-либо из этих связей скроет от исследователя какую-то черточку в поэте и в его эпохе. Он не раз говорил, что им всегда руководили слова, сказанные Блоком: «Народ собирает по капле жизненные соки для того, чтобы произвести из среды своей всякого, даже непригодного писателя». Поэтому для собирателя не существовало мелочей, он упорно и терпеливо вел розыски книг,

автографов, рисунков, сопоставляя факты, изучая архивы современников поэта.

И все же собрание его никогда не приобрело бы своего выдающегося значения, если бы не встречал он постоянно внимание и поддержку со стороны людей, близких Александру Блоку.

В начале этой статьи я упомянул о том, как заинтересовался блокианой Ильина двоюродный брат поэта, товарищ его детства и юности Ф. А. Кублицкий. Нельзя не восхищаться тем трогательным бескорыстием, с которым передавал он семейные реликвии в собрание Ильина. Поскольку имя Кублицкого недостаточно известно, хотя и нередко упоминается в связи с Блоком, напомним вкратце их отношения. Обычно летние месяцы юный Александр Блок проводил в Шахматове вместе с двоюродными братьями, сыновьями тетки Софьи Андреевны — Феликсом и Андреем, с которыми был очень дружен. Зимой братья часто встречались в Петербурге. Феликс Кублицкий был моложе Блока на четыре года, Андрей — на шесть лет.

В то время их связывали общие интересы. Прогулки и игры в Шахматове, театральные спектакли, которые они устраивали в усадьбе и в петербургской квартире Кублицких, издание журнала «Вестник», главным редактором которого был Блок, а Ф. Кублицкий — секретарем редакции. Позже отношения Блока с Кублицкими осложнились, но до конца жизни бережно хранили братья Кублицкие материалы, связанные с Блоком и Бекетовыми. Многие из них находятся теперь в коллекции Ильина, составляя одну из интереснейших частей собрания. Здесь автографы поэта, воспоминания о нем, книги, которые держал в руках Блок, мемориальные вещи и целый ряд драгоценных реликвий. Когда смотришь на строки, написанные твердым прекрасным почерком Блока, вспоминаешь слова Пушкина: «*Всякая строчка писателя становится драгоценной для потомства, нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначашие слова, тем же почерком и быть может тем же самым пером написала великие творения — предмет наших изучений и восторгов...*»

Кроме автографов поэта в собрание Ильина попало несколько уникальных книг, бывших в библиотеке Кублицких. Здесь следует отметить, что у Кублицких хранилась часть шахматовской библиотеки Бекетовых, перевезенная вместе с некоторыми вещами теткой поэта Софьей Андреевной в 1910 г. во вновь приобретенное Кублицкими имение Сафоново. Были там и все книги Блока с его автографами. Две из них ныне в собрании Ильина. Это «*Стихи о России*» (Пб., 1915) и

«Ночные часы» (М., 1911), подаренные Софье Андреевне с надписью: «Милой тете Софе от любящего автора. А. Блок». В тексте имеется несколько исправлений, сделанных рукой поэта. Из книг, находившихся в шахматовской библиотеке Бекетовых-Блока у Ильина имеется книга Н. Вагнера «Повести, сказки и рассказы Кота-Мурлыки». Именно этот экземпляр читал Блок, а затем его двоюродные братья. Но, безусловно, украшением библиотеки собирателя являются четыре тома «Руководства к всеобщей истории» Фридриха Лоренца. По этому учебнику занимался в университете Блок. Страницы всех томов, титульные листы, обороты обложки — все заполнено его записями, пометами. Исследование всех блоковских маргиналий на этих томах должно быть, конечно, проведено — среди них есть интереснейшие. Пренебрежительно, например, излагает немецкий автор историю пугачевского восстания. И восемнадцатилетний Блок резко зачеркивает презрительные слова «Емелька Пугачев» и пишет своей рукой «Емельян Пугачев».

Необычайно интересны также материалы, полученные Ильиным от вдовы задумчивого друга Блока Евгения Павловича Иванова. Заметки Евгения Павловича многое рассказывают о поэте. Кропотливо, буквально слово за словом расшифровывал Ильин эти записи, чрезвычайно важные для понимания характера и творчества поэта. «„Это моя невеста!“ — сказал А. Б. о революции и поверил ей», — пишет Иванов, и эти слова, как вспышка, освещают судьбу Блока. Среди бумаг Ивановых есть и письма его сестры, Марии Павловны, которой посвящено знаменитое стихотворение «На железной дороге». 14 октября 1913 г. она писала поэту: «Вы считаете „Розу и крест“ своей лебединой песней... Но я верю, что Ваша настоящая лебединая песнь будет еще прекраснее и совершеннее».

Книги и журналы, принадлежавшие Иванову, подготовленная им к печати его переписка с матерью поэта — все эти бесценные реликвии органически влились в блокиану Ильина.

Одной из важнейших частей блоковского музея стали, конечно, и материалы, переданные собирателю певицей Любовью Александровной Дельмас. Н. П. Ильин хорошо знал ее. Дельмас живо интересовалась собирательской деятельностью Ильина. «Мы одного лелеяли друга, правда?» — написала она на обороте своего портрета, подаренного Ильину. На этой фотографии певица изображена в роли Кармен. Николай Павлович много работал в ее архиве и обнаружил там целый ряд неизвестных блоковских документов, которые подготовил к публикации. Собиратель тщательнейшим образом записал

Афиша вечера А. Блока

воспоминания Дельмас, помогающие воссоздать историю их встреч, ведь она вдохновляла поэта на создание цикла стихотворений, признанных ныне одной из вершин мировой любовной лирики.

Трепетное чувство вызывает хранящийся в собрании Ильина автограф, написанный четким почерком Блока на листе плотной белой бумаги:

Как океан меняет цвет,
Когда в нагроможденной туче
Вдруг польхнет мигнувший свет,—
Так сердце под грозой певучей
Меняет строй, боясь вздохнуть,
И кровь бросается в ланиты,
И слезы счастья душат грудь
Перед явленьем Карменситы.

Очень любопытна переписанная рукой Блока для Любови Александровны эпиграмма Баратынского «Не трогайте Парнасского пера...». Любовь Александровна вспоминала, что Блок составлял ей списки книг для чтения, а стихи наиболее близких поэтов переписывал собственноручно. Таково происхождение этого автографа.

Во время театральных спектаклей¹ и концертов, на которых поэт бывал вместе с Любовию Александровной, он часто писал ей несколько фраз, вырывая листки из своего блокнота. На одной из записок 30 марта 1914 г. фраза: «Мейерхольд — необыкновенно милый и грустный человек». А еще в 1910 г. Мейерхольд писал: «Александра Александровича Блока я полюбил еще до встречи с ним. Когда расстанусь с ним, унесу с собой любовь к нему прочную навсегда. Люблю стихи его, люблю глаза его. А меня он не знает». Записка 1914 г., найденная Ильиным, красноречиво свидетельствует о духовной близости двух художников.

Интересны и другие записки, которые писал Александр Блок в этот день Дельмас во время диспута, устроенного журналом «Любовь к трем апельсинам» в зале Тенишевского училища:

«Все это я вижу во сне, что Вы со мной рядом, когда проснусь, никто даже не может сказать мне, было это или не было, потому что Вы даже не вспомните об этом никогда».

«Сегодня очень странно слушать, почти ничего не понимаю, и вдруг отдельные образы или слова — освещенные каким-то странно ярким и странным светом для Вас».

18 марта 1914 г. Блок записал в дневнике: «Да, я напишу цикл стихов и буду просить принять от меня посвящение». И вот текст посвящения, набросанный карандашом на четвертушке бумаги: «Я хочу печатать так: Посвящается Любови Александровне Дельмас, и больше ничего — без „певице“ или „артистке“, потому что стихи посвящаются не только певице и артистке. А вдруг есть такая другая?» Бережно хранил Ильин в своей библиотеке небольшой театральный журнальчик, издававшийся Мейерхольдом, — «Любовь к трем апельсинам. Журнал Доктора Дапертутто», № 4—5, вышедший 19 декабря 1914 г. Здесь впервые напечатан цикл «Кармен» с полным посвящением — «Любови Александровне Дельмас», женщине, имя которой Блок обессмертил, как некогда Пушкин обессмертил имя Анны Керн:

Я буду петь тебя, я небу
Твой голос передам!
Как иерей, свершу я требу
За твой огонь — звездам!

Ты встанешь бурною волною
В реке моих стихов,
И я с руки моей не смою,
Кармен, твоих духов...

Увлеченный поклонник искусства Любови Александровны, непревзойденной, по словам современников, исполнительницы роли Кармен, Блок намеревался написать для певицы новый текст «Хабанеры». Возможно, он решил это сделать по просьбе самой Дельмас. В начале автографа поэт приводит прозаический подстрочник, а затем пишет свой текст: «Когда я люблю, сам черт не может знать, быть может, и завтра. Знаю лишь одно,— теперь не люблю.

Да, любовь вольна, как птица,
Она без цели не летит,
Не старайся — не приманишь,
На чуждый зов не поспешит.
Тщетно ты грозисьшь иль плачешь
Хоть молишь ты, а он молчит,
Но к нему душа так рвется
Без слов, без слез, и без мольбы».

Первая строчка этого текста стала началом знаменитого стихотворения: «О, да, любовь вольна, как птица...»

А один из автографов стихотворения «Была ты всех ярче, верней и прелестней», обнаруженный собирателем в архиве певицы, имеет интересные разночтения с каноническим текстом.

Значительны и прекрасны письма, которые писал Александр Блок Любови Александровне. Они не только комментируют стихи цикла «Кармен», рассказывают историю встреч и взаимоотношений поэта и его героини, но и являются изумительными памятниками русской эпистолярной прозы.

Вот отрывки из двух писем поэта к Дельмас. 20 июня 1914 г.: «...Из бури музыки—тишина, нет—не тишина; старинная женственность,— да, и она, но за ней—еще: какая-то глубина верности, лежащая в Вас, опять не знаю, то ли слово: „верность“?—Земля, природа, чистота, ЖИЗНЬ, ПРАВДИВОЕ лицо жизни, какое-то мне незнакомое; все это, все-таки, не определяет. ВОЗМОЖНОСТЬ СЧАСТЬЯ, что ли? Словом, что-то забытое людьми, и не мной одним, но всеми христианами, которые превыше всего ставят крестную муку; такое что-то простое, чего нельзя объяснить и разложить. Вот Ваша сила—в этой простоте». (Это письмо написано тогда, когда цикл «Кармен» был уже завершен.) 12 августа 1915 г.: «...Сейчас, вечером, я прошел мимо Вашего окна. Оно освещено и открыто, и Вы, по-видимому, дома одна. И все-таки я не звоню к Вам. Трудно не звонить. Но все равно, моя жизнь и моя душа—надорваны; и все это—только искры в пепле. Меня настоящего, во весь рост, Вы никогда не видали. Поздно. О, если бы Вы знали!»

Какие искренние, глубокие письма. Возможно, когда-нибудь будет издана переписка Блока и Дельмас вместе со стихотворениями цикла Кармен, и еще лучше узнаем мы прекрасную историю любви, которой человечество обязано бессмертными стихами.

Передала Любовь Александровна Дельмас в собрание Ильина и несколько своих фотографических портретов. На одном из них она в роли Кармен, какой видел ее на сцене Блок:

Среди поклонников Кармен,
Спешащих пестрою толпою,
Ее зовущих за собою,
Один, как тень у серых стен
Ночной таверны Лиллас-Пастья,
Молчит и сумрачно глядит,
Не ждет, не требует участия,
Когда же бубен зазвучит
И глухо зазвонят запястья,—
Он вспоминает дни весны,
Он среди бушующих созвучий
Глядит на стан ее певучий
И видит творческие сны.

Вообще, портретная галерея лиц, связанных с Блоком, и изображения самого поэта представлены в коллекции с удивительной полнотой. Не многие государственные музеи могут похвалиться такими раритетами, какие сумел разыскать Николай Павлович. Например, он с гордостью показывал большой овальный фотографический портрет прадеда Блока Николая Александровича Бекетова, мичмана в отставке, доброго знакомого Баратынского, Дельвига, Дениса Давыдова, встречавшегося с Пушкиным. На портрете, который был у Ильина, Николай Алексеевич изображен на склоне лет, когда дети его Андрей, Николай, Алексей и Анна уже вылетели из родового гнезда и начали самостоятельный путь по жизни. Их фотографии очень ценны. Они являют нам, далеким современникам, лица людей, сыгравших значительную роль в русской культуре, великих тружеников науки и просвещения. В свое время Ильин поставил перед собой цель составить родословную Блока в портретах. Это необычайно трудная задача, но в большой степени исследователю удалось ее решить.

В его собрании можно увидеть портрет видного исследователя Азии, путешественника, естествоиспытателя Г. С. Карелина, еще одного прадеда Блока. Здесь же копия старинного дагерротипа, на котором изображена жена Карелина Александра Николаевна, та, кому в далекий Оренбург посылала Софья Михайловна Дельви́г стихи своего мужа и некоторые автогра-

фы Пушкина. А. А. Дельвиг писал оренбургской подруге жены на томике «Северных цветов» за 1827 год:

От вас бы нам, с краев Востока,
Ждать должно песен и цветов:
В соседстве вашем дух пророка,
Волшебной свежестью стихов,
Живит поклонников Корана:
Близ вас поют певцы Ирана,
Гафиз и Сади—соловьи!
Но вы, упорствуя, молчите:
Так в наказание примите
Цветы замерзшие мои.

На том же дагерротипе рядом с матерью стоит Елизавета Григорьевна, будущая бабушка Блока, в замужестве Бекетова. Поэт уделил ее образу много места в автобиографии, отметив громадный список литературных трудов Е. Г. Бекетовой, ее на редкость прямой характер, ясную мысль, неукротимую жизненность.

В целом, портретная галерея Бекетовых, собранная Ильиным, необычайно интересна. Трудно без волнения смотреть на лица людей, неутомимо трудившихся в течение нескольких веков для того, чтобы, как сказал Андрей Николаевич Бекетов, «дать русскому народу света, больше света».

Очень полно представлена в монографической части собрания Ильина «блоковская» линия родословной поэта. И хотя Александр Александрович был жизненно мало связан с семьей Блоков, она все же сыграла в его судьбе роль бóльшую, чем принято считать. К сожалению, собирателю не удалось разыскать портрет первого из Блоков, приехавших в Россию—Ивана Леонтьевича; видимо, изображение его вообще не сохранилось, но фотографическая копия акварели П. Соколова, на которой изображен Александр Иванович Блок, прадед поэта, украшала блокиану Ильина. Александр Иванович Блок был крупным чиновником, управляющим собственной конторой Николая II. Достиг высоких постов в Российской империи и сын его—Лев Александрович, дед поэта. Кстати, Блок был внешне очень похож на Льва Александровича. В этом нетрудно убедиться, рассматривая подлинные портреты деда поэта, разысканные Ильиным. Здесь же несколько фотографий его жены—Ариадны Александровны—бабушки поэта, дочери псковского губернатора А. Черкасова.

Словом, портретная родословная Блока полно представлена в собрании. Она включает и редчайшие портреты А. Л. Блока—отца поэта, его матери—Александры Андреевны, в том числе очень тонко раскрашенную акварелью

фотографию молодой Александры Андреевны в русском национальном костюме. К Ильину попала также фотография А. А. Бекетовой в юности со словами обращения к жениху — А. Л. Блоку. После смерти отца поэт в числе других реликвий привез ее из Варшавы, а затем М. А. Бекетова передала ее своим племянникам Кублицким.

Многое можно рассказать и о фотографиях самого Блока, собранных Ильиным. Подлинники блоковских фотографий очень редки. Ильин сумел разыскать многие из них. Причем, в собрании были и не публиковавшиеся ранее любительские фотографии Блока, сохранившиеся в единственных экземплярах. Эти снимки сделал Ф. А. Кублицкий в 1911 г. На них Блок, его жена, мать, двоюродные братья на балконе шахматовского дома. В тот же день выполнил Феликс Адамович и несколько фотографий самого дома, каким стал он после перестройки в 1910 г. Эти фотографии поистине уникальны; если бы не они, мы не смогли бы увидеть обновленный дом поэта.

Розыск и выявление иконографического материала были очень важной стороной собирательской деятельности Ильина. И одной из сложнейших. Ильин сохранил в своем собрании многое из того, что было обречено на неминуемую гибель и без чего было бы неполным представление о Блоке и его окружении.

И все же, пожалуй, с наибольшими трудностями столкнулся Ильин, поставивший своей целью найти и какие-то мемориальные вещи, относящиеся к Блоку и Бекетовым. Неумолимое время разметало то, что удалось хозяевам увезти из покинутого шахматовского дома. Надо заметить, что Ильин искал в основном предметы, бывшие в Шахматове, так как обстановка петроградской квартиры поэта после смерти Л. Д. Блок перешла в Пушкинский дом.

Долгое время в коллекции отсутствовали мемориальные вещи, и лишь в последние годы жизни к Ильину поступили некоторые реликвии, хранившиеся ранее у Кублицких.

Андрей Белый, вспоминая свое посещение Шахматова в 1904 г., так описывал Блока:

«Высокий, статный, широкоплечий, загорелый, кажется без шапки, поздоровевший в деревне, в сапогах, в хорошо сшитой просторной белой русской рубашке, расшитой руками Александры Андреевны (узор, кажется, белые лебеди по красной кайме), напоминал того сказочного царевича, о котором вещали сказки...»

Кроме этой рубашки у Ильина были и другие вещи, принадлежавшие некогда Блоку и членам его семьи. Это

портсигар и папиросница поэта, рабочий столик сестер Бекетовых, кресло и портрет Андрея Николаевича Бекетова — все это было перевезено в 1910 г. из Шахматова в усадьбу Кублицких Сафоново, а затем бережно сохранялось двоюродными братьями поэта в их квартире в Москве. Несколько вазочек для цветов из Шахматова, фамильная печатка, простенький кофейный сервиз, ножницы матери Блока, альбомы с семейными фотографиями и еще некоторые мелочи, полученные собирателем, завершили коллекцию и дали право называть ее музеем Александра Блока.

Детище одного человека, музей этот жил и работал так напряженно, что нельзя было не удивиться энергии и неутомимости Николая Павловича. Ильина знали. К нему постоянно приходили любители поэзии, в одиночку и группами. И всех ожидал добрый прием и подробнейший рассказ об Александре Блоке. Я не раз встречал в доме Ильина студентов-филологов и аспирантов, маститых ученых и писателей. Здесь буквально кипела исследовательская работа. Почта Ильина была огромна. Ему писали не только со всех уголков страны, но также из Польши, Венгрии и Чехословакии, Англии, Франции и США. В квартире Николая Павловича можно было встретить ученых-блоковедов и исследователей поэзии начала века из многих стран мира.

Вышедшая в Польше интереснейшая книга литературоведа А. Галлиса «Восемнадцать дней Блока в Варшаве» создана автором в теснейшем содружестве с Ильиным, предоставившим свой архив в полное распоряжение польского исследователя и практически руководившего его поисками блоковских материалов в Польше.

Трехтомное издание собрания сочинений А. Блока, выпущенное в 1977 г. в Германской Демократической Республике, отличается прекрасным подбором иллюстраций. Почти все они получены немецкими товарищами от Ильина.

Большое количество документов, фотографий, рукописей из ильинского собрания использует в своей, готовящейся к изданию в Англии, биографии Блока литературовед Аврил Пайман.

И, конечно, материалы, собранные Ильиным, обогатили многие книги и статьи о Блоке, выпшедшие в нашей стране. А. Горелов в предисловии ко второму изданию своей книги «Гроза над Соловьиным садом» (Л., 1973) пишет: «И вновь мне нужно повторить слова благодарности Н. П. Ильину, чья любовь к поэзии Блока и готовность помочь тем, кто пишет о Блоке, щедро проявилась и при подготовке этой книги». К этим словам могут присоединиться многие — и А. Турков,

автор книги «А. Блок» в серии ЖЗЛ, и Ст. Лесневский, подготовивший исследование «Блок в Москве и Подмосковье», и автор этих строк, и редакционная коллегия прекрасного тома «Литературного наследства» — «Письма А. Блока к жене», — издания, в выпуске которого Ильин принимал активнейшее участие.

Слова А. Горелова хорошо выражают чувства симпатии, которые испытывали к Николаю Павловичу все, кому доводилось обращаться к нему за советом и помощью. Любой документ, находившийся в его собрании, уникальную фотографию, редчайший рисунок — все предоставлял он в распоряжение исследователей.

Закономерным итогом многолетнего изучения творчества Блока стал интереснейший литературоведческий труд, выполненный собирателем. Он назвал свою работу библиографией, что не совсем точно. Труд Ильина «Ал. Блок в печати. Литература о Блоке 1903—1921 гг.» содержит не только сведения о всех прижизненных публикациях произведений поэта и его книгах. Автор проследил в своей работе историю создания всех книг Блока, дал краткие аннотации большинства критических статей о поэте, описал иконографический материал. «Это работа высокой ценности, выполненная с отличным знанием материала и со всей тщательностью. Такого полного и умело аннотированного свода библиографических данных о Блоке до сих пор не было», — писали Н. Тихонов, И. Андроников, В. Орлов, П. Антокольский, В. Перцов, рекомендуя работу Ильина к печати. К сожалению, этот уникальный труд пока не издан. В сокращенном виде он подготовлен для тома «Литературного наследства», посвященного А. Блоку.

«Когда умру — пусть найдутся только руки, которые сумеют наилучшим образом передать продукты моего труда тем, кому они нужны», — писал Александр Блок. Я всегда вспоминал эти слова, когда встречался с Николаем Павловичем Ильиным. Более тридцати лет составлял он свою блокиану и незадолго до смерти передал свое собрание в Музей истории Ленинграда для создающегося в городе на Неве мемориального музея Александра Блока. Возможно, более органично вошло бы собрание Ильина в шахматовский музей поэта, но вопрос о блоковском заповеднике в Подмосковье тогда не был решен.

Как бы то ни было, блокиана Ильина, отдавшего так много сил, любви и поистине подвижнического труда созданию своего прекрасного собрания, стала ныне достойным государства, и, надо надеяться, не будет разрознена, оставшись прекрасным памятником великому русскому поэту.

МОСКОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА А. Н. ОСТРОВСКОГО

Vouloir c'est pouvoir¹—этой французской поговоркой начал издатель Д. В. Аверкиев небольшую заметку об одном эпизоде из жизни Александра Николаевича Островского в одиннадцатом номере журнала «Дневник писателя», вышедшем уже после смерти драматурга в 1886 г.

Речь шла вот о чем. А. Н. Островский в 70-х гг. все еще жил в старом наследственном домишке близ Язузы, в Серебряническом переулке. Деревянный дом постепенно ветшал, сырость и холод разрушали и без того не очень крепкое здоровье Александра Николаевича, да и теснота от выросшей к этому времени семьи делала жизнь в нем невозможной.

«...Я привык, где я найду такие удобства? Никуда я не перееду; разве мне предложат жить в кабинете князя Сергея Михайловича Голицына»².

¹Чувства юмора Островскому было не занимать, но случилось именно так, как в шутку говорил писатель.

В начале июня 1877 г. владелец дома № 14 на Волхонке, где на втором этаже располагался Голицынский музей и богатейшая библиотека, Сергей Михайлович Голицын решил сдавать первый этаж. Одну из квартир снял А. Н. Островский.

Контракт был заключен. 4 октября 1877 г. Островские переехали в дом С. М. Голицына и прожили там почти девять лет. Это—последняя московская квартира Островского. Она была просторна, удобна, сам Александр Николаевич занял бывший кабинет князя.

Кабинет вызывал восторг у всех друзей и гостей Островского: большой, со светло-серыми обоями и потолком, расписанным римскими сценами, с высокими окнами, выходящими в палисадник, заросший старыми липами. По стенам были развешаны фотографии и портреты друзей—литераторов и артистов в рамочках, изготовленных самим Александром Николаевичем на станке для выпиливания, стоявшем здесь же. «Целая эпоха драматического искусства была изображена в лицах на этих портретах. Какое-то особенное чувство охватывало входившего в этот кабинет»³,—вспоминал Сергей Васильевич Васильев (Флёров), театральный рецензент, критик и педагог. Большой письменный стол у окна, за которым обычно сидел Островский, и две стены, занятые ореховыми шкафами с книгами. Так выглядели кабинет и библиотека писателя.

В обширной мемуарной литературе о драматурге часто встречается описание этого кабинета, в котором были созданы многие его пьесы.

¹ Хотеть—значит мочь (франц.).

² См.: Дневник писателя, 1886, № 11, с. 357.

³ Московские ведомости, 1886, 21 июня, № 168, с. 5.

За стеклами книжных шкафов стояли сочинения греческих трагиков в русском и латинском переводах; в полдлинниках — Плавт и Теренций, Кальдерон и Шекспир, Сервантес и Гоцци, Корнель и Метастазιο, Расин и Гольдони, Скриб и Мольер, псевдоклассики, драматурги романтической школы, новые французские драматурги Ожье, Сарду, Фелье...

Русская драматургия начиналась с «действ» XVII в., продолжалась «Русским театром» и кончалась последними новинками. Всего в библиотеке было около трех тысяч названий, по свидетельству Н. Н. Луженовского, писавшего под псевдонимом «Л. Новский»⁴, университетского товарища сына Островского — Сергея. Здесь же были собраны критические труды, ученые исследования по истории сцены, русские летописи, песни, сказки, пословицы и т. п. Один из шкафов был отведен под книги — подарки авторов. Здесь полные собрания сочинений Гончарова, Григоровича, Данилевского, Л. Толстого, издания Н. В. Гербеля... На небольшом круглом столе были разложены роскошные иллюстрированные издания, также подаренные Александру Николаевичу: «История Петра Великого» Брикнера, «Альбом гравюр Серякова» и др.

В 1963 г. в Ленинграде Пушкинским домом была издана книга «Библиотека А. Н. Островского (описание)». До нас дошел далеко не полный рукописный каталог книг московской библиотеки А. Н. Островского. Его составил в 1907—1908 гг. сын писателя — Александр Александрович Островский. Из 936 указанных в нем названий удалось разыскать 667 русских книг. Остальные книги в ленинградском описании представляют сельховскую библиотеку драматурга. Пока известна примерно третья часть всей московской библиотеки. Библиотека А. Н. Островского была строго профессиональной и в то же время отражала многогранные интересы владельца. Автор исторических пьес, Островский много работал над изучением русской исторической литературы — над летописями, памятниками фольклора, этнографическими и другими исследованиями. Многочисленные пометы и подчеркивания сохранились на страницах четырехтомного издания «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею» (СПб., 1841—1842), с которым соседствовали «Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Под ред. Н. В. Калачова» (СПб., 1857), «Сказания князя Курбского» (СПб., 1833) и «Сказания современников о Димитрии Самозванце», ч. 1—2 (СПб., 1859). Конечно, были тут и труды Н. М. Карамзина «История Государства Российского» и С. М. Соловьева «История России с древнейших времен» (с пометами А. Островского). Были и книги Н. И. Костомарова: «Бунт Стеньки Разина» (СПб., 1859) и «Кто был первый Лжедмитрий?» (СПб., 1864), а также подаренное историком И. Е. Забелиным исследование «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях» (М., 1862—1869) с дарственной надписью на первом томе: «Александру Николаевичу Островскому от автора».

Среди исторических книг выделялись написанные сподвижником Петра I П. П. Шафировым «Рассуждения, какие законные причины его царское величество Петр Первый, царь и повелитель всероссийский и прочая, и прочая, и прочая, к начатию войны против короля Карола XII Шведского 1700 году имел...» (СПб., 1722). Это одно из самых старых изданий в библиотеке А. Н. Островского.

Много помет владельца на страницах «Песен, собранных П. В. Киреевским. Вып. 1—10» (М., 1868—1874) и на «Песнях, собранных П. Н. Рыбниковым» (1861).

Хранились в библиотеке и историко-географические и статистические работы. Например, книга Ф. Тюменева «Описание города Рыбинска, состав-

⁴ Его воспоминания печатались в газете «Русские ведомости» (1887, № 111, 134, 138) и вошли в книгу «А. Н. Островский в воспоминаниях современников» (М., 1966, с. 285—288).

ленное попечением Рыбинского градского главы... Ф. Тюменева и изданное его иждивением при статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел» (Спб., 1837), «Описание города Шуи и его окрестностей, с приложением старинных актов» В. А. Борисова (М., 1851) с маргиналиями Островского.

Лучшую часть собрания составляла обширная, тщательно подобранная коллекция почти всего репертуара русского театра, начиная с его зарождения и кончая первой половиной 80-х гг. XIX в. Особое место здесь занимает «Российский феатр, или Полное собрание российских феатральных сочинений» (Спб., 1786—1794) — издание Российской Академии наук в 43-х томах.

Зарубежная драматургия была представлена в основном изданиями английских, французских, испанских, итальянских и немецких классиков XVIII—начала XIX в. На страницах многих произведений — следы кропотливой работы Островского-исследователя и Островского-переводчика⁵.

Среди русских книг — экземпляры с дарственными надписями. Они хранились в отдельном шкафу. Известные писатели, поэты, артисты, ученые, издатели дарили ему свои книги с автографами. Мы встречаем здесь имена И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, Я. П. Полонского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Ф. Писемского, И. Е. Забелина, А. Н. Майкова, Н. Я. Соловьева, П. Д. Боборыкина, А. С. Суворина...

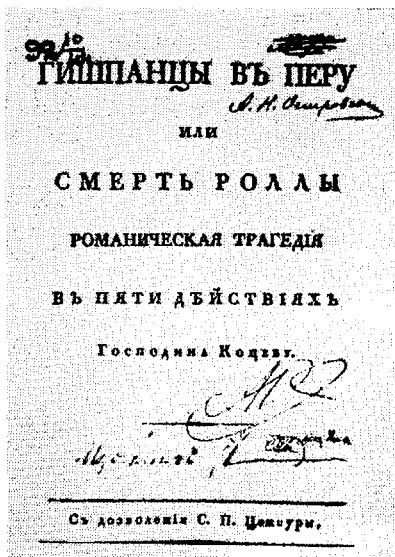
«А. Н. Островскому. Автор» — написано рукой М. Е. Салтыкова-Щедрина на «Истории одного города» (Спб., 1879). А вот автограф И. С. Тургенева на вырезанной из «Русского вестника» (1860, т. 25, № 1) повести «Накануне»: «Александр Николаевичу Островскому от приятеля и почитателя. Ив. Тургенев. Москва 1-го фев. 1860».

«Доброму другу и товарищу А. Н. Островскому» — так написал на одном из сборников своих стихотворений (Спб., 1873) Н. А. Некрасов.

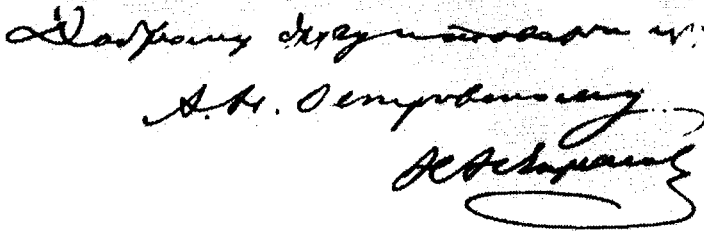
Частым гостем в доме был А. Ф. Писемский. Он посещал не только драматурга, но и снимавшего рядом квартиру ученого-зоолога С. А. Усова, большого ценителя искусств и библиофила.

Дружба между Александром Николаевичем Островским и артистом Иваном Федоровичем Горбуновым началась еще в 50-х гг., когда артист некоторое время жил в старом доме Островского в Серебряническом переулке. В 1862 г. они вместе путешествовали за границей, были в Лондоне и посетили Герцена. Горбунов сыграл 25 ролей в пьесах Островского и восторженно любил автора. В 1880 г. А. С. Суворин издал книжку И. Ф. Горбунова «Сцены и

⁵ Островский переводил произведения английских, испанских и итальянских драматургов иногда с помощью Ф. Ф. Дубровина (Ватсона), артиста Малого театра, с которым дружил.

Титульный лист книги из библиотеки А. Н. Островского с владельческими надписями драматурга

Александр Николаевич Островскому
А. Н. Островскому
Некрасов

Автограф Н. А. Некрасова

рассказы», которую Иван Федорович подарил Островскому с надписью: «Александру Николаевичу Островскому от душевно любящего автора», раньше были подарены «Сцены из народного быта» (СПб., 1861).

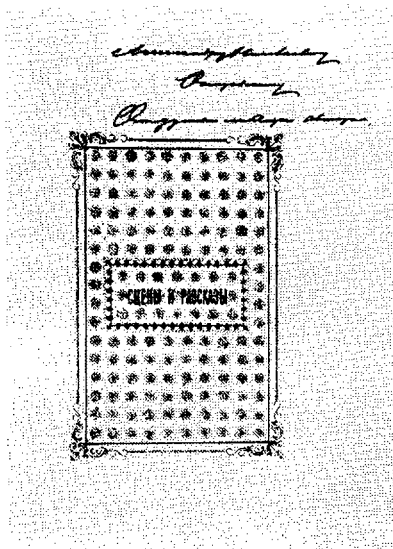
Актер Федор Бурдин на титуле своей книги «Краткая азбука драматического искусства. Практические советы молодым людям, посвящающим себя сценической деятельности», вышедшей незадолго до смерти драматурга, написал: «Старому, доброму другу Александру Николаевичу Островскому от автора. 1886». Бурдин с детства дружил с Островским (они учились в одной гимназии в Москве) и много делал для того, чтобы пьесы последнего благополучно проходили через цензуру при постановке их на сцене Александринского театра. Островский очень ценил эту помощь и предоставил 13 пьес для бенефисов Бурдина, но посредственный актер почти всегда их проваливал. Бурдина не любили за то, что он забирал лучшие роли в пьесах Островского, дружбой которого он злоупотреблял. Приезжая из Москвы, свои новые пьесы Островский обычно читал у Бурдина, который после смерти друга опубликовал в «Вестнике Европы» (1886, кн. 12, с. 667—678) свои воспоминания об Островском.

Приведем еще один автограф. Он характеризует А. Н. Островского как любителя старинной книги.

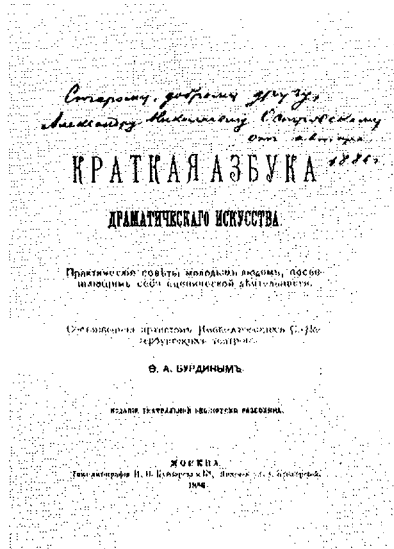
Актер Тульского театра Николай Платонов в 1861 г. прислал в подарок Александру Николаевичу изданную в Москве книгу Симеона Полоцкого «История, или Действие евангельския притчи о блудном сыне бываемое» (М., после 1786 г.). На отдельных ее страницах есть водяные знаки 1786 г. Она является перепечаткой издания 1685 г. На обороте второго листа надпись дарителя: «Многоуважаемому Александру Николаевичу Островскому на память от лицадея Николая Платонова. 1861-го года 12-го сентября». В сопроводительном письме он писал: «В знак моей искренней признательности к Вам, как любителю и собирателю древней литературы, позвольте одарить Вас на память обо мне комедией „О блудном сыне“, приобретенной мною с большим трудом и собственно для Вас»⁶.

Н. П. Лихачев очень точно подметил основное в библиофильстве великого драматурга: «А. Н. Островский от юности своей знал, что делается в

⁶ Гос. Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина, № 82/2063.

Автограф И. А. Горбунова,
автора книги
«Сцены и рассказы»

Титульный лист
книги Ф. А. Бурдина
с дарственной надписью автора

библиофильских сферах Москвы и Петербурга, и выработал из себя не любителя книг, а типичного ученого библиофила.

При обширнейших библиографических познаниях он каждую книжку приобретал только с строго определенной целью. Он собирал лишь то, что входило в намеченные рамки. Рамки эти были, однако, широки и разнообразны...»⁷

Н. П. Лихачев справедливо считал писателя своим учителем, научившим юного библиофила собирать то, что нужно, и не гоняться за любой редкой книгой. Глубоко признательный за это Островскому, Лихачев подарил ему несколько книг из своей знаменитой библиотеки.

В описаниях библиотеки Островского ни разу не упоминается экслибрис, возможно, его и не было у драматурга. Во втором выпуске «Альманаха библиофила» (М., 1975) В. Н. Осокин предположил, что известный знак из трех букв АНО, выполненный в виде венка, был сделан для Островского посмертно, чтобы сохранить его книжный фонд. Единственное слабое подкрепление этой гипотезы — сохранившиеся на некоторых книгах из библиотеки А. Н. Островского монограммы «АНО» (например, на титульном листе цензурного экземпляра трагедии А.-Ф. Коцебу «Гиспанцы в Перу, или Смерть Роулы». Спб., 1802), идея которой могла быть использована при создании экслибриса. Встречаются вытисненные, а кое-где написанные рукой Островского монограммы другого вида: «А.О.» (например, на форзаце и титульном листе книги Г. Ф. Основьяненко «Сватанье. Малороссийская опера в 3 дей-

⁷ Лихачев Н. П. Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки.— Спб., 1913, с. 92.

ствиях». Харьков, 1840; на некоторых произведениях В. Шекспира и т. д.). Чаще монограмма «АНО» или «А.О.» и надпись «А. Н. Островского» встречаются вместе: на форзаце, на титульном листе или на шмуцтитуле. На одних книгах стоит надпись «М. Островского», исправленная на «Ал. Островского», но не рукой писателя, на других — «Мих. Ал. Островский» и ниже выгиснена монограмма «А.О.», но большинство помечено самим А. Н. Островским. Драматург так или иначе надписывал свои книги, а это свидетельствует о его стремлении закрепить их за собой. Очевидно, если бы при жизни ему предложили экслибрис, он бы с радостью согласился и с удовольствием наклеил бы его на свои книги. Тот, о котором предположительно писал В. Н. Осокин, вероятно был сделан (если это действительно экслибрис А. Н. Островского) уже после смерти писателя.

В последний год жизни Островского назначили, наконец, начальником репертуарной части московских императорских театров и директором театральной школы при Малом театре. Теперь ему полагалась казенная квартира при театре. Пока она отделялась, драматург переселился в гостиницу «Дрезден» и оставил полюбившуюся ему квартиру в доме князя Голицына. Переезд намечен был на 17 мая 1886 г. Все вещи и книги были упакованы и перенесены на склад при доме князя Голицына.

17 мая Н. А. Кропачев, личный секретарь Островского, пришел к писателю проститься. «Войдя в квартиру,— вспоминает он,— я с подавляющим беспокойством посмотрел на ее пустынные покои... Я знакомую мне дорожкой в последний раз пробрался почти в пустой, когда-то уютный кабинет. Куда исчезла украшавшая его роскошная библиотека русских и иностранных, преимущественно драматических, писателей? Куда скрылись портреты и карточки разных литературных знаменитостей и артистов, да и вообще вся роскошная обстановка его? Остались одни голые стены... Чем-то зловещим пахло на меня... и я на мгновение обомлел...»⁸ Волнения и хлопоты по переезду губительно действовали на А. Н. Островского. С трудом приехав в Щельково, 2 июня 1886 г. он умер.

В конце XIX в. сохранившуюся часть библиотеки С. А. Островский (сын драматурга) перевез из Москвы в Петербург, а после его смерти внучка А. Н. Островского — М. М. Шателен передала ее в 1929 г. в дар Пушкинскому дому.

В начале 30-х гг. иностранные книги из библиотеки А. Н. Островского были выделены в отдельный шкаф, а русские влиты в основной фонд библиотеки ИРЛИ и, по существу, растворились в нем. Только благодаря упомянутому списку, составленному А. А. Островским, удалось разыскать значительное количество книг.

Остальные книги из Московской библиотеки А. Н. Островского, по словам М. М. Шателен, в разное время были перевезены членами семьи из Петербурга в Щельково. Но с 1914 по 1918 г. в усадьбе не жил никто из ближайших родственников, и многие ценнейшие издания исчезли. Уцелевшие книги были вывезены в Иваново, и их местонахождение пока неизвестно.

⁸ Кропачев Н. А. А. Н. Островский на службе при императорских театрах. (Воспоминания его секретаря.) — В кн.: А. Н. Островский в воспоминаниях современников. М., 1966, с. 445, 446.

И. Романовский

КНИГИ О МОСКВЕ В МОЕЙ БИБЛИОТЕКЕ

Иосиф Семенович Романовский (1894—1977), публицист и очеркист, написал и опубликовал немало статей и книг. Но среди разнообразия тем две особенно притягательны для автора: Москва и библиофильство.

Столице нашей Родины он посвятил ряд книг: «Новая Москва—площади и магистрали», «Москва социалистическая», «Проспект Маркса». На основе коллекции и экспозиции Музея истории и реконструкции Москвы Романовский написал книгу, в которой Москва предстает как единый развивающийся организм. Романовский собрал обширную коллекцию книг о Москве. Он постоянно пополнял ее. Обобщая свой опыт собирательства, Иосиф Семенович начал работу по описанию всей литературы, посвященной Москве. Он не успел завершить этот свой историко-литературный труд. Ниже мы печатаем фрагменты из этой работы страстного любителя и знатока Москвы.

А. Палей

Начатое мною собрание книг о Москве было связано с большими событиями в жизни нашей столицы. В тридцатые годы развернулась работа по подготовке первого Генерального плана реконструкции Москвы, утвержденного в 1935 г. Именно тогда я стал интересоваться историей столицы, ее улиц и переулков, домов и памятников и книгами о Москве. Теперь этот раздел—самый большой в моей библиотеке, о нем я и хочу рассказать.

Из имеющихся у меня книг о Москве назову лишь некоторые.

Вот альбомного формата издание, выпущенное в 1912 г. Министерством двора в Синодальной типографии на прекрасной тряпичной бумаге с 359 иллюстрациями и 6 планами,— «Московский Кремль в старину и теперь» С. П. Бартенева. Тираж не обозначен, но, вероятно, не превышал одной-двух тысяч. Вот книги известного историка Москвы И. Е. Забелина—у меня их три: «Домашний быт русских цариц» (1872), «История города Москвы» (1905) и «Домашний быт русских царей» (1915).

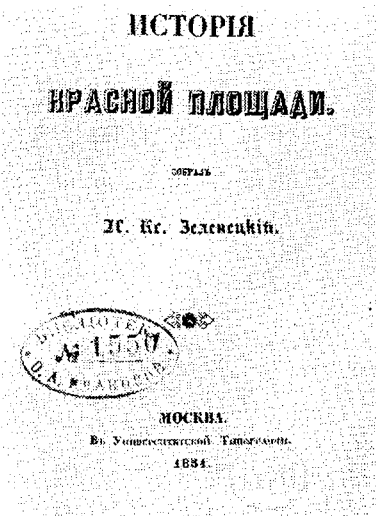
Беспорную научную ценность представляет «Указатель для обозрения московской патриаршей ризницы и библиотеки» (1858), составленный архимандритом Саввой. Помещенный в «Указателе» пояснительный словарь полезен для понимания вышедших из широкого употребления терминов церковного обихода. Упомяну также «Археологию и топографию Москвы» Н. А. Сквирица, изданную в 1913 г., но поскольку тираж ее незначителен — кажется, около тысячи экземпляров — встречающуюся довольно редко. Любопытна и «Седая старина Москвы» Н. Кондратьева, изданная в 1893 г. В этом обзоре «достопамятностей города», куда автор включает «соборы, монастыри, церкви, стены, дворцы, памятники, общественные здания, мосты, площади, улицы, слободы, урочища, кладбища и проч.», интересны приводимые наряду с фактами и московские легенды.

Редки и содержательны сборники «Старая Москва», издававшиеся комитетом по изучению старой Москвы при Московском археологическом обществе. Первый выпуск был издан в 1912 г., второй — в 1914 г. Среди авторов сборников встречаем археолога И. Я. Стеллецкого, всю жизнь искавшего, но так и не нашедшего библиотеку Ивана Грозного. Одна из его статей посвящена подземному ходу из Новодевичьего монастыря, другая — Китай-городской стене и ее тайникам.

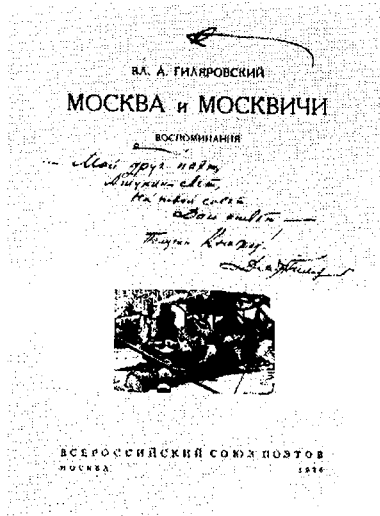
Своеобразный интерес представляет книга «Сведения о купеческом роде Вишняковых (1762—1847)», вышедшая в 1905 г.

Редкой можно считать и небольшую книжечку И. Зеленецкого «История Красной площади», изданную в Университетской типографии в 1831 г. Это — первое отдельное издание, посвященное главной площади нашей столицы. Следующее вышло почти через столетие в Библиотеке журнала «Огонек» (1925). О древней истории Красной площади написан и очерк автора этих строк, помещенный в сборнике «Наша главная площадь» (два издания — 1964 и 1966).

Есть в моей библиотеке книги, рассказывающие об архитектурных сооружениях, которых более не существует. Вот, например, «Историческое описание Московского Зачатьевского девичьего монастыря» Л. Смирнова, изданное в 1884 г. Монастыря давно уже нет, но память о нем живет в сохранившихся названиях двух Зачатьевских переулков — 2-го и 3-го, что у Кропоткинских ворот. В 1862 г. в «Русских достопамятностях», вып. 1 без имени автора вышла небольшая книжка в 18 страниц «Сухарева башня в Москве». К перечню книг об исчезнувших строениях надо присоединить и брошюрку-

Титульный лист
книги И. К. Зеленецкого
«История Красной площади»

Титульный лист
книги В. А. Гиляровского
с дарственной надписью автора

путеводитель Б. В. Шапошникова «Бытовой музей сороковых годов», выпущенную Государственным историческим музеем двумя изданиями — в 1924 и 1925 гг. (оба по тысяче экземпляров). «Бытовой музей» помещался на Собачьей площадке в доме поэта и публициста славянофила А. С. Хомякова. Здесь не раз бывали Гоголь, Герцен, Грановский, Чаадаев и, разумеется, единомышленники хозяина — братья Киреевские, Константин и Иван Аксаковы, поэты Н. М. Языков и А. К. Толстой.

Уже нет ни дома Хомякова, ни Собачьей площадки, на которой он стоял, их снесли, когда прокладывали новый Арбат — проспект Калинина. Коллекции же «Бытового музея» перешли в Исторический музей, чьим филиалом он и был. Эта книга напомнила мне об «Ушедшей Москве» Ивана Белоусова, изданной Московским Товариществом Писателей в 1927 г., — повести о своеобразном и тоже целиком исчезнувшем районе старой Москвы, Зарядье, где теперь высятся гостиница «Россия». От всего района осталась лишь небольшая часть Китайгородской стены, но память о нем еще сохраняется в названии

выходящего на набережную Москвы-реки кинотеатра. Книга Белоусова изобилует точно подмеченными и живо описанными подробностями характерного быта мелкого ремесленного люда, мелких служащих, купцов и их приказчиков. Белоусов говорит о временах не столь уж отдаленных, его воспоминания охватывают период с 70-х гг. прошлого века примерно до 1910 г. Но современному москвичу многое покажется просто неправдоподобным.

В. А. Гиляровский представлен в моем собрании прижизненными изданиями с автографами Н. С. Ашукину. После смерти Николая Сергеевича мне подарила эти книги его вдова М. Г. Ашукина. Одна из книг — «От Английского клуба к Музею Революции», а другая — «Москва и москвичи», обе вышли в 1926 г. На первой книге надпись короткая: «Старому москвичу Ашукину от старого Гиляя». На второй — надпись в стихах, рассказывающая об одном малоизвестном факте. Оказывается, замысел собрать в книгу свои разновременные публикации, рассеянные по различным газетам и журналам, подсказан Гиляровскому Н. С. Ашукиным:

Мой друг-поэт
Ашукин-свет,
На твой совет
Даю ответ —
Получай книгу!

Начиная с первого летописного упоминания о Москве имя нашей столицы постоянно встречается в различных государственных актах, но русской литературы о Москве вплоть до конца XVIII в. фактически не существует. Важнейшими источниками сведений о Москве давних времен служат записки заезжих иностранцев-дипломатов, путешественников, купцов. Таковы, например, записки посла Венеции Амброзио Контарини, побывавшего в Москве в 1476—1477 гг., английского посла Джильса Флетчера (1589), голландского купца Исаака Массы (начало XVII столетия), австрийского посла Сигизмунда Герберштейна, дважды посещавшего Москву в 1617 и в 1626 гг., голштинского посла Адама Олеария (середина XVII в.), австрийского посла Августина Мейерберга (вторая половина XVII столетия) и др. В числе иноземцев, которым мы обязаны сведениями о древнем городе, были и отъявленные авантюристы, вроде немца Генриха Штадена, служившего в опричниках у Ивана Грозного, или Самуила Маскевича, участвовавшего в польско-шляхетской интервенции в России в начале XVII в.

Лишь в конце XVIII столетия появляются первые путеводители по Москве — «Историческое и топографическое описание Москвы по данным 1775 года» И. Рубана, выпущенное в 1782 г., и «Историческое и топографическое описание первопрестольного града Москвы», изданное в 1796 г. Т. Полежаевым.

Первый путеводитель по Москве XIX века был написан и издан на французском языке Леконтом де Лаво в 1824 г. и в том же году переведен на русский язык издателем журнала «Русский вестник» С. Н. Глинкой. Вскоре, в 1827—1831 гг. был издан объемистый путеводитель в четырех частях под принятым тогда пространством заглавием «Москва, или Исторический путеводитель по знаменитой столице государства Российского...» (ставлю многоточие, так как полное заглавие потребовало бы не менее 15 строк).

За этими «первыми ласточками» последовали и другие. Среди путеводителей много и дешевых лубочных изданий. У меня имеется последний из таких путеводителей — маленькая, на 48 страницах, книжечка в мягкой обложке. Хотя она и помечена 1918 г., написана и отпечатана еще до Февральской революции. Об этом свидетельствует не только старая орфография с твердым знаком и буквой ять, но и перечисление полицейских частей города.

Яркое и глубокое раскрытие темы Москвы-города мы находим в художественной литературе начиная с XIX в. Исключение представляют, пожалуй, только записки царицы Екатерины II. Она, между прочим, первой затронула тему сопоставления двух столиц России — Москвы и Петербурга, впоследствии вдохновлявшую многих мастеров пера. Однако ее записки вошли в литературный оборот только в конце XIX в., когда их опубликовал А. С. Суворин, известный издатель газеты «Новое время». Царица отозвалась о Москве весьма нелестно.

Свое слово о Москве сказали почти все великие русские писатели прошлого столетия. В моей библиотеке — сочинения поэта и баснописца И. И. Дмитриева, который писал: «Москва, России дочь любима, где равную тебе сыскать!» «Как не любить родной Москвы?» — восклицал вслед за ним Е. А. Баратынский.

Эти строки для нас вдвойне дороги, так как их взял эпиграфом для седьмой главы «Евгения Онегина» Пушкин, — главы, в которой столько чисто московского колорита: «Москва... Как много в этом звуке для сердца русского слилось! Как много в нем отозвалось!»

В 1835 г. Пушкин пишет большую статью — отклик на

прославленное радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву». Отрывок из этой статьи с раздумьями о Москве долгое время по цензурным соображениям печатался под заглавием «Мысли в дороге», но исследователи творчества Пушкина полагают, что подлинное название было «Путешествие из Москвы в Петербург».

Поэт К. Н. Батюшков написал очерк «Прогулка по Москве» за два с лишним года до пушкинских «Воспоминаний в Царском селе». Этот талантливый очерк, где живо, ярко и остроумно даны картинки московской уличной жизни начала XIX в.—письмо Батюшкова к его другу А. Н. Оленину, президенту Академии художеств, директору Публичной библиотеки,—видимо, не предназначался для печати. Пятьдесят восемь лет пролежал он в письменном столе адресата и впервые был опубликован лишь в 1869 г. в журнале «Русский архив», после чего неоднократно перепечатывался.

Насквозь московская и по месту действия, и по характерам персонажей комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума».

Любопытно первое литературное произведение В. Г. Белинского, озаглавленное «Журнал моей поездки в Москву и пребывание в оной». Это письмо будущего великого критика к друзьям его юности—А. П. и Е. П. Ивановым, отправленное в 1829 г., когда 18-летний Белинский приехал из Пензы в Москву для поступления в университет. Письмо полно юношеского восторга перед Кремлем, зданием Петровского (ныне Большого) театра, Каменным мостом, Манежем, памятником Минину и Пожарскому на Красной площади. «Имена их бессмертны,—пишет Белинский,—как дела их. Они всегда будут воспламенять любовь к родине в сердцах своих потомков. Завидный удел! Счастливая участь!»

Это произведение Белинского дождалось часа своего опубликования еще дольше, чем «Прогулка» Батюшкова,—69 лет! Оно впервые было напечатано в 1898 г. в журнале «Живописное обозрение».

Пятью годами позже, в 1834 г. М. Ю. Лермонтов пишет «Панораму Москвы». «...Москва не безмолвная громада камней холодных!..—воскликает он.—Нет! у нее есть своя душа, своя жизнь». Начав с колокольни Ивана Великого, он говорит далее о Петровском замке, о храме Василия Блаженного, Петровском театре, Сухаревой башне и кончает восторженным панегириком Кремлю. «Он—алтарь России, на нем должны совершаться и уже совершались многие жертвы, достойные отечества...

Нет, ни Кремля, ни его зубчатых стен... описать невозможно... надо чувствовать все, что они говорят сердцу и воображе-

нию!..» Читатели познакомились с «Панорамой» только в 1891 г. Позднее, уже став зрелым поэтом, Лермонтов снова клянется в своей пылкой любви к Москве в поэме «Сашка»; в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» Лермонтов рисует поэтическую картину Москвы, быта и нрава москвичей.

Вслед за Лермонтовым о Москве пишет 27-летний, но уже прославленный «Вечерами на хуторе близ Диканьки», «Тарасом Бульбой» и «Ревизором» Гоголь. В «Петербургских записках 1836 года», напечатанных в шестом номере «Современника» за 1837 г., он с присущим ему неподражаемым юмором сопоставляет Москву с Петербургом.

«Москва женского рода, Петербург мужеского. В Москве все невесты, в Петербурге все женихи... Московские журналы говорят о Канте, Шеллинге и проч. и проч.; в петербургских журналах говорят только о публике и благонамеренности... В Москве журналы идут наряду с веком, но опаздывают книжками; в Петербурге журналы нейдут наравне с веком, но выходят аккуратно, в положенное время... Москва — большой гостинный двор; Петербург — светлый магазин. Москва нужна для России, для Петербурга нужна Россия».

В 1842 г. А. И. Герцен пишет статью «Москва и Петербург». Статья была впервые опубликована в 1857 г. в Лондоне в «Колоколе», а до этого распространялась лишь в списках. В России же ее впервые напечатали только в 1905 г., да и то с сокращениями.

Разумеется, эта статья — лишь крохотная доля вклада Герцена в литературу о Москве, который в первую очередь определяется его замечательными мемуарами «Былое и думы». «Москва, — пишет он, — просыпается всякий раз, когда надобно, и становится на уровень с обстоятельствами, когда над Русью гремит гроза».

В 1845 г. к московской теме вновь возвращается В. Г. Белинский. В сборнике «Физиология Петербурга...» он публикует очерк «Петербург и Москва». Шестнадцать лет прошло после его письма Ивановым, и здесь мы видим уже не восторженно-го юношу, а зрелого писателя. От его внимательного взгляда не скрылись важные перемены в облике Москвы:

«Для русского, который родился и жил безвыездно в Петербурге, Москва точно так же изумительна, как и для иностранца... со странным чувством увидел бы он, привыкший к прямым линиям и углам, что один дом выбежал на несколько шагов на улицу, как будто бы для того, чтобы посмотреть, что делается на ней, а другой отбежал на несколько шагов назад, как будто из спеси или из скромно-

сти,—смотря по его наружности, что между двумя довольно большими каменными домами скромно и уютно поместился ветхий деревянный домишко... И еще более удивился бы наш петербуржец, почувствовав, что в странном гротеске этой улицы есть своя красота...»

Много писал о Москве А. К. Толстой. В Москве происходит действие его трилогии «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович» и «Царь Борис»; в романе «Князь Серебряный» показана Москва времен Грозного.

Сопоставлению двух столиц отдал дань и И. Г. Прыжов, автор известных трудов — «История кабаков в России в связи с историей русского народа» (1868), «Нищие на святой Руси...» (2-е изд. М., 1913), «Двадцать шесть московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков» (М., 1864) и др.

Многое рассказал о Москве величайший русский драматург второй половины XIX в. А. Н. Островский. Еще в 1846—1847 гг. он написал небольшой очерк «Замоскворецье в праздник», который при его жизни не публиковался и впервые был напечатан в 1948 г. Позднее им были написаны «Записки замоскворецкого жителя». Хотя действие большей части его почти полусотни пьес разворачивается в провинции, материал для них он черпал главным образом из московской купеческой и мещанской среды, быт, нравы и язык которой знал превосходно.

Кстати, семь его пьес снабжены подзаголовком «Картины московской жизни». Будучи активным деятелем Общества русских драматических писателей, А. Н. Островский в 1881 г. пишет записку о русском театре, где как нельзя яснее выразил свое мнение о Москве и ее значении в жизни России: «Москва — город вечно обновляющийся, вечно юный, через Москву волнами вливается в Россию великорусская народная сила».

В прозе И. С. Тургенева Москва упоминается на многих страницах его романов «Накануне», «Рудин», «Дым», в «Записках охотника», в рассказе «Муму» и др.

Нет надобности перечислять посвященные Москве страницы Льва Толстого — их все знают и помнят.

Из писателей первой половины прошлого века надо упомянуть И. Т. Кокорева, пожалуй, единственного из писателей того времени, показавшего жизнь московской бедноты. И. Т. Кокорев знал ее не со стороны, он сам был бедняком со дня рожденья до конца своей так рано оборвавшейся жизни. В очерках Кокорева и в повести «Саввушка» мы видим «маленьких людей» — мелких ремесленников, дворников, торговцев вразнос. Кокорев наделяет своих героев добротой, участливо-

стью к другим людям, способностью жертвовать самым необходимым, чтобы помочь тем, кто беднее их самих.

Среди писателей второй половины XIX в. Г. И. Успенский и А. И. Левитов явились как бы продолжателями темы И. Т. Кокорева. А. И. Левитов впервые обратился к московской теме в 1864 г., опубликовав «Нравы московских девственных улиц» (так он называл населенные беднотой московские окраины). Дважды годами позже он, совместно с писателем-демократом, а впоследствии личным секретарем Н. Г. Чернышевского М. А. Вороновым издал двухтомный сборник «Московские норы и труппы». Это, пожалуй, первый в нашей литературе показ столичного «дна», позднее с такой силой изображенный в знаменитой пьесе М. Горького.

Глеб Успенский в начале 60-х гг. написал целую серию очерков о московской бедноте — о девушках-швейках, сапожниках, портных. Он правдиво рисует быт людей, ввергнутых в повседневную неизбывную нищету, и едва ли не первым осмелился заговорить о такой запретной теме, как проституция.

Москву конца 70-х гг. XIX в. показал и П. Д. Боборыкин в романе «Китай-город». Его герои — крупные купцы, промышленники, биржевики, денежные «воротилы». В романе много зарисовок уличной жизни, сделанных мастерски и достоверно. В 1947 г., когда торжественно отмечалось 800-летие Москвы, роман Боборыкина вышел в издательстве «Московский рабочий», потом несколько раз переиздавался.

Разумеется, приведенными именами отнюдь не исчерпывается список литераторов, писавших о Москве прошлого столетия. Четыре книги очерков «Москва и москвичи» издал М. Н. Загоскин, автор «Юрия Милославского». Содержательные очерки и воспоминания оставили нам В. Ф. Одоевский, К. А. Полевой, П. Ф. Вистенгоф, Ф. Ф. Вигель, П. А. Кропоткин, имя которого носит одна из старинных улиц Москвы. Свообразный интерес представляют «Записки бывшего крепостного человека» Ф. Д. Бобкова, впервые опубликованные в 1907 г. в журнале «Исторический вестник». Бобков оставался крепостным до 30 лет, вплоть до крестьянской реформы 1861 г., и рассказ его изобилует конкретными подробностями жизни крепостной дворни московского барина.

О Москве второй половины прошлого столетия написан ряд воспоминаний. Интересны мемуары юриста Н. В. Давыдова, судебного деятеля Анатолия Федоровича Кони, видного сановника князя В. М. Голицына, купца И. А. Слонова, автора воспоминаний «Из жизни торговой Москвы», старого букиниста А. А. Астапова...

В 1891 г. в издательстве А. С. Суворина вышла объемистая, на 568 страницах со 132 иллюстрациями, книга М. И. Пыляева под многообещающим заглавием «Старая Москва». В «предуведомлении» автор предупреждает читателей, чтобы они не искали в его книге полной истории Москвы, что он лишь собрал сведения о быте и нравах жителей «первопрестольной столицы» в XVIII и начале XIX столетия. Однако внимание автора привлекают главным образом анекдоты из жизни вельмож, богачей, всевозможные чудачества, необычайные происшествия, рассказы об осыпанных царскими милостями фаворитах.

С середины 1920-х гг. в московских газетах и журналах начинают появляться очерки о московских памятниках старины. Одним из пионеров такой тематики вместе с Гиляровским стал Ашукин. В журналах «Огонек», «Красная Нива», «30 дней», в газете «Вечерняя Москва» печатаются его очерки о доме Веневитинова в Кривоколенном переулке, где впервые был прочитан пушкинский «Борис Годунов», об Английском клубе, о книжных «развалах», об истории Тверского бульвара и т. п.

Почти одновременно ту же тематику стал разрабатывать и П. В. Сытин, заведовавший тогда Музеем московского коммунального хозяйства. Его заметки и очерки были достоверны и содержательны, они имели успех у читателей. Позднее П. В. Сытин стал автором ряда книг: «Прошлое Москвы в названиях улиц» (1946), «Из истории московских улиц» (1948), «Откуда произошли названия московских улиц» (1959) и, наконец, трехтомного труда «История планировки и застройки Москвы», последний том которого вышел посмертно в 1972 г.

В наше время первым сделал попытку создать книгу об истории Москвы писатель П. И. Лопатин. В 1939 г. книга вышла в свет, и ее героями были не цари и патриархи, а русский народ — создатель и оборонитель своей столицы.

«Москва» Лопатина имела заслуженный успех. По окончании войны книга в расширенном варианте была переиздана Детгизом в двух томах, прекрасно оформленных и обильно иллюстрированных. В 1959 г. с небольшими сокращениями она вышла в издательстве «Московский рабочий».

Александр Поляков

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ МОРСКАЯ...

Рядом с Севастопольской Морской библиотекой плещется море. Из окон видно, как уходят в большие плавания корабли Краснознаменного Черноморского флота, как возвращаются из Атлантики рыболовецкие траулеры.

В читальных залах царит деловая тишина. Офицеры и адмиралы, матросы и курсанты училищ, рыбаки и строители, студенты и докеры склонились над страницами книг, делают выписки, конспектируют прочитанное, готовятся к занятиям, лекциям, докладам.

Ну, а если распахнуть окно — услышишь и шум прибоя, и гудки буксиров, и перезвон якорных цепей, и усиленные мегафонами лаконичные команды с капитанских мостиков.

Пройдемте же туда, где собраны накопленные временем человеческие познания, перелистаем страницы уникальных изданий, хранящихся в этой удивительной библиотеке, — и перед нами пройдут даты, события, имена, дорогие и памятные каждому из нас. Севастопольская Морская вместе со многими тысячами книг-бойцов выстояла две обороны, трижды была разрушена до основания, неоднократно погибала в пламени пожаров и каждый раз возрождалась из пепла, словно сказочная птица Феникс.

I

В 1850 г. «Морской сборник» писал, что преобладающее большинство морских офицеров проводило время «в совершенном бездействии; для морских кампаний были отделяемы в то время немногие только суда, и то на короткое время; береговые занятия ничтожны; библиотек и даже собрания книг, несколько значительного, не имел никто; во всем городе едва ли бы нашлось сотни две томов, не относящихся до наук

математических; одним словом, морские офицеры имели свободного времени слишком много, а средств употреблять его с пользою не находили вовсе»¹.

В этой затхлой обстановке среди части прогрессивного морского офицерства двадцатых годов прошлого века и возникла мысль об учреждении в Севастополе общественной библиотеки.

Одним из инициаторов этого начинания был лейтенант В. Мелихов, служивший управляющим распорядительной частью канцелярии главного командира Черноморского флота и портов адмирала А. Грейга. Пользуясь своей близостью к адмиралу, Мелихов представил в 1821 г. проект создания библиотеки и ее первый Устав. Так было начато «Дело о заведении в Севастополе библиотеки для флотских офицеров».

Уставом предусматривалось содержание библиотеки за счет добровольных пожертвований и вычетов из жалования офицеров «по одной копейке с рубля», а управление делами возлагалось на комитет из одного флотского начальника и трех офицеров, ежегодно избираемых по баллотировке.

21 июня 1822 г. проект В. Мелихова был утвержден. С этого дня и начинается отсчет времени Севастопольской Морской библиотеки.

Вначале библиотека размещалась в старом доме, который некогда принадлежал служившему на флоте англичанину Тизделю, затем была перенесена в часть большого здания, приобретенного казной, где кроме нее помещались комитет по строительству доков и штурманские кондуктора.

Благие намерения, с которыми создавалась библиотека, в то время не были осуществлены. Как говорится в одном из отчетов тех лет, она продолжала существовать при скудной поддержке только самих членов, размещалась «в различных казенных зданиях и заметной роли в жизни черноморских моряков не играла». Фонд ее рос очень медленно и к 1834 г. составлял всего лишь 3 тысячи томов.

В 1833 г. в должность главного командира Черноморского флота и портов (так в то время назывался командующий флотом) вступил адмирал М. П. Лазарев, начавший большую и плодотворную работу по повышению боевой мощи флота. При нем значительно улучшилось положение библиотеки, фактически пережившей свое второе рождение.

Мореплаватель, ученый, человек высокой культуры, М. П. Лазарев прививал офицерам любовь к книгам, добывал

¹ Морской сборник, 1850, т. 3, с. 209.

ся организации на кораблях хорошо подобранных библиотек, поощрял беседы в кают-компаниях о прочитанном.

По распоряжению Лазарева была проведена обстоятельная ревизия Морской библиотеки, которая показала всю неприглядность состояния ее фондов. Комплектование библиотеки шло односторонне, в результате чего половину русских книг составляли издания по богословию.

Адмирал М. П. Лазарев обратился с обстоятельной докладной запиской к начальнику Главного Морского штаба и добился ассигнований на пополнение книжного фонда и строительство специального здания для Морской библиотеки. Его сооружение началось в 1837 г.

Через год во время строительных работ обрушился потолок, остальная часть кладки из-за низкого качества строительного материала тоже оказалась ненадежной. Всю работу пришлось начинать сначала. Но несчастья на этом не прекратились. Когда здание было полностью закончено и в нем разместилась библиотека, вспыхнул пожар, истребивший часть книг и имущества. От сгоревшего здания до наших дней чудом сохранилась «Башня ветров», служившая для вентиляции служебных помещений.

С горечью писал о случившемся адмирал М. П. Лазарев одному из своих друзей:

«Ты все мечтаешь о будущей славе Севастополя, но не все так делается, как хочется! И в доказательство тому с 16-го на 17-е прошедшего декабря прекрасная и благоустроенная наша офицерская библиотека от непредвиденного случая и доселе неизвестной причины — сгорела почти до основания! До слез жаль, но делать нечего! Загорелось в верхнем этаже около 8-ми часов вечера, и потому все, что в этом зале было — можно сказать лучшее, сгорело! Большую часть книг однако ж, которые расположены были в шкафах нижнего этажа, спасли, но главная беда в том, что мы лишились здания (лучшего украшения в Севастополе), стоившего нам столько забот и издержек, ибо казна тут несколько или, по крайней мере, мало участвовала. Все носы повесили! А между тем в первом энтузиазме предлагают жертвовать всем, что только за душою есть, чтобы возобновить здание по-прежнему... Вот уже лет 16-ть и более, что в Севастополе ни одного пожара не было — не сгорела ни одна дряная хата, и надобно было беде этой обрушиться на самом лучшем в городе здании, невзирая и на самый строгий порядок в оном! 9-ть месяцев только, что библиотека открыта, и нельзя было не радоваться тому порядку и благоустройству, которое в ней царствовало... Мне случалось видеть многие библиотеки, которые богаче нашей

книгами, манускриптами и пр. Но чтобы видать их в таком изящном виде как бывшая наша, мне не случилось! Лет бы 10-ть еще, тогда она поравнялась бы с ними и в этом отношении. Теперь надобно начинать работу снова...»²

Спустя некоторое время, во втором письме, он вновь не может не упомянуть о библиотеке: «Надеюсь, что в непродолжительном времени она вновь возобновится в лучшем еще виде... К счастью, надобно сказать, что большая часть великолепных шкафов и книг необыкновенным усердием офицеров спасена или, лучше сказать, выхвачена из огня!.. Прежний план здания нашли нужным изменить и несколько увеличить для помещения большего числа книг...»³

Благодаря инициативе М. П. Лазарева, его ближайших учеников и последователей П. С. Нахимова и В. А. Корнилова вскоре началось строительство нового здания, в котором 2 ноября 1849 г. состоялось торжественное открытие Севастопольской Морской библиотеки.

По свидетельствам очевидцев, это было одно из лучших строений тогдашнего Севастополя. Разместившись в центре города на самом высоком месте, оно было обведено чугунной оградой, а по обеим сторонам разбит сад с густыми акациями и цветниками. У парадного входа, украшенного двумя большими колоннами, были установлены статуи из белого мрамора и барельеф «История русского флота» по рисунку академика профессора Ромазанова. Предполагалось установить еще один барельеф на эту тему, но, заказанный в Италии, он был получен только после окончания Крымской войны.

В нишах нижнего этажа стояли большие статуи Архимеда и Ксенофонта, а по бокам парадной лестницы — два больших сфинкса. Внутри, посреди большого зала, была установлена модель стодвадцатипушечного корабля «Двенадцать Апостолов».

Имелись комнаты для чтения, газетная, переплетная, штемпельная и другие. Наверху библиотеки была устроена обсерватория, снабженная превосходными зрительными трубами.

В директорской размещался небольшой музей, где находились модели кораблей, висели редкие английские гравюры с изображением морских битв, хранились коллекции минералов, древние сосуды, монеты, камни, чучела морских животных и херсонесские мозаики. Мебель была изготовлена из красного

² ЦГА ВМФ, ф. 315, оп. 1, д. 776, п. 80, л. 1—2.

³ Там же, п. 81, л. 1—2.

дерева. На шкафах — золотые надписи, обозначающие отделы книг.

С 1843 г. во главе комитета директоров библиотеки стоял П. С. Нахимов, ревностно исполнявший эту обязанность вплоть до самой смерти. Он руководил строительством нового здания, а затем уделял постоянное внимание комплектованию фондов, привлечению большего числа читателей.

Будущий адмирал, а тогда еще капитан I ранга В. А. Корнилов был избран секретарем-казначеем библиотеки. Он отвечал за всю хозяйственную и финансовую деятельность, следил за своевременной выпиской газет и журналов, вел переписку и дела комитета, подбирал и нанимал библиотечный персонал, находившийся в его непосредственном подчинении. Корниловым был разработан и новый Устав библиотеки. Пробыв в должности секретаря-казначея два года, он вошел в комитет директоров.

П. С. Нахимов и В. А. Корнилов особенно большое внимание уделяли пополнению фондов новыми книгами и журналами, добивались того, чтобы все наиболее интересные иностранные издания о военно-морском флоте поступали в библиотеку. Для пополнения английского отдела Корнилов привлек к работе адмирала В. И. Истомина — большого знатока литературы о флоте.

Несколько позже в управлении библиотекой принимали участие лицейский товарищ А. С. Пушкина, известный мореплаватель Ф. Ф. Матюшкин, писатель-маринист К. М. Станюкович и другие.

Благодаря заботам Нахимова и Корнилова, библиотека приобретала все большее общественное значение и популярность, а ее книжный фонд, несмотря на расходы по строительству, за десятилетие (1844—1854 гг.) вырос с 6500 до 16 тысяч томов.

В этот период севастопольская библиотека, как отмечал «Морской сборник», «стала одной из важнейших библиотек в государстве» и, по словам выдающегося русского революционера-демократа Н. Г. Чернышевского, была «средоточием жизни всех офицеров в Севастополе».

Первый историк Морской библиотеки подчеркивал: «Морское собрание служило местом развлечения. Библиотека же, представляла возможность найти в ней отдых... давала средства обогащать свои познания научными указаниями».

Если перелистать «Морской сборник» за 1885 г., то можно встретить следующее сообщение: «Разделить ли радость или горе, сообщить ли полученную новость, увидеться ли с товарищем — путь всегда лежал к библиотеке. Каждый офицер

считал непременно и приятнейшею обязанностью принести библиотеке свою частную лепту. Отправляясь за границу, одно из первых их помышлений было привезти для библиотеки или редкую книгу, или монету, или минерал. Таким образом и составила нумизматическая коллекция и минералогическая, пополняемая и до настоящего времени добровольными приношениями членов»⁴.

Большим бедствием для библиотеки явилась Крымская война 1853—1856 гг.

В севастопольскую страду 1854—1855 гг. библиотека, как мужественный воин, стояла в одном строю с русскими войсками. Она обслуживала защитников гарнизона, приходивших за книгами прямо с бастионов. С вышки Морской библиотеки адмиралы П. С. Нахимов и В. А. Корнилов наблюдали за подходом вражеского флота. Отсюда же был подан сигнал к затоплению судов Черноморской эскадры у входа в бухту, чтобы преградить туда доступ кораблям англо-французского флота.

Несмотря на ожесточенные бомбардировки, работа библиотеки не прекращалась ни на один день. В начале осады Севастополя часть ее помещений занимал главный перевязочный пункт, где работал выдающийся русский хирург Н. П. Пирогов, а в остальных шло обслуживание читателей.

В течение 1854 г. было выдано 27 тысяч томов. Только после Альминского сражения выдача литературы на дом прекратилась и, с целью сохранения фондов от бомбардировок и пожаров, книги были сложены в подвалы, но читальные залы продолжали функционировать.

Во время мартовской бомбардировки 1855 г. одна из бомб попала в здание, пронеслась по главному залу, пробила модель корабля «Двенадцать Апостолов» и разорвалась около одного из шкафов. От этого взрыва библиотека значительно пострадала.

В период осады города комитет директоров Морской библиотеки в память о погибших Нахимове и Корнилове принял решение: «Из накопившейся в последнее военное время суммы от невыписывавшихся книг, отделить единовременно достаточное количество в банк, чтобы из процентов отложенной на веки суммы содержать в Николаевской гардемаринской роте двух стипендиатов, под наименованием пенсионеров адмирала Нахимова и генерал-адъютанта вице-адмирала Корнилова, чтобы тем ознаменовать чувство призна-

⁴ Морской сборник, 1885, № 5, с. 28—29.

тельности Черноморского флота к памяти этих незабвенных адмиралов. Кандидатами в пенсионеры должны быть дети, преимущественно сироты, офицеров Морского ведомства Черноморского флота»⁵.

Когда наступила явная угроза вторжения в город вражеских войск, началась эвакуация книг в Николаев. В середине августа 1855 г. под руководством исполнявшего в то время обязанности секретаря-казначея капитана II ранга Г. И. Бутакова, впоследствии известного адмирала, из Севастополя двинулся огромный обоз, который сухопутным путем и доставил библиотеку в Николаев.

После одиннадцатимесячной осады город решено было оставить, и поджог «израненного» здания Морской библиотеки послужил сигналом к началу всеобщего пожара, дабы ничего не досталось неприятелю. Вступив в Севастополь, интервенты варварски разграбили оставшиеся книги, увезли в Лондон и Париж даже мраморные ступени лестниц.

II.

На своем первом заседании в Николаеве комитет директоров, в память об участии библиотеки в обороне главной базы Черноморского флота, Севастополя, решил сохранить за ней прежнее название — Севастопольская Морская.

Первое время библиотека занимала один верхний этаж Николаевского портового архива и только в 1861 г. была переведена в здание упраздненного Гидрографического депо, книги которого также были переданы в ее фонды.

Внизу двухэтажного здания разместились читальные залы, а вверху — книгохранилища русских и иностранных книг, а также периодических изданий. Теснота помещений затрудняла работу и вынуждала значительную часть фондов хранить в ящиках или прямо на полу. Из-за холода, отсутствия вентиляции книги стали покрываться плесенью и приходиться в негодность.

Невнимание к библиотеке как со стороны начальства, так и самих членов еще больше ухудшало положение. Участились пропажи книг, журналов, справочных изданий, а пополнение шло очень медленно. За тридцать лет книжный фонд увеличился всего на пять тысяч томов.

Историк Д. Афанасьев в своем очерке о Морской библиотеке того времени писал:

⁵ Морской сборник, 1885, № 5, с. 30.

«Для того, чтобы библиотека вполне соответствовала своему назначению, необходимо, чтобы она не наводила уныние своею неприглядностью и не была только терпимым учреждением, но считалась бы одним из первых факторов научной подготовки молодых моряков...

От молодого поколения моряков, чтобы быть на высоте своего положения, требуется, как высокий уровень общего образования, так и самое широкое знакомство с техническими и естественными науками в применении их к морской специальности и к военному делу...

Ввиду этого библиотека должна быть поставлена в такие условия, чтобы она могла вполне сделаться светочем разума, сосредотачивая в себе все средства для умственной работы и наглядного изучения, а потому в ней должно заключаться не только собрание сочинений по всем отраслям знания, но и морской музей, во всем объеме современной техники морского дела. Конечно, и здание библиотеки должно соответствовать вполне такому назначению, в котором бы пытливый моряк мог проводить все свободное время в занятиях и научных изысканиях, с достаточным удобством для этих занятий»⁶.

После аннулирования Парижского договора (1856 г.) началось быстрое возрождение Черноморского флота. Убыстряющийся прогресс в области военно-морского дела, вызванный развитием парового флота, потребовал от офицеров более высоких знаний, их постоянного совершенствования, что выдвигало Морскую библиотеку в ряд важнейших культурных учреждений по оказанию помощи в подготовке моряков. Началось ее новое возрождение.

В середине 1890 г. в Севастополе рядом с Морским собранием было воздвигнуто красивое здание для библиотеки. На первом этаже находились просторный вестибюль, так называемая раздаточная (выдача книг на дом) и директорская, в которой были сосредоточены справочная литература, каталоги и различные музейные ценности. Директорская сообщалась с книгохранилищем, имевшим три этажа и подвал.

Второй этаж занимал большой читальный зал с примыкавшими к нему комнатами для научных занятий, в которых также находилась часть музейных экспонатов. Одна из комнат, в память об адмирале А. Грейге, называлась «Грейговской»; другая — «Лазаревской», где размещалась библиотека М. П. Лазарева, преподнесенная в дар дочерью покойного адмирала и насчитывающая 1118 томов.

⁶ Морской сборник, 1885, № 6, с. 51—52.

Над зданием красовался барельеф «История русского флота».

Деятельность библиотеки, возвратившейся из Николаева, в этот период заметно оживилась, внимание к ней усилилось, количество ежегодно выдаваемых книг значительно возросло. К концу 1900 г. библиотека насчитывала около 60 тысяч книг, комплектов журналов и газет. К этому времени относится и каталогизация фондов. Вместе с тем, комплектование библиотеки шло не совсем удовлетворительно, о чем свидетельствуют выводы ревизионных комиссий, отмечавших его бессистемность.

В 1893 г. комитет директоров обратился ко всем отечественным университетам, ученым обществам, учреждениям и частным лицам с просьбой оказать содействие в пополнении специальных отделов библиотеки и особенно военно-морского. Этот призыв встретил горячую поддержку, и за десять лет от разных лиц и учреждений в дар библиотеке поступило свыше шести тысяч томов, в основном редкой литературы. В числе жертвователей были Российская Академия наук, Морской технический кабинет, Военно-медицинская академия, писатель Л. Н. Толстой, ученый Д. И. Менделеев, адмирал С. О. Макаров и многие другие; И. К. Айвазовский, кроме книг, подарил несколько картин, в числе которых были «Вход на Синопский рейд эскадры адмирала Нахимова» и «Нахимов и Корнилов в бою». Во время своего двухдневного пребывания в Севастополе 7 и 8 сентября 1901 г. Морскую библиотеку посетил Л. Н. Толстой и оставил на память свой автограф.

Новый период освободительного движения в России, размежевание идейных позиций русской интеллигенции, рост популярности марксистских идей в стране, характеризующие общественно-политическую жизнь девяностых годов, не могли не отразиться на деятельности Морской библиотеки.

Среди различных политических брошюр и книг всевозможных направлений, пополнявших фонды библиотеки в конце XIX и начале XX в., особенно активно читаются такие книги, как «Развитие капитализма в России» В. И. Ленина, «Капитал» К. Маркса, «Анти-Дюринг» и «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса. Возрос интерес к произведениям Белинского, Чернышевского, Писарева, Добролюбова, Дарвина, Тимирязева, легальным марксистским журналам и газетам. В первые годы XX в. выдача политической литературы доходила до ста книг в месяц. Рост запросов на политическую книгу отражал новые настроения тогдашнего общества. Однако нельзя забывать, что если читателями библиотеки состояли такие офицеры, как лейте-

нант П. П. Шмидт, то в состав комитета ее директоров входил махровый реакционер капитан I ранга Голиков — командир броненосца «Потемкин», отличавшийся жестокостью по отношению к матросам и убитый ими во время восстания.

Знакомство с каталогами за годы, предшествовавшие революции 1905 г., свидетельствует, что комплектование библиотеки велось гораздо продуманнее, чем раньше, и в ее фонды поступало значительное количество революционной литературы. После подавления первой русской революции поступление книг, отражавших настроения эпохи, прекратилось, много ценной литературы, проникнутой идеями революционного демократизма, было уничтожено.

Обстрел немецким крейсером «Гебенем» Севастополя 29 октября 1914 г. заставил работников библиотеки наиболее ценную часть книжного фонда спрятать в архив. Но книги запаковали в такие огромные ящики, что сдвинуть их с места было невозможно. Пока шла империалистическая война, ценнейшие издания так и пролежали запакованными.

В эти годы библиотека напоминала мертвое книгохранилище. Администрация стремилась только к одному: сберечь и сохранить десятками лет накопленные книжные богатства.

Великая Октябрьская социалистическая революция вывела библиотеку из состояния застоя. Читатели получили возможность свободно пользоваться богатейшим собранием ее книг.

III

Наладить и упорядочить работу Морской библиотеки удалось уже в самом начале двадцатых годов. 7 июня 1922 г. в севастопольской городской газете «Маяк коммуны» была помещена заметка, в которой говорилось: «Морская библиотека будет открыта для широких масс населения Севастополя со среды текущей недели. При библиотеке будет открыт читальный зал с большим выбором периодической литературы».

С каждым днем перед Морской библиотекой вставали все новые и новые задачи. Постепенно приводилось в порядок библиотечное хозяйство, пополнялся фонд необходимой литературой, проводились массовые мероприятия по пропаганде книги. Из узкокастового книгохранилища Морская библиотека превратилась в массовое, широко доступное культурно-просветительное учреждение. Двери ее широко раскрылись для военных моряков и трудящихся города.

О том, как изменилась деятельность библиотеки по сравнению с дореволюционным периодом, говорят следующие данные. Если раньше число читателей не превышало 700—800

человек, а книг выдавалось ежедневно от 100 до 130, то в 1923 г. число читателей возросло до 1500 человек, а посещаемость и выдача книг увеличились вдвое.

Большим событием в культурной жизни Черноморского флота и Севастополя явилось столетие библиотек. Газета «Маяк коммуны» писала: «В субботу 21 июля Черноморский флот торжественно отпраздновал 100-летний юбилей одного из своих культурных учреждений — Морской библиотеки.

Весь флот чествовал юбиляра, сохраненного руками пролетариата... как памятник истории и культурное богатство Черноморского флота...»

Проводимая Политуправлением флота работа, так или иначе связанная с книгой, не обходилась без участия Морской библиотеки. В числе литературных вечеров и конференций читателей по произведениям художественной литературы было обсуждение романов А. Новикова-Прибоя «Цусима», А. Фадеева «Разгром», Л. Соболева «Капитальный ремонт», Ф. Панферова «Бруски», М. Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина», А. Толстого «Хлеб», Ф. Гладкова «Цемент» и многих других.

Богатейшее собрание редких изданий привлекает в Морскую библиотеку военных историков и дипломатов, литераторов и исследователей, искусствоведов и академиков, ученых и журналистов. Над своими произведениями здесь работали академик К. Тарле, писатель Б. Лавренев и многие другие.

К. Паустовский в «Черном море» вспоминал:

«На юг я приехал для работы над книгой. Мне следовало безвыходно сидеть в севастопольской Морской библиотеке и изучать необходимые для книги материалы... Два дня я работал в Морской библиотеке. Я рылся на полках, уставленных кожаными фолиантами.

Но даже в библиотеке было много соблазнов, удививших в сторону от главной работы. Я зачитывался лоцией Красного моря, хотя для моей книги это было не нужно, рассматривал заграничные морские журналы с рисунками кораблей всех стран и эпох, начиная от Ноева ковчега и кончая последними океанскими „лайнерами“, изучал модели корветов, развешанные по стенам, и досадовал на недостаток времени.

Богатство неожиданных знаний было так велико, что сутки казались пустяковым промежутком времени».⁷

Литературные вечера и читательские конференции, книжные выставки и библиографические обзоры, выпуск методических пособий и оказание помощи библиотекам частей и

⁷ Паустовский К. Собр. соч. В 6-ти томах.— М., 1957, т. 2, с. 73, 82—83.

кораблей, организация библиотечек-передвижек и лекционная пропаганда, вечера вопросов и ответов — таков далеко не полный перечень мероприятий, проводимых библиотекой. Современному читателю небезынтересно будет познакомиться с заметкой, опубликованной в газете «Маяк коммуны» 10 октября 1923 г. В ней рассказывается об одном необычном мероприятии: «Политсуд на 9-й батарее „судил“ красноармейцев Абакумова, Степанова, Ковалея, не читающих книг. Суд постановил: „Преподнести „обвиняемым“ по одной книге для прочтения и в дальнейшем обязать их регулярно читать книги. Под гром аплодисментов библиотекарь вручил „обвиняемым“ книги».

Когда молодой Черноморский флот Страны Советов начал совершать свои первые заграничные плавания, то вместе с кораблями в походы «ходили» и книги Морской библиотеки, рассказывающие морякам о посещаемых странах, Черноморском и Средиземноморском бассейнах.

К началу Великой Отечественной войны книжный фонд библиотеки превышал 200 тысяч томов. Число читателей дошло до трех с лишним тысяч человек. В день библиотеку посещали 450—500 человек.

С первых дней Великой Отечественной войны Севастопольская Морская перестроила всю работу на военный лад. Она стала действующим подразделением сражавшегося флота и достойно несла боевую вахту. Ее связи с моряками-черноморцами в это время еще больше окрепли.

Когда враг подошел вплотную к Севастополю, выдача книг на дом прекратилась и вся работа была направлена на обеспечение литературой действующих частей и кораблей, обслуживание госпиталей и предприятий.

Бывший командир прославленной 7-й бригады морской пехоты генерал-лейтенант Е. Жидилов в № 5 журнала «Библиотекарь» за 1970 г. писал: «В Севастополе во время обороны 1941—1942 гг. функционировали почти круглые сутки две крупные библиотеки: Морская при Доме офицеров флота имени Шмидта и городская библиотека имени Л. Н. Толстого. И та и другая перестроили свою обычную работу применительно к задачам обороны.

Были организованы передвижки для обслуживания воинских частей, кораблей и предприятий. К вечеру каждого дня передвижки комплектовались, приходили книгоноши, бережно упаковывали книги и журналы и уносили на передовые позиции и предприятия».

В условиях осажденного города, под постоянными бомбежками и при непрерывном артобстреле, библиотека доставля-

ла книги туда, где находилась основная масса ее читателей — на передний край, на корабли, батареи, в батальоны морской пехоты и артиллерийские части, госпитали. Почти круглые сутки комплектовались библиотечки-передвижки, с участка на участок по всему фронту кочевала походная читальня.

Библиотеку посещали ученые, писатели, художники, журналисты, композиторы, кинооператоры, находившиеся в Севастополе. В ее фондах хранятся ноты песни «Вдали от родимой земли», на которой композитор Ю. Слонов оставил надпись: «Музыку этой песни я написал, проживая в подвале Морской библиотеки в январе 1942 года». Литературой по минному делу интересовался И. Курчатов — будущий академик, проводивший летом 1941 г. в Севастополе в составе группы ученых-физиков работы по защите кораблей от магнитных мин.

Работникам библиотеки приходилось постоянно принимать меры по спасению книг и имущества от пожаров и разрушений. В январе 1942 г. в библиотеку попало несколько снарядов. Один из них угодил в бак с водой, что грозило затоплением части книгохранилища. Только благодаря смелости сотрудников опасность была ликвидирована.

Начальник библиотеки офицер Н. Коренной, сотрудники С. Писаренко, А. Троицкая, Н. Ильинская, И. Сумская и другие с риском для жизни спасали книги от огня, замуровывали в подвалах, а наиболее ценные издания готовили к эвакуации. В один из ящиков они вложили записку: «Когда-нибудь, когда на земле снова будет мир и эти книги попадут в другие руки, сохраните их, нам был дорог каждый том...»

Два боевых корабля вывозили уникальные издания из осажденного города. Один из них не дошел до места назначения...

Многие книги Морской библиотеки погибли с честью, как воины: при артиллерийских обстрелах, в огне пожаров или вместе с потопленными кораблями встали «на вечный якорь» в черноморских глубинах.

Морская библиотека одной из последних покинула Севастополь. Ее здание было разрушено врагом и сожжено.

В эвакуации Морская библиотека продолжала обслуживать флот. Находясь в Новороссийске, Батуми, Ленкорани, Потти, Туапсе, библиотека временно, по-походному развешивала свою работу, обслуживая воинские подразделения книгами, рекомендательными списками литературы, указателями и т. д.

Вот запись из «Тетради учета работы Морской библиотеки с октября 1942 года», сделанная в Потти:

«1. Подобрана выставка книг для агитаторов на тему

„Современный период войны и задачи усиления агитационно-массовой работы“.

2. Написаны и изданы типографским способом аннотированные рекомендательные списки в помощь агитаторам по темам: „В. И. Ленин о дисциплине и стойкости“, „Выше знамя славных боевых традиций Черноморского флота“, „Борьба за Кавказ“...»

Приведем еще одну запись: «Прочитана лекция „Отечественная война в художественной литературе“. К ней приложен отзыв с линкора „Парижская коммуна“, перед экипажем которого выступил один из сотрудников Морской библиотеки: „Личный состав искренне благодарит Вас, товарищ Акименко, за прекрасно прочитанную лекцию... Вы воодушевили личный состав на еще большие героические подвиги в борьбе с немецкими оккупантами. Бойцы и командиры нашего корабля просят: почаще заходите к нам“».

Наконец, последняя запись: «Отобрано и упаковано 13 ящиков литературы для отправки в Севастополь... Ура! Здравствуй, родной Севастополь!»

Морская библиотека одной из первых среди городских учреждений возвратилась в столицу черноморских моряков. В родной город вернулись книги-бойцы, вызволенные из огня двух войн. Правда, удалось сохранить только тринадцать тысяч томов наиболее ценных изданий.

Постепенно стали возвращаться и многие «без вести пропавшие» книги. В черные дни оккупации библиотекарь Берта Эммануиловна Коган, потеряв буквально все — и кров, и семью,— пряталась вместе с ценными изданиями в одном из кладбищенских склепов. После освобождения города она возвратила библиотеке ее достояние.

Что касается книг, непосредственно побывавших в бою, то назовем прежде всего роман-эпопею С. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда». Эту опаленную войной книгу прислал офицер запаса П. Демидов из Симферополя, сообщивший, что читал ее в период наступательных боев за Севастополь, затем оставил на сохранение у своего товарища в Старом Крыму и вот теперь решил передать Морской библиотеке. Вместе с Демидовым и его боевыми друзьями книга прошла по многим фронтовым дорогам, о чем свидетельствуют оставленные на ней пометки: «Эту книгу с большим вниманием прочел. Начальник связи с.к. майор И. Карнаухов»; «Читал под Керчью в марте 1944 г. Командир взвода разведки лейтенант Алексеев из Москвы»; «Эту книгу прочитал сержант Василь К. Марков из Ростовской области. Севастополь будет наш! Смерть немецким оккупантам! 1944 г. Керчь»...

Таких надписей-свидетельств на книге много.

Удивительна судьба и романа А. Лавинцева «Под щитом Севастополя», изданного в 1904 г. в С.-Петербурге «по поводу пятидесятилетия Крымской кампании 1853—1856 гг.».

В 1942 г. наши войска вели ожесточенные бои за Севастополь. Фашистам удалось захватить Северную сторону. Здесь продолжал держаться лишь небольшой гарнизон Константиновского равелина. В короткие передышки между боями моряки читали книгу «Под щитом Севастополя», в которой рассказывалось об их предках, проливавших кровь на этой земле. Но дочитать книгу морякам так и не удалось. По приказу командования они оставили рavelин. Книгу, которая вместе с ними несла ратную вахту, решили спрятать под одной из каменных плит, дав друг другу клятву: «Вернемся в Севастополь—дочитаем!» После освобождения города моряки пришли на Константиновский рavelин, откопали дорожку для них книгу, заново переплели и хранили, как самую дорогую реликвию. Затем один из участников боев на рavelине— капитан II ранга С. Филиппов— передал этот роман в библиотеку, сделав надпись: «Прошу хранить».

Книга хранится, как хранится и боевой журнал одного из батальонов 13-й Интернациональной бригады имени Домбровского, сражавшейся в Испании в 1936—1938 гг., как хранятся и тоненькие брошюры о подвигах моряков-черноморцев, изданные в осажденном Севастополе и других портовых черноморских городах.

IV

Начало богатейшему книжному фонду библиотеки кладут первый русский военный устав, изданный Петром I в 1716 г., и первый в России петровский «Устав морской о всем, что касается к доброму управлению в бытность флота на море», включающий в себя собрание морских правил, уголовных законов и морских сигналов. Петровский морской устав вышел в свет в 1720 г. и более ста лет был законом жизни для нескольких поколений русских моряков.

Из литературы XVIII в. о Петре I имеются «Регламент благочестивейшего государя Петра Великого... о управлении Адмиралтейства и верфи и о должностях коллегии Адмиралтейской и прочих всех чинов при Адмиралтействе обретающихся» издания 1778 г., «Историческая записка о бывшей в Переславле Залесском флотилии Петра I», составленная учителем владимирской гимназии А. Розовым, исторический очерк о жизни сподвижника Петра видного государственного

деятеля России Лефорта, написанный сыном курского купца И. Голиковым в 1800 г.

Уникальны также «Воинский устав» Павла I о полевой и пехотной службе (1797), «Пехотный строевой устав» (1784) и другие.

Старейшими среди военных изданий являются «Записки Раймунда Монтекукули» (1760), «Книга о атаке и обороне крепостей» (1744) французского военного деятеля и экономиста, одного из лучших знатоков военно-инженерного искусства Вобана, принимавшего участие в осаде 53 вражеских крепостей.

Из произведений военной истории следует назвать сборник документов «В память Чесменской победы 24—25 июня 1770 года», одной из самых решительных, «какую только можно найти в морских летописях всех наций, древних и новейших»; многотомное издание «История войны 1799 года между Россией и Францией» Д. Милюгина (1837); четырехтомную «Военную историю походов россиян в XVIII столетии» Д. Бутурлина издания 1819—1823 гг., в которой дается обстоятельное описание походов Петра I; «Рассуждения о великих военных действиях» (1809) и «Краткое начертание военного искусства» (1840) французского писателя А. Жомини, который в 1813 г. перешел из наполеоновской армии на службу в Россию; «Повседневную запись замечательных событий в Русском флоте», составленную полковником А. Коротковым и охватывающую период с 1656 по 1893 г.

Сохранились и такие любопытные издания, как «Российский ратник...» Т. Малыгина, представляющий собой военную повесть о «государственных войнах, неприятельских нашествиях, уронах, бедствиях, победах и приобретениях от древности до наших времен по 1805 год»; «Военные действия российского флота против шведского в 1788, 89 и 90 годах, почерпнутые из дневниковых записок и донесений Главноначальствовавшего над оным адмирала Чичагова» (1826); «Морская идея в русской земле» Е. Квашнина-Сухарина; «Подвиги русских моряков» (1853) В. Шульца, в котором рассказывается о славных подвигах Казарского, Головинина, Сакена и других.

Значительный интерес представляет сочинение морского писателя А. Глотова «Изъяснение принадлежностей к вооружению корабля» (1816). До выхода в свет этого произведения на русском языке у нас были известны всего две военно-морские книги: перевод с французского «Морского искусства» Ромма и «Опыт морской практики» П. Гамалея. Книга А. Глотова посвящена «российским юным мореходцам» и предназначалась для учащихся Морского кадетского корпуса, воспитанни-

ком которого был и сам автор. В конце книги дан краткий морской словарь.

Значительно позже вышла «История корабля, изданная бывшим лейтенантом русского флота Н. Боголюбовым». В предисловии автор отмечает, что «в литературе нашей начали поговаривать о создании отечественного торгового флота, который избавил бы нас от „услужливых иностранцев“, но для этого необходимы люди, знающие судостроение». Чтобы привлечь внимание и интерес молодежи к флоту, и была написана книга — «нечто вроде морской энциклопедии».

Много книг посвящено выдающимся русским флотоводцам, морякам, путешественникам, первооткрывателям и исследователям новых земель. Сюда следует отнести одно из наиболее обстоятельных изданий прошлого века «Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова», составленное в 1856 г. бывшим редактором «Морского сборника» Р. Скаловским, а также книгу неизвестного автора о флотоводце Д. Синявине — «Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Синявина от 1805 до 1810 года» издания 1837 г.

Интересны посмертные записки адмирала Г. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России», изданные женой автора после его смерти в 1879 г. Заканчивая свой объемный труд, адмирал пишет, что деятельность морских офицеров транспорта «Байкал» во время амурской экспедиции была преисполнена «гражданской доблести, мужества и отваги...».

В сороковых годах XIX в. в Главном морском архиве была обнаружена рукопись М. В. Ломоносова по разработке Северного морского пути и снаряжению полярной экспедиции. В 1847 г. рукопись была издана, но осталась незамеченной и разошлась в незначительном количестве экземпляров. В Морской библиотеке имеется эта книга с приложением документов и писем автора.

Хранится в библиотеке комплект старейшего военноморского журнала «Морской сборник», начиная с первого номера, вышедшего в 1848 г. Периодический журнал «Морской сборник», основанный известным мореплавателем Ф. Литке, по словам А. Мальшикина, служил в шестидесятые годы «приютом оппозиционной мысли, рупором смелеющей общественности», являлся трибуной прогрессивных деятелей отечественного флота, выдающихся представителей общественной и научной мысли. На его страницах выступали со статьями и очерками И. Гончаров, Д. Григорович, В. Даль, Г. Данилев-

ский, А. Писемский, К. Станюкович, А. Островский и другие писатели.

Обширный отдел составляет литература о Крымской войне и обороне Севастополя 1854—1855 гг. Этой героической эпопее посвящены отдельные выпуски «Сборника известий, относящихся до настоящей войны», составленные Н. Путиловым в 1856 г.; «Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова, собранные и объясненные капитан-лейтенантом А. Жандром, бывшим его флаг-офицером» (1859); «Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера, состоящие из семи тетрадей»; «Описание обороны г. Севастополя, составленное под руководством генерал-адъютанта Э. Тотлебена» (1863), «Севастопольские письма» Н. Пирогова, в которых знаменитый хирург подробно освещает ход обороны; воспоминания Н. Милошевича «Из записок севастопольца», выпущенные к пятидесятилетию обороны, и М. Вроченского «Севастопольский разгром» (1893); несколько томов «Сборника рукописей» (1872), куда вошли письма, дневники, воспоминания, записки участников обороны.

Здесь же можно назвать «Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя», изданные комитетом по устройству Севастопольского музея в 1871 г.; «Записки Петра Кононовича Манькова», автор которых сорок пять лет прослужил в царской армии; книгу капитана II ранга Панферова «Защита Севастополя „с воды“ во время осады его союзными войсками в 1854—1855 гг.», снабженную схемами диспозиции судов русского флота на Севастопольском рейде в разное время осады города; «Описание участия 5-й пехотной дивизии в деле при р. Черной 4-го августа 1855 года» П. Кузьмина (1859).

Свыше двадцати редких книг посвящено выдающемуся флотоводцу П. С. Нахимову. Среди них — биографический очерк Асланбегова «Адмирал Павел Степанович Нахимов», изданный в 1897 г. по случаю открытия в столице черноморцев памятника герою Синопа и Севастополя; рассказ о Нахимове, написанный сыном защитника Севастополя Белавенцом специально для нижних чинов к 100-летию со дня рождения флотоводца, и другие.

Редкими являются три выпуска альбома, составленного участником обороны П. Рорбергом «Севастопольцы», в котором автор-составитель собрал 1332 портрета, снабдил их краткими биографическими данными, описанием совершенных подвигов. Кроме портретов героев обороны в альбом включены снимки севастопольских укреплений и оставшихся после боев

развалин. Первый выпуск альбома вышел в 1903 г., второй — в 1904 г., третий — в 1907 г.

К иллюстративным материалам следует отнести и «Севастопольский альбом» художника Н. Берга (1858) с 37 рисунками автора и редкое издание — «Русский художественный листок», выходящий с января 1851 до конца 1852 г. В одном из выпусков содержатся наброски и рисунки, выполненные его издателем академиком живописи В. Ф. Тиммом на месте сражений во время сева­стопольской страды 1854—1855 гг.

На полках библиотеки хранится комплект журнала «Русская старина» за 1888 г., в апрельском номере которого опубликованы воспоминания А. Вязмитинова о Севастополе в марте — августе 1855 г.

Произведения иностранных авторов, посвященные сева­стопольской обороне, представлены собранием писем французского генерала Эрбе «Французы и русские в Крыму», брошюрой о Крымской войне, приписываемой принцу Наполеону, книгой бывшего генерал-квартирмейстера Крымских войск Герсеванова «Несколько слов о действиях русских войск в Крыму в 1854—1855 г.» и др.

Среди библиографических редкостей особенно ценными являются легальные издания произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, иллюстрированная история Парижской коммуны, изданная в 1871 г., книга А. Марти с автографом, рассказывающая о восстании на Черноморском флоте.

Ленинский фонд библиотеки пополнился недавно драгоценным экземпляром первого издания книги В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». Этот труд, вышедший в 1899 г. под псевдонимом «Владимир Ильин», преподнесен библиотеке полковником запаса Ф. Гуркиным.

Многими редкостями представлена и художественная литература. Вот малоизвестный перевод «Одиссеи», который называется «Славного Гомера Одиссея. Героическое творение» (1788); один из немногих сохранившихся экземпляров первого издания «Слова о полку Игореве» (1800); пятый том журнала «Современник», посвященного А. С. Пушкину и «изданный в 1837 году по смерти его в пользу его семейства»; первое издание драмы «Борис Годунов», увидевшее свет в 1831 г.; книга стихов В. Жуковского и первое издание «Одиссеи» (1849) в его переводе; «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева, изданное в 1868 г., и собрание его сочинений, вышедшее пять лет спустя после смерти писателя.

С книгами-ветеранами соседствуют произведения тех, кто бывал и работал здесь, встречался с читателями, кто с любовью и уважением относился к прославленной библиотеке. Свои

книги преподнесли в дар с автографами С. Сергеев-Ценский, А. Твардовский, И. Эренбург, А. Корнейчук, М. Рыльский, Л. Соболев, К. Симонов, С. Щипачев, А. Степанов, М. Шагинян, А. Крон, В. Собко, А. Первенцев, Е. Поповкин, П. Вершигора, В. Панова, С. Смирнов, А. Жаров, И. Всевожский, Л. Кассиль, А. Софронов, Н. Флеров, В. Кучер, А. Зонин и др.

Писатель Ф. Гладков на романе «Цемент» оставил запись: «Старый певец подвигов первых строителей социализма и героев коммунистического труда книгу эту... считает за честь преподнести как скромный дар бесконечно дорогим морякам героического Черноморского флота. Душою всегда с вами».

На первом томе собрания своих сочинений К. Паустовский написал: «Севастопольской Морской библиотеке от автора, мечтавшего с раннего детства быть моряком-черноморцем».

«Морякам-черноморцам героического Севастополя с приветом, уважением и пожеланием успехов в боевой учебе» прислал свой роман «Золото» Борис Полевой.

На романе «Дни нашей жизни» рукою В. Кетлинской сделана надпись: «Морской библиотеке моего родного города Севастополя».

В 1944 г. на книге «Крымская война» академик Е. Тарле написал: «Приношу мою книгу о бывлых севастопольских героях — нынешним севастопольским героям».

Рукописный фонд, к сожалению, не сохранился. Сейчас в нем из «древностей» имеются собственноручная записка Петра I «О правилах ведения морского боя» и рукопись первого адмирала Петра — Н. Головина, преподнесенные видным общественным деятелем В. Каразиным в дар Черноморскому гидрографическому депо, которое впоследствии передало их Морской библиотеке.

V

Первое время после освобождения Севастополя от гитлеровских захватчиков Морская библиотека размещалась в подвальных этажах музея Черноморского флота. Вскоре библиотеке был выделен небольшой дом, в котором фактически и началось ее послевоенное возрождение, а четыре года спустя — предоставлено специально оборудованное здание.

В первые послевоенные годы книжный фонд насчитывал около 29 тысяч томов. К 1950 г. он вырос до 85 тысяч, а в семидесятом превысил четверть миллиона.

Главное внимание при комплектовании библиотеки обращалось на общественно-политическую, военную и военноморскую литературу. Было приобретено также много литерату-

ры по кибернетике, космонавтике, радиоэлектронике, судостроению, связи и другим техническим дисциплинам.

В пополнении книжных фондов принимали участие многие читатели и друзья библиотеки. Пенсионер из Саратова И. Седов прислал 100 общественно-политических книг и 150 по истории флота, Крыма и Севастополя. Бывший моряк-черноморец К. Баташев прислал из Москвы несколько своих книг и брошюр, представляющих большой интерес для флотского читателя. Командовавший в период гражданской войны Азовской военной флотилией С. Маркелов преподнес ставшую библиографической редкостью книгу «Пять лет Красного Флота», а старейший читатель библиотеки полковник в отставке А. Лазарев подарил папки с вырезками рецензий на произведения советских писателей о флоте и морях, собранные им почти за полвека.

Располагая большим количеством литературы по всем отраслям знаний, библиотека оказывает большую помощь матросам, старшинам, офицерам в решении задач, поставленных Коммунистической партией и Советским правительством перед Краснознаменным Черноморским флотом.

Выход из печати воспоминаний Л. И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение» и «Целина» вызвал новый подъем в работе библиотеки. Состоялись вечера встреч с писателями — участниками Великой Отечественной войны, а также конференции читателей.

По инициативе Морской библиотеки на флоте проводятся «Дни писателя», и тогда в гости к морякам приезжают литераторы Крыма и других мест.

Большую помощь флотскому читателю оказывает справочно-библиографический отдел, который в течение года выдает более шести тысяч справок самого различного характера. Сюда обращаются воинские части и военные училища, вузы и техникумы, научные учреждения и промышленные предприятия, писатели и педагоги, историки и журналисты, сотни граждан Севастополя и других городов.

Морскую библиотеку называют флагманом библиотечной работы на флоте. И это действительно так. Она является методическим центром, обобщающим и распространяющим передовой опыт лучших библиотек кораблей и частей, учебных заведений и учреждений, она обеспечивает их необходимыми методическими и библиографическими пособиями, проводит работу по повышению квалификации библиотечных кадров.

Своим успехом Севастопольская Морская библиотека обязана слаженной работе большого, хорошо знающего свое дело коллектива — ветеранов-наставников А. Воловик, Н. Фадеевой,

Н. Малининой, В. Пипенко, Е. Шварц и других, а также молодежи, которая перенимает опыт старших.

За пропаганду произведений классиков марксизма-ленинизма коллектив Севастопольской Морской библиотеки к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина был награжден дипломом победителя Всесоюзного общественного смотра.

Большим культурным событием на флоте было празднование 150-летия Морской библиотеки. За заслуги в развитии библиотечного дела Севастопольская Морская была награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета УССР.

Хороший подарок к юбилею преподнес талантливый флотский художник — майор авиации Г. Сажин. Он изготовил для нее «визитную карточку» — новый книжный знак. Основу прежнего знака составлял овал с надписью «Севастопольская офицерская библиотека». В центре на темном фоне был изображен адмиралтейский якорь. С внешней стороны по бокам овал венчался лавровыми и дубовыми листьями. И над всем этим — фрегат, гордо несущий паруса. Книжный знак напоминал о героической истории Черноморского флота, обозначал название библиотеки и ее принадлежность к флоту.

На новом экслибрисе изображена офицерская морская эмблема. В композицию включен фрагмент памятника затопленным кораблям, военно-морской флаг, силуэты старинного парусника и современного боевого надводного корабля.

* * *

В фондах Морской библиотеки хранятся два тома «Походных записок в войну 1853, 1854, 1855 и 1856 годов» пехотного офицера П. Алабина, изданные в Вятке. Говоря о последних днях первой героической обороны Севастополя, автор пишет: «Если можно с чем сравнить последний день Севастополя, так только с „Последним днем Помпеи“». Как похожи группы теснящихся к мосту на те, которые бегут из погибающего города. Но какая разница: там несли драгоценности, здесь — оружие; там — жемчуг, здесь — свинец; там — роскошных жен и детей, здесь — трупы товарищей, умирающих братьев; там в сердцах бегущих было отчаяние, здесь — надежда отомстить врагу пламенем за пламя, кровью за кровь».

К этому можно добавить: кроме оружия, свинца и трупов товарищей, как в первую оборону, так и во вторую — в годы Великой Отечественной войны, — здесь несли и книги...

В путеводителе, изданном в начале нынешнего века, Севастопольская Морская библиотека названа «Памятником уму человеческому». Эти слова справедливы и сейчас. Подобно тому, как нельзя представить себе Москву без Большого

театра, а Ленинград—без Эрмитажа, так же нельзя представить город-герой Севастополь и Краснознаменный Черноморский флот без Морской библиотеки, которая вот уже более полутора веков верно служит флоту.

Когда моряки и горожане проходят по проспекту Нахимова, неподалеку от знаменитой Графской пристани, они невольно замедляют шаг у белокаменного здания, читая слова, начертанные золотом на мемориальной доске:

«Севастопольская Морская библиотека основана 21 июня 1822 г. В создании Морской библиотеки принимали участие выдающиеся русские флотоводцы М. П. Лазарев, В. А. Корнилов, П. С. Нахимов».

Выражая флагману культуры на флоте свою благодарность, свое восхищение ее подвигом, сева­стопольцы и черноморцы желают библиотеке счастливого плаванья.

А. Коссов

МОЯ КНИЖНАЯ БЕТХОВЕНИАНА

Среди кировских библиофилов Анатолий Яковлевич Коссов один из самых авторитетных. В прошлом ему — сотруднику некоторых ленинградских издательств — приходилось часто встречаться с Э. Ф. Голлербахом, В. А. Рождественским, В. М. Саяновым, М. Ф. Чумандриным и другими выдающимися знатоками и ценителями книги. Теперь он большой эрудит в книговедении и библиографии.

Поселок Подосиновец — на реке Юг, притоке Северной Двины — родина А. Я. Коссова. Сюда он приехал с фронта, после окончания войны. И остался здесь. Был партийным работником, журналистом. И теперь, находясь на пенсии, он не теряет связи со своей районной газетой «Знамя». На протяжении ряда лет ведет в ней страницу «Клуб книголюбов», где печатаются статьи о библиофилах, отзывы и рецензии на книжные новинки. Немало интересных статей и заметок написано и самим Анатолием Яковлевичем.

Не очень большая, но хорошо подобранная домашняя библиотека А. Я. Коссова помогает ему успешно заниматься журналистикой и краеведением. Это — многие издания по искусству, книги с автографами художников, общественных и литературных деятелей, миниатюрные книги. Имеется много гравюр и около 10 тысяч репродукций с картин выдающихся мастеров. Такая «галерея» позволяет создавать разнообразные тематические выставки и хорошо дополняет беседы и лекции Коссова. Но главный раздел собрания — литература о Бетховене, в дискотеке более 140 его произведений. Конечно, поиски потребовали немало усилий и терпения. Книгу Э. Эррио «Жизнь Бетховена» пришлось разыскивать шесть лет. За брошюрой Г. Бернарди «Одоевский и Бетховен» Коссов обращался в магазины «Книга-почтой» пяти городов и в одном из них издание отыскали.

Сравнительно недавно А. Я. Коссов узнал, что в журнале «Памир» была опубликована одноактная трагедия известного поэта и переводчика А. С. Кочеткова (1900—1953) о Бетховене — «Аделаида Граббе». Прошло с 1961 года много лет и номер журнала не сохранился даже в обязательном экземпляре редакции. Но сотрудники ее ответили: «Эта публикация нам очень дорога и мы считаем своим долгом и честью пополнить ею Вашу бетховениану». Вскоре пришла бандероль: номер журнала отыскали в одной из личных библиотек.

Узнав из газет о главной теме собирательства А. Я. Коссова, уральский писатель и библиофил Ю. М. Курочкин прислал ему — совсем незнакомому книжнику — редкий экземпляр пьесы М. Жижмора «Бетховен» (Л., 1927). Такое не забывается.

Разумеется, далеко не всегда поиски бывают удачными. Анатолий Яковлевич, например, мечтает найти «Русскую книгу о Бетховене», труд П. Беккера «Бетховен» и многие другие издания и не теряет надежд на успех.

В Кировской областной библиотеке имени А. И. Герцена ведется картотека-персоналия местных деятелей. В разделе «Коссов А. Я.» учтено более двух десятков статей и заметок о его многосторонней культурной работе. Недавно Анатолий Яковлевич закончил библиографическое описание своего собрания. Это добрый пример для других активных книголюбов.

Новая публикация А. Я. Коссова наглядно иллюстрирует его умение сочетать навыки «следопыта» с методикой детального изучения собранных материалов. Нельзя забывать, что все это нелегко сделать в далеком северном поселке при отсутствии многих справочных пособий и специалистов-консультантов.

Евг. Петряев

* * *

Одним из самых любимых моих композиторов является Людвиг ван Бетховен. Именно поэтому в течение многих лет я неустанно собираю все, относящееся к жизни и деятельности этого композитора.

Бетховениана моя многопланова. В ней грамзаписи произведений композитора, множество иконографических материалов — редчайшие портреты, гравюры, экслибрисы с изображением Бетховена, марки, значки, медали.

Я убежден, что невозможно глубоко познать композитора (равно как и художника, и писателя) только по его произведениям. Процесс создания величайших творений человека неотделим от условий жизни, в которых он находился, от людей, среди которых он жил. Вот почему в моем собрании наряду с фонотекой большое место занимают книги о Бетховене, о его жизни и творчестве.

Здесь широко представлены музыковедческие материалы. В их числе прекрасно изданный двухтомник «Бетховен» (М., 1971—1972), в котором опубликованы работы виднейших советских музыковедов, книга А. Альшванга «Людвиг ван Бетховен», а также книги А. Холмовкиной, Н. Николаевой, посвященные композитору.

Анализу музыкального наследия великого композитора, вопросам исполнительства бетховенских произведений посвящена книга «Людвиг ван Бетховен» — сборник статей, выпущенный к 200-летию со дня рождения композитора.

Своеобразным «сводом» иконографических материалов о Бетховене можно считать альбом «Людвиг ван Бетховен» (составитель Т. Соколова, М., 1971). В нем более 400 фотографий — портреты композитора, его родных, друзей, фотоснимки зданий и исторических мест, связанных с жизнью и деятельностью композитора, а также репродукции нот, книг, концертных программ. В последнем разделе альбома — портреты выдающихся советских исполнителей бетховенских произведений А. Гольденвейзера, К. Игумнова, Г. Нейгауза, С. Рихтера, Д. Ойстраха, Л. Оборина, Э. Гилельса и др. Внешний вид альбома способен радовать каждого bibliофила. Мелованная бумага, четкая печать и отличное воспроизведение фотографий, прекрасный переплет — золотое тиснение на зеленом фоне, наконец, великолепные по подбору шрифтов фронтиспис, титульный лист, заставки и буквы выполнены замечательным мастером шрифта художником Е. Ганнушкиным — все это делает издание весьма примечательным. А тираж его всего 5 тыс. экз.

Немало в моем собрании книг биографического характера. Здесь прежде всего следует остановиться на книгах Ромена Роллана. Знаменитый французский писатель был выдающимся историком музыки, автором многих книг и статей по истории французской оперы. На протяжении нескольких лет Роллан

читал лекции по истории музыки в Сорбонне и в Школе высших социальных наук. Его книги «Жизнь Бетховена», «Гете и Бетховен», «Бетховен. Великие творческие эпохи» выходят за рамки биографического жанра. В них — обстоятельное исследование творчества великого композитора, удивительные по глубине суждения писателя о жизни «короля музыки», как в свое время называли Бетховена.

Из этих книг мне особенно дорога «Жизнь Бетховена». Во Франции она вышла в свет в 1903 г. и с тех пор множество раз переиздавалась, была переведена на многие языки. Я много лет разыскивал эту книгу — и мои поиски завершились успехом. Я часто перечитываю этот небольшой, изящно изданный томик. В нем восторженное отношение Роллана к Бетховену, глубокие раздумья его о тяжелой, трагической судьбе композитора, удивительно точные характеристики его произведений. И, конечно, книга дает возможность еще лучше понять Бетховена, этого Прометея-победителя, как назвал его в своем предисловии Ромен Роллан.

В 1928 г. вышла в свет книга Эдуардо Эррио «Жизнь Бетховена». Выдающийся государственный деятель, премьер-министр Франции, член Французской Академии на протяжении всей своей жизни проявлял огромный интерес к творчеству Бетховена. Во Франции его книга выходила более ста раз. В нашей стране она издавалась четыре раза.

Книга А. Згоржа «Один против судьбы. Повесть о жизни Людвига ван Бетховена» (перевод с чешского Н. Дроздовой) — художественная биография композитора. Примечательная особенность этого издания — отлично выполненные гравюры художника Л. Дурасова.

К биографическим изданиям относится и книга В. Кремнева «Бетховен» (серия «Жизнь замечательных людей». М., 1961). В этом обстоятельном жизнеописании содержатся весьма существенные детали быта и жизни Бетховена, которых нет в других изданиях подобного рода.

Яркую и впечатляющую картинку того, как жил и творил великий композитор, дают «Письма Бетховена». Эти два тома, выпшедшие в издательстве «Музыка» в 1970 и 1977 гг. тиражом в 7 тыс. экз., в настоящее время представляют библиографическую редкость. Личные письма Бетховена, записки, деловые послания отражают его взаимоотношения с друзьями, издателями, меценатами, раскрывают натуру Бетховена, его мужество перед лицом надвигающейся трагедии — полной глухоты...

Нельзя не отметить огромную работу доктора искусствоведения Н. Л. Фишмана при подготовке этого двухтомника к печати. Его вступительная статья, комментарии, справки, пояснения к каждому письму делают это издание особенно ценным.

Есть в моей бетховениане и подлинные раритеты. Это, например, великолепно изданный том проф. Л. А. Саккетти «История музыки всех времен и народов» вып. 1. Девятнадцатый век». Гл. 1 Бетховен. Книга вышла в издательстве «Шиповник» в 1913 г. Обложка и титульный лист работы художника В. Нарбута, отличный шрифт, редчайшие иллюстрации — портреты и скульптурные изображения композитора, и, наконец, факсимильное воспроизведение письма Бетховена к Беттине Брентано.

Интересен «Бетховенский бюллетень» № 1, выпшедший в 1927 г. тиражом всего в 3 тыс. экз. Это издание было осуществлено Бетховенским Комитетом при Наркомпросе РСФСР по инициативе А. В. Луначарского в связи со столетием со дня смерти Бетховена. В бюллетене статьи и заметки П. Новицкого, Е. Браудо и других, а также Обращение Бетховенского Комитета «Ко всем работникам музыкальной культуры в СССР» в связи с проведением в нашей стране мероприятий, посвященных памяти Бетховена.

Имеются у меня и более редкие издания. Назову хотя бы пьесу Рене Фошуа «Бетховен». Издана она Русским театральным обществом в 1910 г. Автор ее — известный французский драматург, либреттист, поэт. Премьера пьесы «Бетховен» состоялась 9 марта 1909 г. в парижском театре «Одеон».

К числу интересных изданий следует отнести и небольшую брошюру, полученную мною из ГДР. Называется она «Чествование памяти Бетховена в Германской Демократической Республике в 1970 году». В ней (отпечатана она на русском языке) содержится «Торжественная речь председателя Совета Министров Вилли Штофа на торжественном акте чествования памяти Бетховена в Германской Демократической Республике 16 декабря 1970 года» и Заявление Центрального Комитета Социалистической единой партии Германии, Государственного Совета, Совета Министров, Национального Совета Национального фронта по случаю 200-летия со дня рождения Людвиг ван Бетховена.

В этих документах подчеркнуто мировое значение Бетховена, отмечена высокая оценка его произведений, сделанная В. И. Лениным, и огромная популярность музыки Бетховена в нашей стране.

Нельзя не сказать и еще об одном экспонате. Это — конволют, в котором свыше ста газетных и журнальных статей о Бетховене.

Все эти материалы представляют собой богатый источник сведений о жизни и творчестве композитора.

Предмет гордости моего собрания — книги о Бетховене с дарственными надписями: С. Дрейден «Ленин слушает Бетховена», М. Шагинян «Бетховенский фестиваль в ФРГ», С. Могилевская «Виолончель Санта Тереза» (с чудесной миниатюрой «Бетховен моего детства»), О. Черный «Бетховен», А. Лесс «Вторая стихия» (в которой с документальной точностью рассказывается о том памятном вечере, когда В. И. Ленин, находясь в гостях у А. М. Горького, слушал «Аппассионату» Бетховена в исполнении И. Добровейна) и другие издания.

Весьма существенным разделом собрания являются книги о жанровых особенностях бетховенских произведений. В числе их: Ю. Кремлев «Фортепианные сонаты Бетховена», В. Берков «Симфонии Бетховена», Р. Роллан «Последние квартеты Бетховена», Л. Миронов «Трио Бетховена для фортепиано, скрипки и виолончели» и другие.

Здесь рассказано лишь о главнейших, наиболее ценных изданиях. Книг, содержащихся в моей бетховениане, разумеется, значительно больше.

*Подосиновец,
Кировская область*

Владимир Лазарев

ДРЕВНЯЯ РУКОПИСЬ—НОВАЯ КНИГА

Рукопись из мглы извлечена.
Как звезда из тьмы времен явилась.
Найдена, открыта, как страна,
Предка вязь потомком прочтена—
Новое с былым объединилось.

Неизвестный странник и мудрец
Отковал когда-то златопесни—
Древности сияющий венец—
Лжи ни капли в нем, ни капли лести.

Вот уже при помощи свинца,
Литер четких, марких и суровых,
В свет выходит слово мудреца,
В мире тиражируется слово.

...На дворе весна или зима,
Я вдыхаю свежие страницы,—
Средоточье света и ума
Заставляет сердце чаще биться.

Поиски

и находки

А. Матковская

ТРУДЫ И ДНИ А. И. ЯЦИМИРСКОГО
(По архивным разысканиям)

Когда в 1908 г. в Софии узнали о работе русского филолога Яцимирского над историей новейшей болгарской литературы, один из болгарских корреспондентов писал ему: «Вы слишком популярны в Болгарии...»¹ И это не было преувеличением, настолько высок был международный авторитет ученого, удостоенного Ломоносовской премии за докторскую диссертацию о Григории Цамблаке. Всего Яцимирским написано свыше тысячи научных работ. Талантливый исследователь и педагог, он подвергался преследованиям реакционных кругов царской России. В 1908 г. министр «народного затемнения» Л. Кассо настоял на увольнении из Петербургского университета политически неблагонадежного приват-доцента за его лекции, которые, по мнению власти предрержащих, могли «заразить» студентов социалистическими идеями².

Многообразная общественная деятельность ученого, его частная жизнь и окружение, огромная переписка с русскими и иностранными писателями, деятелями культуры до сих пор почти не изучены. К сожалению, имя Яцимирского обойдено молчанием в «Краткой литературной энциклопедии» и в «Исторической энциклопедии». В солидном же «Путеводителе» по ЦГАЛИ, вышедшем в 1963 г., неверно указан год рождения Александра Ивановича. Только в указателе Б. Л. Канделя, Л. М. Федюшиной, М. А. Бениной «Русская художественная литература и литературоведение»³, изданном в 1976 г. изда-

¹ Цитируется по ст. В. В. Витт «О связях А. И. Яцимирского с культурными деятелями славянских стран (по архивным материалам).—В сб.: Из истории связей славянских литератур. М., 1959, с. 154.

² ЦГАЛИ, ф. 1277, оп. 1, ед. хр. 97, л. 30.

³ Кандель Б. Л., Федюшина Л. М., Бенина М. А. Русская художественная литература и литературоведение. Указатель справочно-библиографических пособий с конца XVIII века по 1974 г.—М., 1976, с. 428; см. также библиографический словарь «Славяноведение в дореволюционной России.—М., 1979, с. 387—388.

тельством «Книга», ему отведено место в персоналии литературоведов и правильно даны годы жизни: 1873—1925.

Как свидетельствует хранящееся в Центральном Государственном Архиве г. Москвы личное дело студента А. Яцимирского, он родился 30 августа 1873 г. в семье народного учителя Ивана Григорьевича Яцимирского в деревне Байрамча Аккерманского уезда в Бессарабии⁴. Окончив кишиневскую гимназию, он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где слушал курсы знаменитых филологов А. И. Соболевского, Ф. Е. Корша, Ф. Фортунатова. В университете начинающий филолог с головой ушел в науку. Уже в первых докладах и сообщениях Александра Яцимирского проявился его незаурядный талант исследователя и широта интересов. Профессиональное знание историко-этнографического материала дает себя знать в печатном дебюте 19-летнего автора—статьях «Древности по берегам Днестра», опубликованных в 1892—1893 гг. в «Бессарабском Вестнике».

В студенческие годы им был завершён первый двухтомный труд—описание старославянских и древнерусских рукописей из коллекции П. И. Шукина. Тогда же он напечатал более 30 своих статей и рецензий в солидных научных изданиях: «Известиях отделения русского языка и словесности Академии наук», «Ученых записках Московского университета по историко-филологическому факультету», «Древностях славянской комиссии Московского археологического общества», «Этнографическом обозрении» и в «Русском архиве».

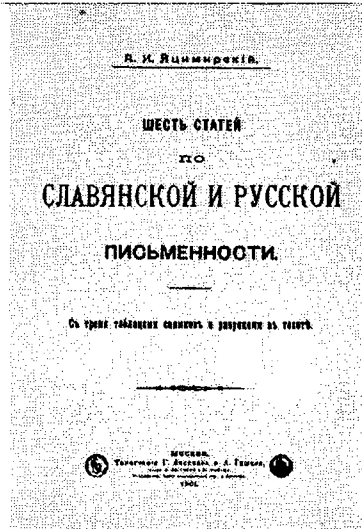
Молодым ученым было собрано немало древних рукописей. Одно омрачало: драгоценные памятники древней письменности хранились в ветхом деревянном домике на окраине Москвы, где жил собиратель и исследователь. В начале XX в. все собранное им, а также его дедом и отцом он подарил библиотеке Академии наук. В дар были рукописи XIII—XIX вв. на русском, молдавском и других языках, а также редкие книги. 1 ноября 1903 г. академик А. А. Шахматов ознакомил с даром Яцимирского общее собрание Академии наук.

1899 год. С отличием окончен Московский университет. Российская Академия наук направила его, молодого сотрудника, в Румынию, Болгарию, Сербию и другие балканские страны для изучения и собирания, где это окажется возможным, славянских рукописей и грамот. Он уже вел обширную переписку с филологами и деятелями культуры ряда славян-

⁴ См.: Дело студента А. Яцимирского. ЦГА г. Москвы, ф. 418, оп. 307, ед. хр. 972, л. 42—43.

А. И. Яцимирский в юности

Титульный лист
сборника статей А. И. Яцимирского

ских стран. Она хранится ныне в архивах Москвы, Ленинграда и Киева и в основном еще не изучена. Многие найденные им за рубежом славянские тексты он опубликовал в том же году с подробным научным комментарием в 24 томе «Ученых записок» историко-филологического факультета Московского университета, восполнив ряд пробелов в исследовании славянских рукописей Молдавии.

В этом же году у него возник замысел магистерской диссертации о Григории Цамблаке, одном из зачинателей молдавского летописания в конце XIV — первой половине XV в. Нам удалось найти несколько писем буковинского историка Е. И. Калужняцкого, который подсказал 26-летнему русскому ученому идею монографии о Цамблаке. Он писал Яцимирскому: «Было, правда, время, что я думал собрать и издать все сочинения Гр. Цамблака... но я отступил от этого намерения. Тем более рад был бы теперь, если бы, положим, Вы захотели быть преемником моей мысли»⁵. Яцимирский принял предло-

⁵ ЦГАЛИ, ф. 584, оп. 1, ед. хр. 100.

жение буковинского ученого, который стал его постоянным консультантом и снабжал многими ценными историческими материалами о Цамблаке. Представленная к защите монография Яцимирского была по достоинству оценена ученым советом Казанского университета. Соискатель был удостоен ученой степени не магистра, а доктора славянской филологии. Изданная в 1904 г. отдельной книгой диссертация стала важной вехой в изучении истории молдавской культуры.

В 1903 г. начался петербургский период жизни и деятельности ученого. Здесь в первые годы он преподавал русский язык в одной из гимназий, затем в реальном училище. Одновременно углубленно занимался проблемами славянского и романского языкознания и литературоведения. На большом фольклорном и рукописном материале XVI—XVII вв. в докладе, прочитанном 5 ноября 1903 г. на лингвистической секции при Академии наук, он убедительно показал богатство славянских элементов в румынском языке⁶. Яцимирский-студент написал большую работу о бессарабских гайдуках, а Яцимирский-ученый познакомил русского читателя с лучшими молдавскими сказками. Многие из них он записал сам в глухих селах Молдавии. Его «Сказочные сокровища забытого уголка» издал И. Д. Сытин, рисунки и фотографии к ним принадлежали переводчику.

Осенью 1906 г. студентам-филологам Петербургского университета он начал читать курс румынского языка в сравнении с романскими и славянскими языками. Аудитория была необычной. Среди студентов, не пропускавших ни одной лекции, сидели маститые ученые, в том числе академик Ф. Е. Корш, с большим интересом слушавший своего бывшего студента. Тогда же по поручению Академии наук Яцимирский издал работы слависта молдаванина П. Сырку. Он не только подготовил рукописи к печати и снабдил их предисловиями, но и, развивая идеи своего предшественника, дописал неоконченные труды ученого. Об этом свидетельствует письмо Александра Ивановича вдове Сырку Агнии Ивановне⁷.

Увольнение Яцимирского в 1908 г. из Петербургского университета не могло оторвать его от науки, которую он «любил больше самой жизни»⁸. Преследования не сломили и гражданский дух гонимого ученого. Вышедшая в том же году

⁶ Протоколы заседаний лингвистической секции. Архив АН СССР. Ленинград, ф. IV, оп. 24, ед. хр. 5, л. 67—69.

⁷ Архив АН СССР. Ленинград, ф. 134, оп. 1, ед. хр. 476, л. 169.

⁸ Архив АН СССР. Ленинград, ф. 35, оп. 1, № 1638. Письмо А. И. Яцимирского В. И. Ламанскому.

двухтомная «Новейшая польская литература от восстания 1863 года до наших дней» свидетельствовала о мужестве и демократизме идеалов ученого, не побоявшегося в годы реакции написать фундаментальную историю литературы угнетенного народа, историю, проникнутую верой в лучшее будущее Польши. В следующем году реакционная пресса обрушилась на его юбилейную статью о поэте Алексее Кольцове. Нашлись верноподданные родители, которые спешили письменно потребовать от дирекции училища изъять сие учебное заведение от «этого опасного элемента»⁹. «Директор реального училища,— с горечью писал педагог, о котором в министерстве велась секретная переписка,— перевел меня в младшие классы... считая „опасным“ для старших»¹⁰.

Годом раньше непокорный учитель публикует во втором томе знаменитого Полного собрания сочинений А. С. Пушкина под редакцией С. А. Венгерова обстоятельную статью «Пушкин в Бессарабии». А в 1910 г. в Казани выходит написанная Яцимирским биография выдающегося деятеля XVII в. Николая Милеску Спафария в книге последнего «Описание первой части вселенной, именуемой Азией...» Цензура, грубо вмешиваясь в научную работу Яцимирского, конфисковала выписанный им из Львова экземпляр «Истории украинской литературы» Ивана Франко. Тем не менее русский филолог написал и напечатал в журнале «Вестник знания» эссе о великом украинском писателе-демократе, ученом и общественном деятеле «Иван Франко—певец труда и борьбы».

Авторитет его не нуждался в официальных должностях и рос среди славистов и романистов России и Европы¹¹. Но жить было трудно. В одном из писем Т. Д. Флоринскому Александр Иванович с горечью писал: «Я устал от этой борьбы в течение 15 лет, устал каждое утро думать о заработке...»¹²

В 1910—1913 гг. Яцимирский на скудные личные средства, отказывая себе во многом, ездил в балканские страны для работы в библиотеках и архивах. Местные академии встречали русского исследователя торжественными заседаниями, в газетах появлялись статьи о его научной деятельности и фотографии отлученного властями от кафедральной трибуны ученого.

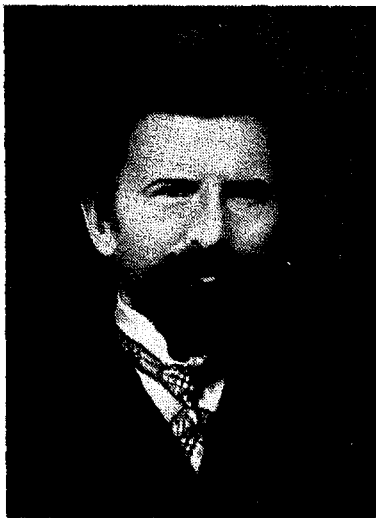
⁹ ЦГАЛИ, ф. 584, оп. 1, ед. хр. 279.

¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 1277, оп. 1, ед. хр. 97, л. 39 об.

¹¹ См. письма А. А. Шахматова, Г. Самуряну, В. А. Келгуяла, С. Драгомира к А. И. Яцимирскому, хранящиеся в ЦГАЛИ.

¹² Отдел рукописей Гос. публичной библиотеки АН УССР, фонд III, № 21689.

Лишь в августе 1913 г. Яцимирский наконец проходит по конкурсу и становится профессором кафедры славянской филологии Варшавского университета. Два года он напряженно работает в Варшаве, уделяя равное внимание истории Польши и современной польской литературе и критике, углубленно изучает историю южных славян и издает свой курс лекций по ней. В Москве был издан прочитанный Яцимирским курс лекций по новой сербской литературе. В 1915 г. университет эвакуируют из Варшавы в Москву, а затем в Ростов. Там он увлекся древней культурой края и его историей, страстно пропагандировал идею создания Археологического института, основанного в 1918 г. С октября 1920 г. Яцимирский

А. И. Яцимирский на склоне лет

стал его ректором¹³. Здесь проявились его незаурядные организаторские способности. Он создал богатую библиотеку института, собрал редчайшие книги по специальности.

В 1918—1920 гг. он прочел студентам-археологам специальные курсы, лекции о происхождении письменности, об античной этнографии и археологии Донского края. Под его руководством проводились археологические раскопки в городище Кизитирине, где были найдены предметы быта греческой культуры. В 1920 г. он преподавал на рабфаке при Ростовском университете, возглавлял общество истории и древностей в Ростове-на-Дону. А на историко-филологическом факультете Ростовского университета он вел большую разнообразную педагогическую деятельность.

Несмотря на бумажный голод, в 1921 г. в Петрограде вышли две солидные книги ученого. Почти тысячу страниц составило подготовленное им описание русских и южнославянских рукописей, обнаруженных в библиотеках Берлина и Дрездена, Лейпцига и Мюнхена, Праги и Люблина. Около

¹³ ГАРО, фонд 49, оп. 1, дело 21, л. 42.

трехсот страниц в его библиографическом обзоре апокрифов. В 1922 г. в Ростове было создано Общество археологии и истории искусств, и здесь за два месяца Александр Иванович выступил с шестью докладами. Он умел покорять аудиторию не только эрудицией и новизной материала, но и яркой формой изложения, страстностью и убежденностью.

1925 год ученый встретил полный творческих планов. Был задуман большой труд о русском народном эпосе, подготовлены тезисы о происхождении русских былин¹⁴. 12 февраля на 52 году жизни его не стало.

До сих пор нет полной библиографии его трудов. Многие из его наследия разбросано по разным архивам. Труды и дни профессора Яцимирского еще ждут исследователей, а его многогранный талант филолога и историка — объективной и всесторонней оценки.

¹⁴ Яцимирский А. И. Тезисы о былинах.— Известия Северо-Кавказского Гос. университета. Ростов-на-Дону, 1930, т. 1 (XIX), с. 209.

Н. Михайлова

КНИГИ В ЖИЗНИ В. Л. ПУШКИНА И ЕГО ПЕРВОИЗДАНИЯ

Василий Львович Пушкин, дядя великого поэта, стихотворец, староста «Арзамаса», приятель почти всех известных литераторов первой трети XIX в., театрал, был и страстным собирателем книг.

Интерес к книгам, любовь к поэзии возникли у В. Л. Пушкина в ранней юности. Скрываясь в тишине от шумного светского света, он, по его признанию, «учился и читал, и сердцем наслаждался»¹. Человек блестяще образованный, знаток литературы, владевший несколькими языками, Василий Львович полагал:

Талант нам Феб дает, а вкус дает ученье.

Что просвещает ум? питает душу? — Чтение (70).

Неизвестно, когда В. Л. Пушкин начал собирать книги — вероятно, еще до путешествия в 1803 г. в Германию, Францию и Англию, когда он приобрел прекрасные издания на английском, французском, латинском языках. Они составили ценнейшую библиотеку. В шутовском стихотворении «Путешествие NN в Париж и Лондон» И. И. Дмитриев, создавая забавный образ своего приятеля, посмеиваясь над его добродушием, наивностью и щегольством, не забыл и о его страсти к книгам:

Какой прекрасный выбор книг!
Считайте — я скажу вам в миг:
Бюффон, Руссо, Мабли, Корнилий,
Гомер, Плутарх, Тацит, Виргилый,
Весь Шакеспир, весь Поп и Гюм;
Журналы Адиссона, Стиля...
И все Дидота, Баскервиля!
Европы целой собрал ум!²

¹ Пушкин В. Л. Сочинения. — Спб., 1893, с. 97. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте.

² Путешествие NN в Париж и Лондон. Соч. И. И. Дмитриева. Приложение в кн.: Пушкин В. Л. Опасный сосед. — М., 1918, с. 38. Любопытно, что

Многие книги, приобретенные В. Л. Пушкиным во время заграничного путешествия, принадлежали Королевской и другим известным библиотекам Франции. Д. П. Бутурлин, владелец богатейшей библиотеки, завидовал этому ценному и редкому книжному собранию. Василий Львович гордился своими книгами и тяжело переживал их потерю: библиотека его сгорела в московском пожаре 1812 г. «Новая моя карета, дрожки, мебели и драгоценная моя библиотека—все сгорело»³,—сетовал он в письме к П. А. Вяземскому, написанном в декабре 1812 г. из Нижнего Новгорода.

После утраты своей ценнейшей библиотеки В. Л. Пушкин продолжал собирать книги. Письма его к П. А. Вяземскому в Варшаву наполнены просьбами прислать книги, справиться о них у варшавских книгопродавцев, выписать их из Парижа. Это—исторические сочинения, беллетристика, произведения политического характера (по-видимому, именно в этих направлениях формировалась его новая библиотека). Получая книги, Василий Львович радовался им от всей души. «На этих днях я имел удовольствие получить письмо твое из Варшавы и басни Баазара,—писал он П. А. Вяземскому 27 марта 1818 г.—Ты знаешь мою привычку; я с радости несколько раз поцеловал письмо и книгу» (ЦГАЛИ, л. 27).

В. Л. Пушкин был внимательным читателем книг своей библиотеки. Иные из них, например, «Историю государства Российского», он перечитывал по нескольку раз. Неоднократно перечитывал он и сочинения своего гениального племянника, литературной славой которого всегда гордился. В послании «К А. С. Пушкину» дядя писал:

Руслан, Кавказский Пленник твой,
Фонтан, Цыганы и Евгений
Прекрасных полны вдохновений!
Они всегда передо мной,
И не для критики пустой
Я их твержу, для наслаждения (113).

Как истинный библиофил, В. Л. Пушкин дорожил книгой. Вот как, например, писал он П. А. Вяземскому о взятой на себя комиссии разыскать ему книгу стихотворений В. Гюго:

стихотворение И. И. Дмитриева, изданное отдельной книжечкой в 50 экземплярах для друзей в 1808 г., которой А. С. Пушкин гордился как библиографической редкостью, было украшено виньеткой: знаменитый трагик Тальма, стоя, декламирует с книгой в руке; перед ним на кресле сидит его восторженный слушатель В. Л. Пушкин.

³ ЦГАЛИ, ф. № 195, оп. 1, ед. хр. 2611, л. 14. В дальнейшем ссылки на материалы ЦГАЛИ в тексте.

«Твой Victor Hugo не отыскивается. Декамп говорит, что ему сам Victor Hugo подарил свои стихотворения, Баратынский уверяет, что он у тебя их не брал, что их у него нет. Я нахожу, что ты слишком тароват на книги, даешь их читать кому ни попало, и они пропадают. Я спрошу Полевого, не он ли взял твоего Victor Hugo. Если я его отыщу, непременно отдам Демиду и тебе доставлю» (ЦГАЛИ, л. 167). Спустя некоторое время Василий Львович сокрушался о пропаже этой книги:

«Твой Victor Hugo пропал без вести, и нигде я его отыскать не могу» (ЦГАЛИ, л. 169 об.). Сам он не давал книги «кому ни попало», напоминал об их своевременном возвращении. «Исполняю вашу просьбу и посылаю вам том сочинений Дюсиза, в котором находится „Отелло“, но это не перевод, а подражание Шекспиру,— писал Василий Львович М. П. Погодину.— Сделайте одолжение, возвратите мне мою книгу поскорее. Я вам признаюсь чистосердечно, что мне приятно услужить вам, но я не всем книги мои поверяю; они составляют единственное мое удовольствие» (151).

А. А. Кононов, познакомившийся с В. Л. Пушкиным за год до его смерти, вспоминал:

«У него была огромная библиотека, но худо размещенная по тесноте дома; книги на полках шкапов стояли в три ряда, так что с большим трудом можно было отыскать чего желаешь»⁴.

Вся жизнь В. Л. Пушкина была связана с книгой, и этой любви он остался верен до последней минуты. «Как скучны статьи Катенина»,— сказал он перед смертью. По свидетельству современников, А. С. Пушкин, услышав это, обратился к присутствующим: «Господа, выдемите; пусть это будут последние его слова»⁵. Описывая же смерть дяди в письме к П. А. Плетневу, он заметил: «Вот что значит умереть честным воином, на щите, *le cri de guerre à la bouche!*»⁶ (с боевым кликом на устах). «Историческое предсмертное слово» Василия Львовича произвело сильное впечатление на П. А. Вяземского. «Это исповедь и лебединая песня литератора старых времен, т. е. литератора присяжного, литератора прежде всего и выше всего»⁷,— писал он в «Старой записной книжке». Показательна в этом отношении и одна из легенд о смерти В. Л. Пушкина,

⁴ Из записок А. А. Кононова.— Библиографические записки, 1859, т. II, № 10, стб. 307.

⁵ Русский архив, 1870, № 6, стб. 1369.

⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 17-ти т. Л., 1941, т. 14, с. 112. В дальнейшем ссылки в тексте.

⁷ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Спб., 1883, т. 8, с. 261.

рассказанная П. В. Анненковым: будто бы смертельно больной поэт с трудом добрался с постели до одного из книжных шкафов, достал песни любимого поэта Беранже, перебрался на диван залы и здесь, с любимой книгою в руках, умер⁸.

Прошедшее через всю жизнь страстное увлечение книгами нашло отражение в творчестве В. Л. Пушкина. Они были у него под рукой и тогда, когда он занимался переводами, и тогда, когда он работал над своими произведениями.

Переводческая деятельность В. Л. Пушкина весьма разнообразна. Он переводил на русский язык многих французских авторов и, прежде всего, своих любимых поэтов Беранже и Лафонтена: песни Беранже пленяли его своей игривой легкостью; басни Лафонтена привлекали изящными аллегориями и непринужденностью повествования, к тому же сам он увлекался именно этим поэтическим жанром. Переводы с английского представлены отрывком из поэмы Томсона «Времена года» — этот труд переводчик счел нужным преподнести во время своего пребывания в Англии дипломату С. Р. Воронцову. Известно также, что Василий Львович, заинтересовавшийся поэзией Байрона, переводил и его произведения. Знание латыни позволяло ему переводить древних авторов — Горация, Катулла, Тибулла. Интересно, что В. Л. Пушкин переводил не только на русский, но и с русского языка. Благодаря ему во Франции уже в начале XIX в. читатели познакомились с русскими народными песнями. Он стал и одним из первых популяризаторов творчества А. С. Пушкина за рубежом, переведя на французский язык «Черную шаль».

Для того, чтобы украсить свои стихотворения эпиграфами, поэт брал с книжных полок сочинения Цицерона, Данте, Монтеня. Многие из поэтических опытов В. Л. Пушкина носят подзаголовок «подражание», и в их образах, стилевых приемах, манере изложения сказываются часы, проведенные за чтением Парни, Сен-Ламбера, Марота, Маруллия. Дружеские послания Василия Львовича к И. И. Дмитриеву, П. А. Вяземскому, В. А. Жуковскому свидетельствуют о хорошем знании произведений этих авторов, которые также не раз им перечитывались. Таким образом, в творчестве В. Л. Пушкина многопланово преломлялась его широкая осведомленность в русских и иностранных изданиях, в книжных раритетах европейских стран. Что же касается его собственных первоизданий, то судьба их была необычной и интересной. Она во многом не зависела от автора, была причудливой, иногда забавной, а порой и драматичной.

⁸ См.: Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. — Спб., 1874, с. 18.

Первое стихотворение В. Л. Пушкина «К камину» было опубликовано в «С.-Петербургском Меркурии» в 1793 г. без имени автора и имело большой успех. Затем Василий Львович, поэт круга И. И. Дмитриева и Н. М. Карамзина, печатал свои произведения в «Приятном и полезном препровождении времени», «Аонидах», «Вестнике Европы», «Цветнике» и других периодических изданиях. Отдельными книжечками вышли «Два послания», обращенные к В. А. Жуковскому и Д. В. Дашкову с язвительным «Предупреждением», которое было направлено против А. С. Шишкова (Спб., 1811); посвященная московским увеселениям прозаическая брошюра «О каруселях» (М., 1811); написанный по поводу победы русского оружия над Наполеоном «Хор на случай торжества в Благородном собрании» (М., 1815). Публикация же первого собрания стихотворений была задумана В. Л. Пушкиным в 1812 г., когда он вместе со многими другими литераторами жил в Нижнем Новгороде. Однако вышло оно только в 1822 г. в Петербурге. Москвич Василий Львович печатал это издание заочно, с помощью своих друзей П. А. Плетнева, П. А. Вяземского, Н. М. Карамзина, А. И. Тургенева. Все они были рады помочь доброму приятелю. При печатании не обошлось без затруднений: не хватало денег, пропустить некоторые стихотворения не соглашался цензурный комитет. О всех перипетиях этого затянувшегося на много лет издания рассказывают письма В. Л. Пушкина и его друзей.

1 ноября 1818 г. В. Л. Пушкин писал П. А. Вяземскому:

«Нынешнею зимою я печатаю непременно мои стихотворения — все почти собрано и готово» (ЦГАЛИ, л. 61 об.).

Издание было поручено сначала А. И. Тургеневу. Но так как он не торопился начинать эту работу, П. А. Вяземский, сначала по просьбе Василия Львовича, а потом и по собственной инициативе стал настойчиво напоминать ему об этом, укорять его, жаловаться на него Карамзиным, предлагать организовать подписку по десяти рублей за билет. В письмах, которые следовали одно за другим (2, 18, 22 августа 1821 г.), П. А. Вяземский советовал, как ускорить дело, рассказывал о том, что удалось сделать ему самому. «Я приготовил короткое донесение публике о издании в свет Василия Львовича: пришло в четверг, — писал он А. И. Тургеневу. — А ты, между тем, приготовь все нужное и решишь, где печатать, почем отдавать экземпляр и прочее. Стыдно нам не вынести его на руках к бессмертию»⁹. В письме 25 августа 1821 г. недоволь-

⁹ Остафьевский архив князей Вяземских. — Спб., 1899, т. 2, с. 202. В дальнейшем ссылки на этот том Остафьевского архива в тексте с аббревиатурой ОА.

ный проволочками П. А. Вяземский даже высказал мысль поручить издание В. К. Кюхельбекеру, который находился в это время в тяжелом материальном положении, с тем, чтобы ему поступал определенный процент из выручки. Однако В. К. Кюхельбекер определился на службу к генералу А. П. Ермолову, и эта идея отпала. Тогда П. А. Вяземский снова стал писать А. И. Тургеневу, просил его не откладывать дела в долгий ящик, выражал недовольство его бездеятельностью. Даже Василий Львович осмелился напомнить о себе и своих стихотворениях. «Сделайте одолжение, уведомьте меня, что с ними делается?—спрашивал он „почтеннейшего Александра Ивановича“.—Начинается ли подписка, и скоро ли начнется тиснение? Я полагаю, что цензура их печатать дозволила, и прошу вас убедительно не оставить меня в таком случае» (ОА, 215).

Напоминания заставили А. И. Тургенева активнее приняться за дело. Он нашел издателя стихотворений— П. А. Плетнева. Но П. А. Вяземский не оставлял его своими письмами, по-прежнему бранил и требовал установить непосредственную связь с П. А. Плетневым. Раздраженный А. И. Тургенев, соглашаясь передать эту просьбу новому издателю, сердито заметил, что из-за всего этого ему, «право, некогда садить цветы в нашей литературе» (ОА, 222). П. А. Вяземский же был невозмутим и снова писал А. И. Тургеневу. Из Москвы в Петербург на почтовых ехали письма с вопросами о ходе издания, с призывами не оставлять его: «Похлопочите, добрые люди! Василий Львович все-таки наш: „На трубах наших повит и нашими мечами вскормлен“» (ОА, 232). Отправился в Петербург и портрет сочинителя, который должен был украсить книгу.

П. А. Плетнев с усердием взялся за дело. Ему удалось намного продвинуть его вперед, но тут вновь возникли денежные затруднения. В письме к П. А. Вяземскому от 6 января 1822 г. П. А. Плетнев с присущей ему добросовестностью и обстоятельностью давал отчет о ходе издания: «Издание очень скоро кончится, если только начнется. Я с своей стороны все сделал. Объявление напечатано (хотя и с ошибками: но есть ли у нас без ошибок книги?); типография приискана; бумага выбрана»¹⁰. Но, сообщив затем, что «билетов роздано очень много»— двадцать С. Л. Пушкину, пятнадцать А. Ф. Воейкову, девять А. И. Тургеневу, пять А. А. Дельвигу, а сверх того двадцать пять послано в Варшаву И. М. Фовицко-

¹⁰ Плетнев П. А. Сочинения и переписка.— Спб., 1885, т. 3, с. 383.

му и двести в Москву П. А. Вяземскому, П. А. Плетнев замечал: «Все дело остановилось за безделицей:

Никто ни за один билет
Не шлет монеты мне ходячей...»

После шутливого стихотворения о безуспешных попытках уговорить Н. И. Греча начать печатать книгу без денег, была названа цифра, достаточная для задуманного предприятия— две тысячи рублей. Эта сумма должна была, по мнению П. А. Плетнева, окупиться, так как «при появлении книги найдется много охотников иметь ее— и тогда к славе автора впридачу пойдут и деньги».

Когда благодаря всеобщим хлопотам и в Москве, и в Петербурге денежный вопрос был улажен, в издании стихотворений В. Л. Пушкина встретилось новое непредвиденное затруднение. О нем П. А. Плетнев сообщал П. А. Вяземскому в письме от 17 июля 1822 г. Оказалось, что цензурный комитет не разрешил пропустить «Послания к Дашкову», в котором сочинитель признавался в том, что он с восторгом читает «Кандида», и эпиграмму, начинающуюся словами «Лишился я жены, любовницы, коня». Цензура настаивала на своем решении, была непреклонной, и публикация сборника таким образом оказалась под угрозой.

П. А. Вяземского взбесила глупость цензурных требований. Он возмущенно писал о том, что если у чиновников цензурного комитета нет совести, то им все же не мешает вспомнить об истории, этой «поздней совести правителей и народов» (ОА, 272). В. Л. Пушкина же, по выражению П. А. Вяземского, «пот прошиб и он дал тягу», и не помышляя о единоборстве с цензурой. «Я писал к Плетневу несколько раз и доставлял ему требуемые госп(одином) цензором поправки,— признавался он и тут же с тревогой замечал:— Ничего в ответ не имею и не знаю, что делается с моими стихотворениями?» (ЦГАЛИ, л. 129 об.). Н. М. Карамзин, который с живейшим интересом следил за изданием стихотворений В. Л. Пушкина, подписался на него сам и организовал подписку среди членов императорской фамилии, 25 сентября 1822 г. писал из Царского Села в Москву И. И. Дмитриеву:

«Я жаловался на излишнюю строгость цензоров князю А. Н. Голицыну и сказывал ему о немилости их к невинным творениям нашего любезного Василия Львовича. Между тем слышу, что манускрипт уже в типографии: авось напечатают, к удовольствию автора и читателей»¹¹.

¹¹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву.— Спб., 1866, с. 337.

Затруднение с цензурой было улажено. Остановились на компромиссном решении: стих с «женой, любовницей, конем» не был пропущен; упоминание повести Вольтера «Кандид» благодаря заступничеству Н. М. Карамзина осталось. Наконец первое собрание стихотворений В. Л. Пушкина вышло в свет. Вот она, эта книга, украшенная портретом сочинителя, портретом, который гравирован Галактионовым: *Стихотворения Василия Пушкина*. Санктпетербург. В типографии Департамента Народного Просвещения. 1822. Здесь же на титульном листе — эпитафия из Монтеня на французском языке: «Вот плоды моего воображения. Я совсем не хотел с их помощью дать понятие о вещах, а только о себе самом».

Появление в свет стихотворений В. Л. Пушкина обрадовало автора и его друзей. В «Сыне отечества» появилась хвалебная заметка П. А. Вяземского. «Вольное общество любителей российской словесности», членом которого был Василий Львович, также выступило с благожелательной рецензией. Но «Опасный сосед», произведение, которое было высоко оценено всеми читателями, критиками и единодушно признано лучшим его сочинением, не вошло в собрание стихотворений. Не случайно А. С. Пушкин в послании к П. А. Плетневу, где говорится об этом издании, называет все же дядю «творцом опасного соседа»:

Ты издал дядю моего:
Творец опасного соседа
Достоин очень <был> того...

Поэма «Опасный сосед» была написана, по-видимому, в 1810 г. В ее пикантный сюжет, изображающий забавное приключение рассказчика и его соседа Буянова в «веселом доме», Василий Львович остроумно включил полемические выпады против врагов «Арзамаса» — членов шишковской «Беседы любителей русского слова». Поэма не печаталась, но широко распространялась в списках. Ее не только цитировали в частных письмах, но и открыто упоминали в печати. Первым это сделал А. С. Пушкин в стихотворении 1815 г. «Городок»:

И ты, замысловатый
Буянова певец,
В картинах толь богатый
И вкуса образец...

Спустя почти десять лет он привел Буянова на бал к Лариным:

...Мой брат двоюродный Буянов,
В пуху, в картузе с козырьком
(Как вам, конечно, он знаком)...

Когда В. Л. Пушкина не стало, в некрологе говорилось о «превосходном его творении»: «Это Опасный сосед, стихотворение, нигде не напечатанное, а всем известное, получившее народность. Опасный сосед неподражаем: это Гогартов оригинал, с которого копию снять невозможно»¹².

В. Л. Пушкин неоднократно пытался издать свое лучшее произведение. В одном из писем к П. А. Вяземскому он писал: «Буянова я также тебе доставлю; мне бы очень хотелось его напечатать, но где и как? Ума не приложу» (ЦГАЛИ, л. 8).

Друзьям В. Л. Пушкина не суждено было выпустить в свет «Опасного соседа». Однако поэма все же была напечатана, и это произошло лишь благодаря счастливой случайности, а также литературным достоинствам и чрезвычайной популярности этого произведения.

История первой публикации поэмы В. Л. Пушкина такова. Барон П. Л. Шиллинг-фон-Канштат во время вступления союзных войск в Париж в 1815 г. работал в русском министерстве иностранных дел по составлению и переписке документов на французском языке. Так как эта работа занимала много времени, а П. Л. Шиллингу не хотелось долго сидеть за письменным столом, ему пришла в голову мысль использовать вместо рукописного копирования бумаг литографию, которая была известна в Мюнхене. Когда об этом доложили императору Александру, он приказал послать П. Л. Шиллинга в Мюнхен, с тем чтобы испробовать новое изобретение. «Следовало налитографировать что-нибудь по-русски,—рассказывал об этом эпизоде Н. И. Греч в биографической статье о П. Л. Шиллинге.—Шиллинг припомнил себе разные стихотворения, выученные им в первом Кадетском корпусе и в свете, и ни одного не мог вспомнить вполне. Друг попал он на карикатурную идилию Василия Львовича Пушкина „Опасный сосед“, выгравировал ее и отправился с нею обратно на главную квартиру. Содержание опыта возбудило общий смех, а исполнение оказалось безукоризненным; при Министерстве Иностранных Дел (в Петербурге) заведена была литография, первая в России, и Шиллинг назначен ее директором»¹³.

Ни В. Л. Пушкин, ни его друзья не знали о мюнхенском издании «Опасного соседа» 1815 г. Это редчайшая книга, выпущенная мизерным тиражом в несколько экземпляров. Ее нет в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Отсутствует она и в книжных собраниях Н. П. Смирнова-

¹² Московские ведомости, 1830, № 70, 30 авг., с. 3120.

¹³ Северная пчела, 1853, № 142, 30 июня, с. 568.

Сокольского и И. Н. Розанова. Друг Василия Львовича С. Д. Полторацкий узнал о ее существовании, прочитав процитированную выше статью Н. И. Греча. И только через двадцать пять лет после смерти В. Л. Пушкина он смог в 1855 г. в Лейпциге выпустить второе издание «Опасного соседа». По существу, это было первое издание поэмы для публики, и может быть поэтому «Краткая литературная энциклопедия» назвала его первым¹⁴. Оно также представляет собой редкость, но уже не является таким раритетом, как мюнхенская книга.

Три тоненькие брошюрки, две небольшие книги — вот и все первоиздания В. Л. Пушкина. Обе книги вышли не под наблюдением автора, об одной из них он даже не подозревал. Не предполагал он и того, что его «Опасный сосед» войдет не только в историю русской поэзии, но и в историю русских литографированных изданий, начавшихся именно этой поэмой В. Л. Пушкина.

¹⁴ См.: КЛЭ.—М., 1971, т. 6, стлб. 105.

ЗНАМЕНИТЫЙ ИЗДАТЕЛЬ «РУССКОГО АРХИВА»

В предсмертные минуты Петр Иванович Бартенев попросил перенести его с постели к письменному столу, в бреду он говорил о корректурах своего журнала. Он не дожид до пятидесятилетия издаваемого им «Русского архива» двух месяцев. «Человек-документ», как называли Бартенева его молодые современники, скончался 22 октября 1912 г. на 84-м году жизни.

Петр Иванович Бартенев помнил смерть Пушкина, был знаком с Чаадаевым, беседовал с М. Н. Волконской и П. В. Нащокиным, знал многих декабристов. Он редактировал первое издание «Войны и мира», принимал у себя Ивана Сергеевича Тургенева, записывал сарказмы князя П. А. Вяземского, внимал С. Т. Аксакову и А. С. Хомякову, ездил в Лондон для свидания с А. И. Герценом.

Потомки Пушкина передали Бартеневу семейные архивы и право первого издания пушкинских бумаг. В его руках оказались сотни декабристских автографов, и он сумел в подцензурной печати опубликовать их. На страницах «Русского архива» была представлена доселе неизвестная тютчевiana, доведены до сведения читающей публики труды и биографии замечательных деятелей отечественной культуры. Пушкинисты, толстоведы, источниковеды и сегодня не могут не прибегнуть к помощи уникального бартеневского издания.

Главное содержание долгой жизни Петра Бартенева составляло собиране историко-литературных рукописей и публикация их. Понятие «Архив» было для издателя-составителя самодовлеющим и писалось им с большой буквы.

Род занятий и «одна, но пламенная страсть» оставили отпечаток на внешности, фигуре, манере говорить Бартенева. Молодым литераторам начала века сутулый, хромой старик, вооруженный костью, лысый, с огромным лбом казался живым анахронизмом, начиненным историческими анекдота-

ми, знанием интимных и государственных тайн XVIII—XIX вв., человеком, живущим в мире книжных и архивных эмоций.

В. Я. Брюсову, бывшему на 40 лет моложе Бартенева, довелось сблизиться с редактором «Русского архива» и даже три года секретарствовать в журнале. Его поражала своеобразная личность «Нестора российской журналистики» — Бартенева влиял на взгляды, вкусы, литературные пристрастия Брюсова. Он внушил ему мысль написать роман о декабристах, над которым Брюсов начал работать, стимулировал интерес к историко-литературным источникам; Бартенева оказался одним из героев брюсовских мемуаров «За моим окном». «...Старый трудолюбец, надев очки, клоня при свете керосиновой лампы лысую голову, бодрствует за всех, вникает в чьи-то старые письма или в какие-то мемуары прошлого века и на полях корректуры немного дрожащим, но еще твердым почерком приписывает свои маленькие примечания, те лукавые строки, помеченные „П. Б.“, в которых часто в форме едва уловимого намека скрываются целые откровения для истории нашей страны... Готовится новая книжка „Русского архива“, новый венчик в той несокрушимой башне, которую медленно, неуклонно воздвигал Петр Бартенева»¹.

Наша лаконичная преамбула дает право на внимание к деятельности и личности П. И. Бартенева не только со стороны библиофилов, но каждого человека, интересующегося вопросами исторической культуры.

* * *

Петр Иванович Бартенева — провинциальный дворянин, обломок древней, но обедневшей дворянской фамилии — родился 1 октября 1829 г. Отец его — герой войны 1812 г., дядя — гусар Бурцов — член преддекабристской организации Союза благоденствия, один из соратников Павла Пестеля. В доме Бартенева царил культ поэзии, в семье преклонялись перед именем Пушкина. Когда в Липецк пришло известие о трагической гибели поэта, «вся семья надела траур, а маменька плакала»². Познакомившийся уже с восьмидесятилетним старцем Бартеневым в 1909 г. поэт В. А. Садовской сообщал в неопубликованных мемуарах: «О Державине он упоминал как о добром знакомом, называл его Гаврилой Романовичем. Певец Фелицы был близок с отцом Бартенева. Знаменитый

¹ Брюсов В. Я. «Обломок старых поколений». В его кн.: За моим окном. М., 1913, с. 50.

² Русский архив, 1912, № 12, с. 571.

эра-забияка гусар Бурцев приходился ему дядей. Жуковский приглашал его в домашние наставники для своих детей. Он слушал лекции Погодина и Шевырева. Было как-то странно и страшно беседовать с человеком, знавшим современников Екатерины Великой. Ему Чаадаев рассказывал про лицейские проказы Пушкина. С ним Гоголь говорил о переводе Одиссея за чайным столом у Сергея Тимофеевича Аксакова»³.

Бартенев учился на историко-филологическом факультете Московского университета. Его научные интересы в пору студенчества стали формироваться под заметным влиянием историка, профессора М. П. Погодина, редактора журнала «Москвитянин». Погодин, как известно, в свое время был хорошо знаком с Пушкиным, в его многотомных дневниках педантично отмечены все встречи и разговоры с поэтом. Он оставил воспоминания. Ученый наставник юноши Бартенева воспитал у последнего любовь к документу, историческому источнику, поощрял возникший у питомца интерес к Пушкину.

Студентом Бартенев знакомится и ищет знакомств с близкими Пушкину людьми, снимает копии с пушкинских писем к друзьям, записывает рассказы современников Пушкина. Он включает с 1850 г. в орбиту своего собирательского внимания П. Я. Чаадаева, П. В. Нащокина, А. О. Россет-Смирнову, Е. К. Воронцову, С. А. Соболевского, В. Ф. Одоевского, П. А. Вяземского, А. Н. Раевского, записывает их воспоминания о поэте. Уже в годы юности он обнаруживает искусное умение заставить человека заговорить, открыться, представить хранящиеся у него редкие автографы.

В декабре 1851 г. М. П. Погодин опубликовал в журнале «Москвитянин» 17 отрывков из писем А. С. Пушкина к П. В. Нащокину благодаря тому, что его ученик снял с них копии. Сейчас эти копии хранятся в ЦГАЛИ в личном архивном фонде Бартенева. В рукописной заметке, датированной 1850 г. и написанной характерным бартеневским почерком с обеих сторон полулиста грубой пожелтевшей бумаги, читаем: «Сегодня, 1 октября, в день моего рождения, вместо обеда — да простит мне бог, я отправился к Павлу Воиновичу Нащокину, чтоб застать его дома. Это известный друг Пушкина. Я давно уже желал с ним познакомиться. У меня было письмо к нему от старого его поверенного Дмитрия Васильевича Короткого, свидетеля прошедшей бурной его жизни, живущего теперь на покое после тревожных молодости в Рязани.

³ ОР ГБЛ, ф. 669, к. 1, ед. хр. 10.

Вчера я был у Чаадаева с тою же целью собирать предания о незабвенном поэте: он мне и сказал адрес Нащокина (за Zubовским бульваром, в переулке, что идет к Девичьему полю, в доме Никитина). Я встретил самый радушный прием, какого и ждал, судя по отзывам других об этом человеке, хотя и предубежден был несколько не в пользу его нравственного характера. Но это было для меня постороннее. Я сам не вижу в нем ничего дурного покамест. Но та цель, с которой я к нему поехал, была удовлетворена даже выше моих ожиданий. Он был со мною совершенно откровенен, я провел с ним более трех часов в непрерывной беседе о Пушкине. Ни от кого еще я не слышал стольких подробностей и не мудроно: он был ближайший человек к Пушкину!

Кроме разговора, мы читали письма, которые к нему писал Пушкин, и он делал мне на них пояснения. Их я записал при самых письмах. Все же узнанное мною в разговоре, но и что еще узнаю, намерен записывать здесь в возможном порядке»⁴.

Перу Бартенева принадлежит одна из самых ранних работ о Пушкине, не утерявшая и поныне своего значения — «Пушкин в Южной России» (М., 1862). В издании братьев Сабашниковых в 1925 г. были опубликованы под редакцией и с примечаниями М. А. Цявловского «Записи П. И. Бартенева о Пушкине, сделанные со слов его друзей». В огромном личном архиве Бартенева нам довелось встретить ряд рукописных заметок о Пушкине и его окружении, которые ждут своего публикатора.

Научные занятия молодого Бартенева не исчерпывались созданием пушкинианы. В 1850-е гг. Бартенев близко сошелся со славянофилами А. С. Хомяковым, братьями Киреевскими, Елагиными, Аксаковыми, оказавшими воздействие на его историко-философские взгляды и литературные вкусы тех лет. В 1857 г. он редактировал либеральный славянофильский журнал «Русская беседа», которому придавал преимущественно историческое направление. Бартенев совместно с С. П. Шевыревым составлял словарь профессоров Московского университета. С 1853 по 1858 г. он служил в московском архиве министерства иностранных дел, и характер службы представил молодому человеку возможности для интересных личных знакомств с людьми и прочтения секретных рукописей. Часто бывая, а потом даже живя в доме Елагиных, Бартенев оказался в самом центре московской духовной и общественной жизни. Там он встречал старых декабристов, возвратившихся

⁴ ЦГАЛИ, ф. 46, оп. 1, № 9.

после амнистии из Сибири, в частности, легендарного узника Петропавловки, сподвижника М. М. Сперанского, Гавриила Степановича Батенькова. В этом доме бывали Е. П. Оболенский, С. П. Трубецкой, М. М. Нарышкин. В некрологе, посвященном А. П. Елагиной, принимавшей некогда Пушкина, Гоголя, Чаадаева, Герцена, Бартенева писал, что он пользовался почти 25-летней ее дружбой, которой дорожит, как одним из лучших своих достояний. «„Русский архив“ и издатель его бесконечно обязаны этой необыкновенной женщине»⁵. За лаконичными фразами было скрыто многое. А. П. Елагина причастна к публикации записок императрицы Екатерины II в Вольной русской типографии А. И. Герцена. В ее семейном архиве мы нашли письма, могущие поставить точку над этой полураскрытой тайной:

«Бартенева принес мне переписывать записки Екатерины, ему самому весьма трудно по незнанию языка» (10 марта 1858 г.).

«Я переписываю теперь для Пивныча записки Екатерины» (12 марта 1858 г.).

«Пивныч уехал в Липецк проститься с сестрою (5 мая 1858 г.).

«Пивныч едет скоро за границу» (1858 г., без числа и месяца)⁶.

Итак, перед отъездом в заграничное путешествие Бартенева получает любопытнейшую рукопись. Елагина переписывала ее.

Другие источники свидетельствуют:

«Бартенева долго жил в Берлине,—сообщал издатель пушкинского „Современника“, профессор русской словесности П. А. Плетнев князю П. А. Вяземскому,—два раза ездил в Лондон, влюбился в него и в англичан, теперь он в Париже, бранит все французское. В начале декабря, вероятно, достигнет Праги, главной цели его путешествия»⁷.

В неопубликованных мемуарах московеда В. М. Голицына, хорошо знавшего Бартенева, есть запись такого рода: «...молва гласила, что ему <Бартенева> нивестя какими путями удалось списать копию с подлинных записок Екатерины, хранящихся за семью печатями в государственном архиве, и препроводить их к Герцену в Лондон, который, как известно, издал их»⁸.

⁵ Русский архив, 1877, № 2, с. 483.

⁶ ОР ГВЛ, ф. 99, к. 5, ед. хр. 70.

⁷ Русский архив, 1912, № 12, с. 572.

⁸ ОР ГВЛ, ф. 261, к. 18, ед. хр. 5, с. 42.

Публикации, касающиеся Пушкина, служба в архиве министерства иностранных дел, таинственная связь с Вольной типографией, близость к московской духовной элите в лице Елагиных, Киреевских, Хомякова, Аксаковых сыграли свою роль в дальнейшей ученой и литературной судьбе П. И. Бартенева.

В 1859 г. он был приглашен заведовать библиотекой московского вельможи А. Д. Черткова, человека круга Пушкина, родственника декабристов З. Г. Чернышева и Н. М. Муравьева, деда Владимира Григорьевича Черткова, известного своей дружбой с Л. Н. Толстым.

Библиотека, предоставленная владельцем в пользование широкой публике, находилась в сохранившемся донныне здании на углу улицы Кирова (бывшей Мясницкой) и Фуркасовского переуллка, насчитывала 13 500 названий (21 350 томов), портретную галерею, сотни рукописей.

Бартенев составил подробнейший каталог книг на разных языках, среди которых числились даже китайские издания. Он активно приобретал новые и обнаружил особую виртуозность в разыскании, приобретении, снятии копий с самых тщательно скрываемых рукописных документов. В 1863 г. при чертковской библиотеке на основе ее рукописного собрания начал издаваться П. И. Бартевым первый специальный исторический журнал в России «Русский архив».

В журнале постоянно публиковались дневники, мемуары, письма, записки выдающихся деятелей прошлого, исторические и биографические очерки, обнаруженные впервые рукописи художественных произведений отечественной словесности.

Популярность «Русского архива» росла, и современники в полной мере оценили значение этого энциклопедического издания.

«В Бартепеве было много того, что могло дать повод к шуткам, начиная с его изумительного умения добывать желательные материалы для „Русского архива“, как бы эти материалы тщательно ни оберегались теми, в чьих руках они находились... Несомненная его заслуга заключалась в том, что он первый смело предпринял издание исторического материала, до него хранимого под спудом „страха ради иудейского“, правда, издание в сыром виде, но тем не менее ценное для дальнейшей разработки русской истории. Последующие издатели исторических журналов — Семейский „Русская старина“, Шубинский „Исторический вестник“ и другие — пошли по проторенной Бартепевым дороге» — это свидетельство москвоведки князя В. М. Голицына я обнаружила в его неопубликованном

ванных мемуарах, хранящихся в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина⁹.

В 1873 г. рукописные фонды Чертковской библиотеки были включены в собрание Румянцевского музея, книги и изобразительные материалы перешли к Историческому музею — журнал же Бартенева переживал расцвет и начал издаваться совершенно самостоятельно. Число подписчиков возрастало, и если до 1871 г. он выходил одним томом в год, то далее — по 2 тома ежегодно, а с 1875 г. — по 3 тома. Среди постоянных читателей журнала были Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, М. И. Муравьев-Апостол, В. В. Стасов, Н. А. Некрасов, Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев, М. П. Погодин, среди авторов — Лев Толстой, И. С. Тургенев, П. А. Вяземский, бывшие декабристы. Бартенева сделался с середины 60-х годов московской знаменитостью. Как свидетельствовали близкие к нему люди, «все, что написано в „Русском архиве“ посторонними сотрудниками, — ничтожно и количественно и качественно»¹⁰. Бартенева все делал сам: собирал материал, готовил, редактировал, сам писал примечания, заметки и рецензии, корректировал каждую книжку.

«Бартенева не умел писать незначущих слов; он не писал ничего, если ему было нечего сказать и, если он брал перо, это значило, что ему есть что сообщить нового»; «мысль была основным свойством Бартенева, и могла угаснуть, и угасла в нем, как и в его любимом поэте Тютчеве, только вместе с жизнью» — читаем мы в воспоминаниях о П. И. Бартенева¹¹.

Биограф архивариуса В. Е. Рудаков, говоря о бумагах, впервые увидевших свет в бартеневавском журнале, называл материалы из архива министерства юстиции, главного архива министерства иностранных дел, архивов Сената, Румянцевского музея и «самую обильную жатву из частных архивов»¹².

Преимущественным вниманием издателя пользовались факты, события и герои российской политической истории XVIII—XIX вв., героическая кампания 1812—1814 гг., восстание декабристов, суд над ними, казнь, ссылка, воспоминания, дневники, письма сановников, полководцев, философов и поэтов. Мемуары И. И. Горбачевского, И. Д. Якушкина, Е. П. Оболенского, М. И. Муравьева-Апостола, Н. В. Басаргина, статьи о Батенькове, Рылееве, Чаадаеве, письма П. И. Пестеля и стихи А. И. Одоевского опубликовал Бартенева в «Русском архиве». «Русский архив» оказался одним из немно-

⁹ ОР ГБЛ, фонд 261, к. 18, ед. хр. 5, с. 42—43.

¹⁰ Брюсов В. Я. За моим окном, с. 50.

¹¹ Там же, с. 61, 62.

¹² Исторический вестник, 1902, кн. 1, с. 316.

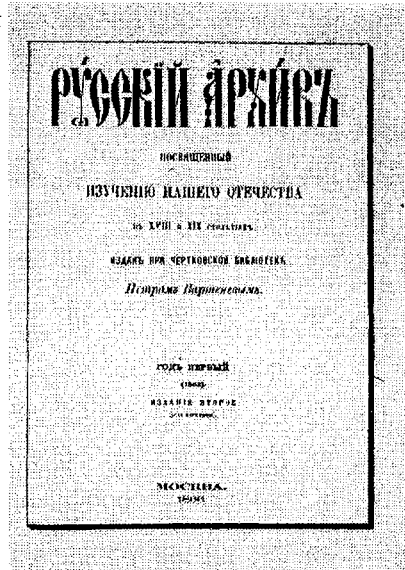
гих отечественных изданий, осмелившихся откликнуться большой статьей на смерть Герцена.

В «Русском архиве» было опубликовано также письмо А. С. Пушкина к П. Я. Чадаеву от 19 октября 1836 г., стихотворение Пушкина «Мадонна», воспоминания о поэте, пушкинская переписка, автографы В. А. Жуковского, Е. А. Баратынского, А. С. Грибоедова, Д. В. Давыдова. С особенным интересом обращался журнал к эпохе царствования Екатерины II, за что хромой Бартенева был прозван современниками «посмертным фаворитом» матушки-императрицы.

«Перед ним открывались заветные сундуки, шкафчики, шифоньерки, из которых извлекались благоговейно хранимые семейные документы, — рассказывали о Бартенева младшие коллеги. — В „Русском архиве“ он оставил для себя драгоценный памятник — огромный по виду, смешанный по содержанию, из золота и свинца, с детски наивными украшениями и глубокими по смыслу надписями... За опубликование тысяч интереснейших воспоминаний, писем, литературных произведений, биографических сведений ему всегда будут благодарны все те, кто любит прошлое»¹³.

«„Русский архив“ в русской жизни явился обширнейшей исторической энциклопедией, без которой ныне не может обойтись ни один, занимающийся русской историей» — таково было мнение о значении бартеневаевского издания¹⁴.

После смерти П. И. Бартенева среди некоторых его биографов, близких к консервативным кругам, бытовало мнение,

Титульный лист
журнала «Русский архив»,
1866

¹³ Каллаш В. Памяти П. И. Бартенева.—Голос минувшего, 1913, № 1, с. 277, 278.

¹⁴ Исторический вестник, 1912, № 12, стб. 1134.

что за издание журнала он принялся по мысли А. С. Хомякова. Но первой попыткой издать журнал «„Россиянин 19 века, или Архив политических наук и российской словесности“ история обязана члену Союза благоденствия, декабристу Николаю Ивановичу Тургеневу»¹⁵. Бартенев же не только публиковал бумаги декабристов, но и на практике осуществил мечту одного из самых выдающихся деятелей декабристского движения о создании специального архивного журнала.

Судьба столкнула Бартенева с проблемой 1825 г., когда он был еще очень молод. Он слышал о декабристах в родном доме, позже на студенческой скамье, затем от друзей Пушкина. Герцену он, по-видимому, доставил и «Разбор донесения Следственной комиссии», выполненный Никитой Муравьевым и Михаилом Луниным. В доме Черткова, женатого на родной сестре декабриста З. Г. Чернышова, и Александры Григорьевны Муравьевой, он получил возможность познакомиться с целым рядом декабристских бумаг. Издание «Русского архива» связало Бартенева с П. Н. Свистуновым, М. И. Муравьевым-Апостолом, А. П. Беляевым, Н. В. Басаргиным и другими старыми декабристами. Он приобрел их рукописи, публиковал записки и воспоминания о декабристах. События 1825 г. приковывали внимание Бартенева-публикатора, исследователя, биографа вплоть до 1880-х гг.; к этой теме он возвратился в связи с революционными событиями 1905 г.

Но политические симпатии и взгляды его, если можно со всей определенностью говорить о таковых, претерпели с течением времени трансформацию. В молодости Петр Иванович Бартенев испытал обаяние передовых политических идей. Ему импонировали гражданские свободы, конституционное правление, отмена крепостного права. Он преклонялся перед подвигом декабристов, он видел в них необыкновенные героические личности, он любил и уважал А. И. Герцена и решился на поездку к нему в Лондон. Уже глубоким стариком он продолжал утверждать: «Я люблю и уважаю Герцена. Это была чудесная душа»¹⁶.

Но и в молодости Бартенев не был радикалом. Его искренний и горячий патриотизм, его любовь к России сочетались с желанием либеральных реформ, дарованных сверху, и с моделью идеального монархического правления. В период формирования своего мировоззрения Бартенев испытал силь-

¹⁵ Нечкина М. В. Декабристы.— М., 1975, с. 36.

¹⁶ Мироненко М. П. Мемуарное наследие декабристов в журнале «Русский архив». — Археографический ежегодник на 1975 г. М., 1976, с. 99.

ное влияние либерального славянофильства 1840-х гг. (Хомякова, Киреевских, Аксаковых). После реформы 1861 г. социально-политические взгляды издателя «Русского архива» эволюционируют к консерватизму, политическому скептицизму, а после 1 марта 1881 г. Бартенев предстает перед современниками как убежденный монархист.

Однако общие политические концепции не мешали ему до конца жизни оставаться сторонником свободы печати, воевать с цензурой и предпочитать публикацию исторической истины. Поэтому с 1863 по 1904 г. номера «Русского архива» были 11 раз арестованы и столько же рассыпан набор, 26 раз в течение того же времени материалы «Русского архива» подвергались цензурным изменениям, 18 раз цензура обращала внимание Государственного управления по делам печати на содержание журнала.

Так, например, в 1870 г. московский цензурный комитет доносил ГУДП в связи с публикацией в 8 и 9 номерах журнала статьи декабриста П. Н. Свистунова, что автор-де «пытается доказать, что декабристы, злоумышлявшие переворотом в России, действовали не из корысти и честолюбия, а из пламенной любви к отечеству и из желания возвеличить его, доставив ему блага свободы. Автор идет даже дальше, он силится оправдать „Русскую правду“ Пестеля и „Конституцию“ Муравьева и доказать, что затеянные в этих сочинениях проекты политических переворотов были составлены в духе русского народа и что если восстание не удалось, то лишь вследствие необдуманного плана действий»¹⁷.

Второй номер «Русского архива» за 1882 г. был арестован за публикацию «Записок неизвестного». Как позже выяснилось, это был член Общества соединенных славян декабрист И. И. Горбачевский. Из предисловия Бартенева к «Запискам» были выброшены утверждения об их важности, о влиянии Общества на местных жителей, утверждение Бартенева, что восстание декабристов имело прогрессивный характер. Московским цензором, арестовавшим номер, был недавно назначенный на этот пост бывший редактор газеты «Варшавский дневник», а еще ранее дипломат и врач, небезызвестный идеолог реакции, писатель Константин Леонтьев. Московский цензурный комитет поддержал его позицию и направил в ГУДП представление: «...цензурный комитет не мог не признать основательности и того мнения цензора, что в настоящее время едва ли могут быть уместны даже и в специальном

¹⁷ Зайцев А. Д. «Русский архив» и цензура.— Археографический ежегодник на 1976 г. М., 1977, с. 109.

журнале статьи, которые воскрешают из сравнительно неотдаленного прошлого идеи цареубийства и социального переворота, а потому определил: о доложенной статье довести до сведения главного управления по делам печати»¹⁸.

Но Бартенев, по определению В. Я. Брюсова, «характер оригинальный и самостоятельный, личность сильная и самовластная», изыскал через несколько лет возможность опять высказать свое сугубо положительное отношение к запискам Горбачевского, вернуться к этому вопросу и адресовать ретивому цензору прямое и жесткое порицание.

Раскрыв имя автора «Записок неизвестного», памятливым и упорным Бартенев спустя восемь лет после цензурного эксцесса, в новых примечаниях «П. Б.» написал: «Эти записки принадлежат к числу лучших исторических показаний о той эпохе. К сожалению, тогдашнее министерство 1882 года... назначило вообще для всех Московских изданий (курсив мой.— Н. Р.) особого цензора, и первое московское издание, попавшее ему в руки, была 2-я книга „Русского архива“. Ревность неопита увлекла его дальше меры... он накинулся на тени прошлого, так что записки Горбачевского были задержаны и во многих местах урезаны, что стоило издателю продолжительных бесплодных объяснений и двухмесячных хлопот. Бумаги Горбачевского (под предлогом разговора о них и появилось приводимое примечание.— Н. Р.) ...служат отличным дополнением к этим запискам умного и даровитого декабриста, который оставил по себе добрую память в Сибири»¹⁹.

Несколько с другой стороны характеризуют политическую эволюцию Бартенева, не меняя меж тем впечатления о нем как о личности, его многолетние отношения со Львом Николаевичем Толстым.

Внук издателя, Петр Бартенев-младший рассказывал: «В Чертковской библиотеке дедушка познакомился и сблизился с графом Львом Николаевичем Толстым, для которого отбирал книги, к 12-му году относящиеся»²⁰.

У другого биографа, Б. Б. Глинского, находим: «Первое издание „Войны и мира“ вышло так же при содействии редактора „Русского архива“, который тщательно продержал всю корректуру этого произведения»²¹.

¹⁸ Сыроечковский Б. Е., Сокольский П. А., Порох И. В. Декабрист Горбачевский и его записки.— В кн.: Горбачевский И. И. Записки, письма. М., 1963, с. 23.

¹⁹ Русский архив, 1890, № 9, с. 112.

²⁰ Русский архив, 1912, № 12, с. 572.

²¹ Исторический вестник, 1912, № 12, с. 1135.

Знакомство Бартенева и Толстого относится к 1859 г.

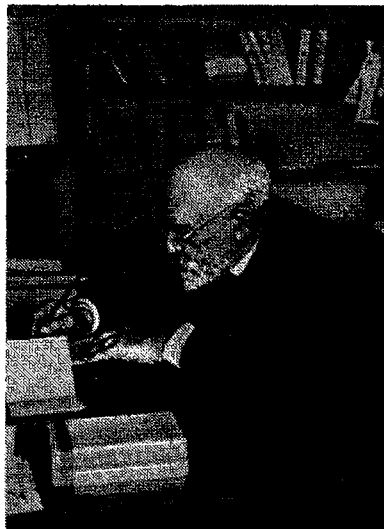
Когда П. И. Бартенев приступил к заведованию Чертковской библиотекой, он был избран членом московского Общества любителей российской словесности и довольно близко сошелся с Л. Н. Толстым. Согласно сохранившейся рукописи от 11 февраля 1859 г. он выступал в заседании Общества, солидаризируясь со взглядами Толстого на задачи изящной словесности. Себя же охарактеризовал как «скромного переводчика и собирателя разных биографических материалов»²².

Между Львом Николаевичем Толстым и Бартеиевым завязывается переписка, Толстой пользуется материалами чертковской библиотеки, работая над романом «Война и мир». Бартенев посылает книги и рукописи в Ясную Поляну, бывает там, Толстой предлагает Бартеиеву редактировать роман, разрешает править текст. Печатался роман в той же типографии Ф. Ф. Риса близ Мясницких ворот, где издавался и «Русский архив».

Достаточно заглянуть в именной указатель 90-томного издания произведений и писем Л. Н. Толстого, чтобы убедиться, какое солидное место занимает там переписка с П. И. Бартеиевым великого писателя и упоминания в письмах к другим лицам о нем.

На гранках первого издания «Войны и мира» есть собственноручные надписи Толстого: «Исправив, послать к Пет<ру> Ив<ановичу> и верстать»²³.

В письме к С. А. Толстой от 22 июня 1867 г. из Москвы Лев Николаевич рассказывает: «Бартеиев, которому я даю 10% за публикации, продажу и склад книг, тоже аккуратнейший человек и знающий дело... корректуры буду держать я сам и потом Бартеиев в смысле исправности и даже правиль-

П. И. Бартеиев

²² ОР ГБЛ, музейный фонд, картон 8553, ед. хр. 14.

²³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 14, с. 415.

ности языка, который я ему смело разрешил исправлять»²⁴.

Интересен был стиль отношений П. И. Бартенева с Л. Н. Толстым. Архивариус держал себя с ним как равный с равным. 12 августа 1867 г., сегодя на бесконечные правки Толстым «Войны и мира», редактор пишет в Ясную Поляну: «Вы бог знает что делаете. Эдак мы никогда не кончим поправок и печатания. Сошлюсь на кого хотите, большая половина Вашего перемарывания вовсе не нужна, а между тем от него цена типографская страшно возрастает. Я велел писать в типографии Вам счет за корректуры...»²⁵

31 марта 1867 г. Толстой обращался к П. Бартеневу: «Напишите мне, ежели это не составит для Вас большого труда, материалы для истории Павла имп<ератора>... Я ничего не знаю, кроме того, что есть в Архиве. Но то, что есть в Архиве, привело меня в восторг. Я нашел своего исторического героя. И ежели бы бог дал жизни, досуга и сил, я бы попробовал написать его историю»²⁶.

В мартовском номере «Русского архива» за 1868 г. появилась статья Толстого «Несколько слов по поводу книги „Война и мир“».

В 1880-е гг. философско-религиозные искания Толстого и его открытые выступления против государственной власти стали причиной разрыва с издателем. «Когда Л. Н. Толстой,— рассказывал Петр Бартенов-младший,— начал свой поход на церковность, П. И. возразил ему: „Вы, граф, поступаете по русской пословице: осердясь на вши, шубу в печь“.—Также велика была преданность П. И. к семье царской; с гр. Толстым после многолетней дружбы он порвал за то, что Лев Николаевич позволил себе при нем непочтительно выражаться об Александре Ш-м»²⁷.

Но в одном ряду с кажущимися свидетельствами бартеновского монархизма стоят факты противоположного свойства. Известно, что, примерно тогда же, когда Бартенева будто бы столь рассердило неуважительное отношение к самодержцу и «церковности», первый номер «Русского архива» за 1888 г. был арестован и из журнала цензура целиком изъяла статью о Каткове, которая касалась не столько личности недавно ушедшего «будочника со Срамного бульвара», как назвал Каткова Щедрин, сколько вопросов внутренней политики России. Редактор, пытаясь оговорить возможность высказаться на стра-

²⁴ Толстой Л. Н., т. 16, с. 103.

²⁵ Там же, т. 61, с. 175.

²⁶ Там же, с. 166.

²⁷ Русский архив, 1912, № 12, с. 573.

ницах своего издания о Каткове, 25 декабря 1887 г. писал всесильному К. П. Победоносцеву: «Целые обширные кружки читающего люда, множество отцов и матерей и доселе относятся к Каткову с ненавистью... С другой стороны, слепые поклонники его дошли до того, что называют его деятельность богослужением... Ввиду этого, кому же как не историку подать трезвый, примиряющий голос, воздавая должное и не увлекаясь личной выгодой и пристрастием»²⁸.

Если Бартенев не хотел представить себя перед Победоносцевым противником Каткова, то от поклонения этому беспринципному журнальному диктатору он был далек, не пытался скрыть свою неприязнь к нему и тем, что появление Каткова обусловлено объективными причинами.

«Консерватизм не мешал ему цитировать очень злые, даже убийственные для высокопоставленных лиц эпиграммы Соболевского... — вспоминал историк В. Каллаш,— и он приводил факты меткие и яркие, за которые мог с радостью хватиться не только либерал, но и радикал»²⁹.

Думается, что взгляды выдающегося археографа, библиографа, историка, литературоведа П. И. Бартенева трудно отнести к одной строго определенной категории, так как действия, по которым следует судить о взглядах, диктовались не только охранительными тенденциями, но еще двумя мотивами: самозабвенной любовью к истории и служением ей и любовью к России.

«У него были свои политические взгляды,— писал В. Я. Брюсов,— и, если было естественно, что он не мог изменить их в угоду либеральным и демократическим веяниям нового времени, то более замечательно, что он никогда не отступал от тех своих воззрений, которые многим из окружающих его казались слишком свободными и „подрывающими основы“»³⁰.

Многолетний труд ради науки, непрерывное, неутомимое издание исторического журнала, отдельные публикации таких документов, как «Записки Г. Р. Державина», 40 томов архива графов Воронцовых, сборников «Осьмнадцатый век» и «Девятнадцатый век», неустанное пополнение пушкинианы и тютчевяны не могли не вызвать уважения к рыцарю книги, не могли не сделать известным его имя среди современных широких кругов интеллигенции.

Через Бартенева наследники Пушкина передали рукописи

²⁸ Археографический ежегодник на 1976 г.— М., 1977, с. 107.

²⁹ Голос минувшего, 1913, № 1, с. 277.

³⁰ Брюсов В. Я. За моим окном, с. 57.

поэта в Румянцевский музей, и Бартенева оговорил право первой публикации пушкинских бумаг, среди них он обнаружил писарскую копию «Слова о полку Игореве»; Бартенева передал чаадаевские документы племянник философа; в личном архивном фонде Бартенева хранятся еще неопубликованные письма П. А. Вяземского, И. С. Аксакова, Елагиных, В. А. Жуковского.

Постоянным подписчиком бартеневаских изданий рекомендовал себя И. С. Тургенев. На страницах «Русского архива» он впервые выступил с мемуарами «Литературный вечер у Плетнева». 8 октября 1869 г. он писал Бартенева: «Несколько дней тому назад, почтеннейший Петр Иванович, получил я от Вас вторую часть „Осьмнадцатого века“ и искренно благодарю Вас за присылку этой любопытной книги, которую я прочел уже почти всю с великим интересом. Особенно любопытны документы о Екатерине I, о Мировиче, статья о Ваньке-Каине. Ваши издания для меня настоящий клад»³¹.

«В свой „Архив“ из года в год, как трудолюбивый муравей,— рассказывает В. Я. Брюсов,— он тащил все новые и новые материалы по русской истории и по истории русской литературы, и многое, очень многое из того, что теперь вошло во всеобщий обиход, впервые появилось на страницах его издания. Бартенева верили, ему несли целые семейные архивы... и трудно назвать ту эпоху русской истории за два века, исследователь которой не был бы принужден обращаться к „Русскому архиву“, как к первоисточнику»³².

* * *

«Русский архив» и его издатель в течение многих лет испытали разное. Звезда журнала была в зените в первой половине 1870-х гг. В 1890-е гг. младшие современники воспринимали старого хромого архивариуса, владельца исторических тайн и секретов, обладателя колоссальных рукописных собраний, как забавный осколок прошлого, как живого свидетеля ушедших времен.

«Многое <...> для него прошло совершенно незамеченным, мимо. Конечно, он никогда не читал Ницше... любил, говоря о музыке Вагнера, употреблять выражения самые резкие. Русская литература остановилась для Бартенева на Тургеневе... Чехова Бартенева, кажется, не читал вовсе. Горького

³¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем.— М.; Л., 1969, т. 8 (Письма), с. 92.

³² Брюсов В. Я. За моим окном, с. 60.

попытался было читать, но тщетно... не читал Бартенев и моих книг»³³.

Его интерес к подробности, факту, лицу, событию в годы, когда основой исторического мышления становились проблемы, процессы, явления, также не мог не вызывать некоторой снисходительной иронии. «Больше всего ценил он личную переписку, мемуары, интересовался не процессами..., не отвлеченными рассуждениями, а характеристичными анекдотами, живыми интригами прошлой жизни, ее интимными подробностями»³⁴. Для создания исторической концепции или системы исторических воззрений, которых требовало время, в бартеневских пестрых и подчас противоречивых исторических материалах-иллюстрациях поздние современники видели мало пригодного, но тем не менее он продолжал публиковать новое из старого, вел записные книжки, приобретал рукописи, издавал «Архив». Умер Достоевский, не стало Тургенева, Россия отметила столетие со дня рождения Пушкина, простилась со Львом Николаевичем Толстым, а маленький, согбенный, седовласый старичок сидел еще по ночам в своем кабинете — фонаре на Садово-Ермолаевской, 175 и правил корректуру очередного номера «Русского архива»...

П. И. Бартенев умер в ночь с 21 на 22 октября 1912 года. Он завещал сыну, известному музыканту, ученику Танеева, Сергею Петровичу Бартеневу, автору книги о художественных памятниках Московского Кремля, большую личную библиотеку, 598 выпусков изданного им журнала, издания записок, писем, дневников, портреты выдающихся ученых и поэтов с дарственными надписями...

Сын издателя «Русского архива» жил и работал в Кремле, в его кремлевской квартире располагалась огромная отцовская библиотека. И когда Советское правительство во главе с В. И. Лениным переехало из Смольного в Кремль, Владимир Ильич сам написал охранную грамоту на перевоз библиотеки С. П. Бартенева. В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал, что Сергей Петрович Бартенев «был тронут этим буквально до слез... Главная его поклажа состояла из книг, картин, нот и роля».

Бонч-Бруевич вспоминал, с каким интересом Ильич читал двухтомный труд Бартенева-сына об истории Кремля. Эта книга до сих пор хранится в личной библиотеке в кабинете Ленина в Кремле. Ленин, как рассказывает Бонч-Бруевич, тотчас же принялся за чтение этого прекрасного иллюстриро-

³³ Брюсов В. Я. За моим окном, с. 53.

³⁴ Голос минувшего, 1913, № 1, с. 278.

ванного издания³⁵ и был очень удивлен, когда я ему сказал, что автор этой книги, сын *знаменитого издателя «Русского архива»* (курсив мой.— *Н. Р.*), живет в Кремле и вот сейчас как раз выезжает из Кремля в город на другую квартиру.

— Зачем это,— сказал Владимир Ильич,— его нужно было бы оставить здесь в Кремле»³⁶.

Таковы некоторые факты, связанные с жизнью и деятельностью выдающегося российского книжника и архивиста, «знаменитого издателя „Русского архива“».

³⁵ Бартенев С. П. Московский Кремль в старину и теперь.— М., 1916, т. 1—2.

³⁶ Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине.— М., 1969, с. 402.

ЭКЗЕМПЛЯР ЛЕГЕНДАРНОГО «ПУТЕШЕСТВИЯ»

Во время эвакуации в глубь страны наиболее ценной части фонда Одесской государственной научной библиотеки имени А. М. Горького был утрачен экземпляр первого издания многострадального радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву». Книга первого революционера из дворян, едва сойдя с печатного станка, как известно, вызвала бешеную ненависть Екатерины II и была уничтожена, а смертный приговор автору «милостиво» заменили ссылкой в Сибирь, «на десятилетнее, безысходное пребывание».

В ходе следствия, связанного с историей создания и публикации «Путешествия», Радищев показал, что в его домашней типографии напечатано «шестьсот сорок или пятьдесят экземпляров», из которых двадцать пять поступили в продажу, шесть были подарены друзьям и знакомым, а остальные он «все сожечь велел». Ищейки тайной канцелярии незамедлительно принялись собирать разошедшееся «в публике» «Путешествие». Двенадцать экземпляров были обнаружены и также преданы огню. Уцелело девятнадцать книг. Сегодня эта цифра оспаривается исследователями. Так, изучив различные документы, А. Г. Татаринцев пришел к выводу, что на руках у неизвестных лиц осталось около сорока экземпляров¹. Судьба каждого из них, по справедливому замечанию Н. П. Смирнова-Сокольского, «чрезвычайно интересна для книговедов»².

Сведения об одесском экземпляре «Путешествия» попали на страницы печати еще в конце 1920-х гг. В 1927 г., рассказывая о созданном в Одесской городской публичной библиотеке Музее книги, «Бібліологічні вісті» перечисляли «некоторые характерные издания елизаветинского и екатерининского времени», представленные в Музее, и среди них выделяли «экземпляр „Путешествия из Петербурга в Москву“ 1790 г., который прекрасно сохранился». В середине 30-х гг. Я. Л. Барсков впервые описал девятнадцать уцелевших радищевских книг и упомянул, что один экземпляр находится в Одесской публичной библиотеке, прекрасной сохранности, в красном марокене с золотым обрезом³. Но тогда одесский экземпляр не привлек внимания, затем он потерялся в войну, а потом стал обрастать легендами. В 1959 г., уточняя список Я. Л. Барскова, Н. П. Смирнов-Сокольский сомневался в сохранности этого экземпляра⁴.

¹ Русская литература, 1977, № 3, с. 79.

² Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. — М., 1959, с. 99.

³ Бібліологічні вісті. — (Киев), 1927, № 2, с. 57.

⁴ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. — М.; Л., 1935, т. 2, с. 321.

⁵ Смирнов-Сокольский Н. П., с. 100.

В середине 1970-х гг. А. П. Толстяков, продолжавший поиски Я. Л. Баркова, полагал, что в Одессе хранились два (!) экземпляра первопечатного «Путешествия»: один — в публичной библиотеке, второй — в собрании крупного bibliофила графа М. М. Толстого⁶. Ссылаясь на одесского профессора С. Я. Борового и московского литературоведа А. И. Старцева, он писал, что библиотечная книга Радищева была затоплена вместе с теплоходом «кажется, на рейде Поти?», толстовская же, проделав сложный путь за границу, «попала в парижскую коллекцию известного деятеля русского искусства С. П. Дагилева», а затем «была приобретена Хоутонской библиотекой редких книг и рукописей Гарвардского университета в Кембридже (США), где и находится сейчас».

А по гипотезе А. Г. Татаринцева экземпляр первопечатного издания «Путешествия», принадлежавший Одесской публичной библиотеке, попал на юг еще в 1790 г. вместе с прибывшими из Петербурга русскими офицерами⁷.

Что же было в действительности?

До начала нынешнего века Одесская библиотека не располагала экземпляром «Путешествия» издания 1790 г. В первом томе ее каталога, появившегося в 1901 г., куда занесены «книги русские, болгарские, сербские и церковно-славянские», нет не только издания 1790 г., но даже дозволенного цензурой так называемого спекулятивного выпуска «Путешествия», предпринятого петербургским книгопродавцем Н. А. Шигиным за границу, «Нет и воспроизведения авторского издания, осуществленного А. С. Сувориным в 1888 г. тиражом в 100 экземпляров по цене 25 рублей, сделавшей его недоступным массовому читателю. В каталоге отмечено единственное издание произведения, вышедшее из лондонской типографии Трюбнера и К° в 1858 г. Оно сохранилось по сей день и является частью значительного собрания изданий зарубежной вольной русской печати. Эти книги были накоплены преемницей публичной библиотеки — Одесской государственной научной библиотекой имени А. М. Горького. Можно было бы предположить, что дореволюционные библиотекари, составляя каталог, решили сокрыть «крамольную» книгу, переиздание которой даже в 1903 г. было перемолото в бумажную массу. Но тогда напрашивается вопрос: почему они рискнули информировать о наличии отпечатанного в Лондоне — практически нелегального — «Путешествия из Петербурга в Москву», да еще указав, что оно «с предисловием Искандера», то есть А. И. Герцена, который писал: «Мы посмотрим, кто сильнее — власть или мысль. Мы посмотрим, кому удастся — книге ли пробраться в Россию, или правительству не пропустить ее?»

Библиотечные документы впервые зафиксировали экземпляр первопечатного «Путешествия» на полке Одесской публичной библиотеки только в советское время. «После того, как годы Революции пополнили библиотеку целыми коллекциями, состоящими из таких книг (коллекция художественных изданий, собранная М. М. Толстым, старинных изданий XVI—XVII ст. — А. С. Стурдзы и мн. др.), — сообщалось в 1925 г., — было решено организовать отдел редких изданий и рукописей (реорганизованный в скором будущем в Музей книги. — Г.З.). Работа по разбору имеющихся материалов началась в 1922 году и еще далеко не закончена»⁸. Несмотря на все трудности переходного периода, связанные с острой нехваткой специалистов, сотрудники библиотеки сразу выделили первое издание радищевского «Путешествия», и оно заняло свое законное место на выставке особо ценных книг¹⁰.

⁶ Книжное обозрение, 1975, 28 февр.

⁷ Русская литература, 1977, № 3, с. 82.

⁸ Каталог Одесской городской публичной библиотеки. — Одесса, 1901, т. 1, с. 352.

⁹ Библиотечное обозрение, 1925, кн. 1, с. 104—107.

¹⁰ Архив Одесской государственной научной библиотеки им. А. М. Горького, папка за 1921—1922 гг.

Кто же владел книгой раньше? Я. Л. Барсков в уже упоминавшемся описании экземпляров «Путешествия», избежавших застенок тайной канцелярии Екатерины II, по разным свидетельствам намечает следующий путь книги: В. М. Лазаревский — В. И. Ключков — М. М. Толстой — Одесская публичная библиотека.

Василий Матвеевич Лазаревский — фигура заметная: переводчик Шекспира, близкий друг Т. Г. Шевченко, помогавший ссылке поэту и радушно приветивший его после освобождения, товарищ Н. А. Некрасова по охоте, хороший знакомый М. Е. Салтыкова-Щедрина. Длительное время он был членом совета при Министерстве внутренних дел, а также членом совета при Главном управлении по делам печати и на этих постах оказал немало добрых услуг прогрессивной русской периодике¹¹. Обладая широкими связями, Лазаревский мог приобрести «Путешествие» у книгопродавца, к которым часто заходил, а мог и вытребовать его накануне отмены запрета на эту книгу Радищева из каких-либо государственных тайников для ознакомления, оставив ее потом в личном собрании. Тот факт, что экземпляр прекрасно сохранился, говорит в пользу последнего предположения. Я. Л. Барсков описал внешний вид одесского экземпляра «Путешествия» со слов знаменитого букиниста П. П. Шибанова, который видел его еще в Петербурге. А наследники Василия Матвеевича продали радищевское произведение популярному петербургскому антиквару В. И. Ключкову¹², славившемуся роскошными переплетами для раритетов. Ключков продал его крупному одесскому помещику и домовладельцу графу Михаилу Михайловичу Толстому, слышавшему видным библиофилом и меценатом.

При всей страсти к наживе Толстой немало способствовал культурному развитию родного города. Будучи многолетним попечителем публичной библиотеки, он ревностно заботился о пополнении ее фондов. Отчеты библиотеки за предреволюционное десятилетие показывают, что Толстой передал несколько тысяч книг, в том числе и редких. Так, в 1914 г. он пожертвовал библиотеке 526 томов, и среди них — «Российскую универсальную грамматику» Н. Г. Курганова, изданную в 1769 г., комплект новиковского журнала «Трутенъ» за январь — апрель 1770 г., «Басни и сказки» И. И. Хемницера, выпущенные в 1799 г.¹³ В разряд этих книг входило и «Путешествие», однако Толстой тогда еще не расстался с ним.

В разгар гражданской войны, когда Одессу дважды оккупировали войска Антанты и не раз менялись белогвардейские власти, бесчинствовавшие в городе, многие местные видные собиратели, опасаясь за свои книжные и рукописные коллекции, передали их на сбережение в публичную библиотеку. К услугам библиотеки прибег и Толстой, впоследствии эмигрировавший. Об этом свидетельствует как цитированная выше заметка, так и то, что в конце двадцатых годов, разбирая бумажные завалы, сотрудники библиотеки обнаружили ряд документов, принадлежавших Толстому и его брату. Они были переданы в созданный незадолго перед тем Краевой исторический архив (ныне — Государственный архив Одесской области)¹⁴. Вполне допустимо, что именно тогда, в 1918—1919 гг., библиотека получила от Толстого в качестве депозита и экземпляр «Путешествия из Петербурга в Москву» издания 1790 г., цену которому владелец хорошо сознавал, — ибо, как сказал однажды Демьян

¹¹ Большаков Л. Н. Літа невольничі.— Киев, 1971, с. 281—282.

¹² О В. И. Ключкове см.: Альманах библиофила.— Л., 1929, с. 264—269.

¹³ Отчет Одесской городской публичной библиотеки за 1914 г.— Одесса, 1915, с. 9—10.

¹⁴ Государственный архив Одесской области, ф. Р-1287, оп. 1, д. 4, л. 15, 44—49.

Бедный, можно не знать многого, но не знать, что каждая прижизненная книга Радищева — на вес золота, значит не знать ничего.

Пережив столь драматичную полуторавековую историю, хранившееся в Одессе первопечатное «Путешествие» стало жертвой гитлеровского разбоя, умножив счет невосполнимых культурных утрат, которые понесла страна в борьбе с фашизмом.

Одесса

Расул Гамзатов

* * *

Плод бессонниц моих и забот,
Книга, вот я беру тебя в руки.
Так, наверно, ребенка, рожденного в муке,
Мать впервые на руки берет.

Чем ты будешь, концом или славой?
Я держу тебя перед собой.
Так солдат гимнастерки обрывок кровавый
Поднимает, как знамя,— и в бой!

Перевод с аварского *Н. Гребнева*

Дела

мнубаше

С. А. АБРАМОВ И ЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТВОРЧЕСТВО»

Среди бесчисленного количества издательств, возникавших и зачастую тут же лопавшихся в первые послереволюционные годы, немногим суждено было оставить заметный след в истории русского книгоиздательского дела. К числу этих немногих, успевших за короткий срок существования приобрести собственный издательский «почерк», несомненно относится и «Творчество», основанное С. А. Абрамовым.

«Творчество» возникло в трудное для отечественного книжного дела время. В годы первой мировой войны выпуск книг сократился во всех участвовавших в ней странах, но особенно — в России: почти в три раза. Одним из первых декретов Советской власти был декрет о печати, однако книжный голод в стране был так велик, что понадобилось несколько лет, чтобы наладить нормальное снабжение населения книгами. Основной упор при этом делался на централизованную государственную систему книжного дела (Госиздат был создан уже в мае 1919 г.), но немалую роль играли и частные издательства. Отношение к ним менялось, менялись и условия их работы. В целом эти условия определялись тем, что как полиграфическая база, так и книготорговая сеть были национализированы. В 1919 г. была введена государственная монополия на бумагу, издания классиков монополизировались государством, им же контролировалась и идейная направленность печатающихся изданий. Однако М. Горький писал в декабре 1920 г., что «частные издательства можно поставить под самый строгий контроль, но в данный момент нет никаких оснований уничтожать их, а, напротив, следует широко использовать всю энергию, все знания делателей книг»¹. Из множества различных позиций по этому вопросу, дебатировав-

¹ Цит. по кн.: Витязев П. Частные издательства в советской России.— Пг., 1921, с. 59.

шихся в те годы, точка зрения Горького была, по-видимому, самой разумной. Именно в этом русле и развивались отношения молодой Советской власти с частными издательствами, особенно активизировавшимися в годы нэпа. При этом многие издательства (братьев Гранат, Кнебеля, Сабашниковых), включая и «Творчество», сотрудничали с Госиздатом как контрагенты.

В целом удельный вес частных изданий в книжной продукции составлял в 1922—1923 гг. соответственно 20 и 25% по количеству названий; по объему книг и тиражам он был меньше². Однако роль этих изданий в культурной жизни страны была велика, что особенно хорошо видно сейчас, спустя более чем полвека. Частные издательства печатали преимущественно произведения современных писателей (поэзию и прозу), детскую литературу, и, в особенности, книги по искусству. Такая избирательность не была случайной, она диктовалась объективными условиями работы, в которых находились Госиздат и частные фирмы. Обосновывая программу деятельности только что созданного Госиздата, его первый руководитель В. В. Воровский писал: «Крайняя нужда в бумаге и ведение физической борьбы на фронте и политической внутри страны вынуждает нас приурочивать все издаваемые произведения к тому политическому моменту, который мы переживаем. Конечно, в нашей литературе имеется масса вещей, которые мы с удовольствием переиздали бы и которые должны быть доступны широким массам, но мы должны давать только то, что удовлетворяет потребности читателей, что поможет вести им борьбу, и потому мы должны напрячь все силы, чтобы издаваемая литература служила пропагандой в самом широком смысле слова и облегчала бы широким массам восприятие новых идей, которые несет с собой революция и которые стремятся к преобразованию общества на новых коммунистических началах»³.

Действительно, в этих условиях Госиздат не мог уделить достаточного внимания тем направлениям книжного дела, где ведущее положение заняли частные издательства. В особенности это касалось художественных изданий с иллюстрациями, предъявлявших повышенные требования к качеству бумаги, совершенству техники и квалификации печатников. Для создания подобного рода книг от издателя-«частника» требовался особый энтузиазм, особая вера в непреходящее значение

² См.: Назаров А. И. Октябрь и книга.— М., 1968, с. 254.

³ Цит. по кн.: Динерштейн Е. А. Положившие первый камень.— М., 1972, с. 28.

художественных ценностей. Этот энтузиазм и эта вера должны были соединяться с незаурядными организаторскими способностями, без которых осуществить подобные издания было просто невозможно.

Всеми этими свойствами обладал С. А. Абрамов. «Творчество» выпустило немногим более двух десятков изданий и, если мы помним и любим их, значит они обладают достаточным своеобразием. Малое количество компенсируется в данном случае качеством. Действительно, среди книг, изданных Абрамовым,—сборники стихов Федора Сологуба, М. А. Волошина, К. Д. Бальмонта. Это не случайный подбор книг, а широко задуманная серия сборников современных русских поэтов. Среди художников, иллюстрировавших абрамовские издания,—С. В. Чехонин, Д. И. Митрохин, В. Д. Фалилеев, В. Д. Замирайло, Н. Н. Купреянов. Это опять же не случайный ряд имен, а попытка привлечь к постоянному сотрудничеству лучших русских графиков революционных лет. Среди художественных журналов того времени два («Русское искусство» и «Москва») выпускались «Творчеством», причем эти два журнала принадлежат к наиболее значительным изданиям подобного типа в первые годы Советской власти. Если даже ограничиться простым перечислением имен, связанных с «Творчеством» писателей, художников, искусствоведов и критиков,—сразу станет ясно: можно спорить о значении того или иного абрамовского издания, но бесспорно значение издательства, объединявшего в трудные годы выдающихся представителей русской творческой интеллигенции. Оно дало им не только заработок (что в те годы было далеко не просто и отнюдь не маловажно), но и возможность публиковаться. Здесь в известной мере на страницах абрамовских изданий у представителей творческой интеллигенции, связанных с ними, кристаллизовалось мироощущение, отвечавшее новой, послереволюционной эпохе.

Кто же был «редактор-издатель» «Творчества» Абрамов? О нем и его издательстве нет ни одной статьи. Лишь две лирические страницы посвятил ему В. Г. Лидин в своей известной книге⁴, да об абрамовских журналах (среди прочих) написал В. Сахаров в статье, которая быстро затерялась в потоке журнальных публикаций⁵.

Соломон Абрамович Абрамов (1884—1957) родился в г. Могилеве, учился в коммерческом училище в Гомеле, а затем

⁴ См.: Лидин В. Г. Друзья мои книги.—М., 1966, с. 95, 96.

⁵ Сахаров В. Художественные журналы первых лет революции.—Декоративное искусство СССР, 1969, № 141, с. 44—47.

окончил филологический факультет Казанского университета, бывшего в ту пору одним из центров гуманитарного образования в России. Свою издательскую деятельность он начал в Киеве в последние предреволюционные годы массовым выпуском открыток, в том числе с портретами виднейших современных писателей и краткими сведениями о них. Начинание это носило явно просветительский характер. Перебравшись в Москву в 1916 г., Абрамов задумал основать издательство, специализирующееся на выпуске книг по искусству и поэзии. Марку издательства нарисовал Л. С. Бакст, живший в те годы в Париже. В архиве Абрамова сохранилось сопроводительное письмо Бакста от 4 октября 1916 г. к проекту марки:

«Милостивый государь!

Получив <...> заказ на марку издательства «Творчество», спешу выслать Вам рисунок. Я не мог выбрать другой символ для разнovidного художественного творчества кроме Аполлона, покровителя художественного творчества. Надеюсь, что рисунок Вам понравится»⁶.

Рисунок понравился, марка работы Бакста стоит на всех изданиях «Творчества». Первым из них была сказка А. М. Ремизова «Сторона небывалая» с рисунками Д. С. Моора. Это был комплект из шести красочных открыток в обертке, на которой печатался текст сказки.

Дальнейшие издания «Творчества» делятся по своему характеру на три группы: поэтические сборники; литературно-художественные альманахи («Творчество») и журнал «Москва»; книги по искусству и журнал «Русское искусство».

Наиболее многочисленной была группа поэтических сборников, в которую наряду с упоминавшимися изданиями входили книги В. Я. Брюсова, А. П. Глобы, С. Я. Парнок, К. А. Липскерова и самого Абрамова. Большинство сборников вышло в серийном оформлении, одного формата (18×15 см), в цветных обложках, рисованных В. Н. Левитским. К этим изданиям примыкала также книжечка Волошина о Верхарне (М., 1919), содержавшая обширную статью и ряд стихотворных переводов. Из перечисленных сборников наиболее удачным следует, пожалуй, признать «Иверни» Волошина (М., 1918). «Иверни» включали лучшие стихи поэта (составлял книжку сам автор), и на протяжении последующих 60 лет этот сборник являлся ценным источником знакомства советских читателей с поэзией Волошина: другие его книги были весьма малотиражными. «Иверни» были изданы в двух вариантах: на бумаге

⁶ ОР ГБЛ, фонд 1, к. 1, ед. хр. 1.

«верже» и на обычной. Обложка работы Чехонина, предназначенная для «Художественной библиотечки „Творчества“», также отличала этот сборник.

В письме к издателю из Коктебеля 19 июля 1918 г. Волошин писал:

«Многоуважаемый Соломон Абрамович,

Получил 20 экз. „Иверней“. Очень благодарю. Издание имеет вид очень приличный: особенно, что на белой бумаге, и текст, сколько я успел просмотреть, вполне исправен. (Но вместо опечаток есть другая типографическая погрешность: в нескольких стихотворениях перемешан порядок строчек и одни строки заменены другими).

Наружность „Иверней“ мне нравится, но, к сожалению, обложка Чехонина производит впечатление очень уменьшенной... Нехорошо уменьшительная форма Библиотечка вместо Библиотека.

Больше буквально не к чему придраться.

Что касается дальнейших изданий Художественной библиотеки, то я Вам могу предложить только книжку о Поле Клоделе, куда войдут перевод его трагедии „Отдых седьмого дня“ и оды „Музы“ и статья⁷.

Книга о Клоделе в свет не вышла. Вне серии спустя год появилась упоминавшаяся уже работа о Верхарне. На этом история творческих контактов Абрамова с Волошиным не кончилась, хотя «Верхарн» был последней книгой Волошина, которую выпустил издатель.

В «Художественной библиотечке „Творчества“» вышло еще одно примечательное издание: это была первая книга известного впоследствии советского писателя Б. Пильняка «С последним пароходом» (М., 1918).

Во вторую группу мы объединяем, так сказать, смешанные издания: альманахи «Творчество» (вышло два выпуска для взрослых и два детских) и журнал «Москва».

Альманахи «Творчество» (№ 1, 1917 и № 2, 1918), детские альманахи «Творчество» (№ 1—2, 1917) — в сущности, первые книжные издания Абрамова. В них ощущается еще неопытность издателя (особенно в детских альманахах), что сказывается и в несколько случайном подборе авторов и в эклектичном характере оформления. Однако уже в этих альманахах собираются будущие постоянные «абрамовские» авторы и художники: Блок, Брюсов, Гумилев, Сологуб, Волошин, Ремизов, Пильняк, Левитский, Митрохин, Чехонин, Замирайло. В альманахах печатаются также И. А. Бунин, А. И. Куприн,

⁷ ОР ГБЛ, ф. 1, к. 2, ед. хр. 13.

А. Н. Толстой — издатель удивительно быстро осваивается в столичной художественной среде.

Одновременно с альманахами Абрамов приступает к изданию журнала «Москва» (№ 1—7, 1918—1922), на котором уже с самого первого номера лежит печать индивидуальности издателя. Этот литературно-художественный журнал представлял собой одно из наиболее замечательных и в высшей степени своеобразных издательских начинаний Абрамова. На его страницах печатались стихи и проза Блока, Брюсова, Бальмонта, Есенина, Вяч. Иванова, Мандельштама, Кузмина, Ремизова, Замятина, искусствоведческие и критические эссе А. М. Эфроса, Я. А. Тугендхольда, П. П. Муратова, П. Д. Эттингера, Э. Ф. Голлербаха. Страницы журнала украшались гравюрами В. Д. Фалилеева, Н. Н. Купреянова, В. А. Фаворского, В. Н. Масютина, А. П. Остроумовой-Лебедевой, А. И. Кравченко, рисунками Д. И. Митрохина, В. Д. Замирайло, С. В. Чехонина, И. И. Нивинского, В. Н. Левитского.

Журнал выходил в формате 31×25 см на 16 страницах без обложки. Печатался он (как и многие другие издания Абрамова) в двух вариантах: на обычной бумаге и на «верже». Выходил журнал крайне нерегулярно (7 номеров за 5 лет). Он был разнообразно иллюстрирован. В любом другом издании воспроизведенные на одном развороте рисунки Розановой, Чехонина, Митрохина, Кандинского («Москва» № 3, с. 6—7) резали бы глаз, а в «Москве» это воспринимается естественно: в этом дух журнала интеллигентно-домашнего, если угодно, камерного.

Заслуживает специального упоминания роль журнала в развитии советской гравюры. «Москва» была первым журналом, где гравюры печатались с досок художников. В этом смысле она проложила путь замечательным советским изданиям с гравюрами двадцатых годов.

Абрамов был не только издателем, но и редактором журнала. Он не просто «собирал» рукописи и графику для журнала, но и активно участвовал в работе над ними. Такой уже признанный в то время мастер как Е. И. Замятин писал Абрамову 9 мая 1923 г.: «... Посылаю также корректуру рассказа. Предлагаемое Вами изменение текста в конце — меняет всю соль рассказа. Я только слегка смягчил конец. Если в таком виде не пройдет — не печатайте рассказа совсем, беды не будет. А я через некоторое время дам Вам для „Москвы“ другой рассказ»⁸.

⁸ ОР ГБЛ, ф. 1, к. 2, ед. хр. 23.

В целом, несмотря на некоторый эклектизм, журнал «Москва» представлял собой несомненно примечательное явление в периодике первых послереволюционных лет. Своеобразие этого издания обеспечило ему успех в свое время (известный художник круга «Мира искусства» А. А. Арнштам писал из Петрограда Абрамову 7 марта 1919 г., что ищет и не может найти вышедшие номера). Сейчас номера журнала стали большой редкостью, а комплекты известны в считанном количестве экземпляров.

Переходя к третьей группе изданий «Творчества», изданиям по искусству, необходимо сделать сразу важное разъяснение. Само «Творчество» выпустило всего две книги: «Живопись Кончаловского» Муратова (М., 1923) и «Первый музей новой западной живописи» Тугендхольда (М.; Пг., 1923), журнал «Русское искусство» (№ 1—3, 1923), да каталог выставки Фалька (1924). Деятельность Абрамова в этом направлении была гораздо шире и плодотворнее, но протекала частично под маркой Госиздата. Наряду с монографией о П. П. Кончаловском С. А. Абрамов задумал и частично осуществил издание серии художественных монографий о мастерах круга «Мира искусства», «Союза русских художников» и других направлений. В их число должны были входить книги, посвященные А. Н. Бенуа, М. В. Добужинскому, Е. Е. Лансере, К. П. Петрову-Водкину, М. С. Сарьяну, К. Ф. Богаевскому, М. В. Нестерову, А. А. Маневичу, Г. И. Нарбуту. Вышли в свет под редакцией Абрамова монографии С. Р. Эрнста и А. Н. Бенуа об Остроумовой-Лебедевой, Н. И. Романова о Фалилееве, А. М. Эфроса и Н. Н. Пунина о Чехонине, М. А. Кузмина и В. В. Воинова о Митрохине. Эти книги полностью готовились к печати Абрамовым на договорных началах для Госиздата. В проекте договора «контрагента» (в этой роли выступало книгоиздательство «Творчество») с Госиздатом предусматривалось, что на шмуцтитуле этих изданий будет стоять марка «Творчества», а во всех остальных местах (титул, задняя сторонка обложки и т. д.) — марка ГИЗа⁹. Впоследствии книги, ставшие классикой советского искусствоведения, вышли только под маркой ГИЗа, правда, с указанием на то, что художественная редакция принадлежит Абрамову. Фактически ГИЗ представлял материальную базу для этих изданий, осуществлял же их полностью — от замысла до типографии — Абрамов.

⁹ Центральный государственный архив Октябрьской Революции (далее — ЦГАОР), ф. 395, оп. 10, ед. хр. 172, л. 58—59.

Начнем с изданий «Творчества». Вместе с журналом «Москва» «Русское искусство» явилось одним из наиболее заметных издательских начинаний Абрамова. Журнал был задуман и осуществлен как советский наследник предреволюционного «Аполлона» — ведущего русского журнала 1909—1917 гг. по искусству. В отличие от «Москвы» «Русское искусство» представляло собой не библиофильски-эстетское «домашнее» издание — это был специализированный, богато иллюстрированный художественный журнал большого объема (свыше 100 страниц текста при формате 30×24 см) «по вопросам живописи, графики, гравюры, зодчества, скульптуры, литературы, театра, музыки, танца, народного творчества (крестьянского искусства) и художественной промышленности» — как говорилось в рекламе журнала. Журнал должен был выходить шесть раз в год, но были напечатаны довольно значительным для того времени тиражом 3000 экз. только две книжки (№ 1 и 2—3). Однако и они представляют собой заметное явление в советской искусствоведческой литературе тех лет. Программа журнала была сформулирована в редакционном вступлении к первому номеру: «... далекое от простого собирательства и эклектизма, „Русское искусство“ будет отображать наше современное художественное бытие в его целом, закреплять — как документы — наиболее яркие его явления, к какому бы из противоборствующих станов они не относились. Твердо стоя на почве признания нашей революционной современности, со всеми ее новаторскими порывами, и приглядываясь к буйным побегам ее молодого искусства — журнал, в то же время, будет беречь лучшие художественные страницы прошлого и по-новому вчитываться в них»¹⁰. И надо сказать, что вышедшие номера журнала в значительной степени отвечали поставленным задачам. В центре внимания журнала было изобразительное искусство, прежде всего живопись. Статьи, опубликованные в двух вышедших книжках журнала, свидетельствуют о широком, но отнюдь не эклектичном подходе редакции к отбору публикуемого материала. Из пестрой картины художественной жизни начала двадцатых годов отобрано и проанализировано творчество действительно первоклассных мастеров: Петрова-Водкина, Кончаловского, Кузнецова, Фалька, петербургских «левых» — Татлина и Малевича, а из графиков — Чекрыгина, Нарбута и Фаворского. Если учесть, что журнал вовсе не предполагалось остановить на третьем номере, то надо признать, что отбор имен был произведен с большим вкусом. И это не случайно, ибо к

¹⁰ Русское искусство, 1923, № 1, с. 7.

сотрудничеству в журнале были привлечены лучшие искусствоведческие силы: уже знакомые нам имена «абрамовского» круга — Муратов и Голлербах, Эфрос и Тугендхольд, а также А. В. Бакушинский, Д. Е. Аркин, Н. Н. Пунин, М. С. Шагинян. В журнале опубликованы также статьи по древнерусскому и народному искусству таких ведущих специалистов, как И. Э. Грабарь и В. С. Воронов, и работы по прикладному искусству, театру, музыке. В качестве литературных критиков на страницах журнала выступали Мандельштам и Замятин. Большую роль играл отдел хроники и библиографии, дававший информацию не только о столичных выставках, но и о художественной жизни провинции, о музейной работе, новых изданиях по искусству и т. д.

Своеобразное место в ряду абрамовских изданий занимает книжка Тугендхольда «Первый музей новой западной живописи». Музей этот, как известно, возник в результате национализации Советской властью знаменитой Щукинской коллекции, главным образом, французской живописи — импрессионистов и постимпрессионистов. С книжки Тугендхольда началось освоение коллекции советским искусствоведением. Понятно большое научно-просветительское значение этого издания, выпущенного как первая книга в задуманной Абрамовым серии «Новое западное искусство в русских государственных музеях». Книга была издана прекрасно, на любимой Абрамовым бумаге «верже», с отличными цветными вклейками.

Подготовленные Абрамовым и вышедшие в «Творчестве» и ГИЗе монографии о Кончаловском, Остроумовой-Лебедевой, Фалилееве, Митрохине и Чехонине представляют собой вершины советской книги по искусству 20-х годов¹¹. Как подбор художников, о которых писались эти книги, так и соответствующий подбор авторов статей свидетельствовал о тонком вкусе издателя. Оформление книг было продумано и осуществлено на высоком полиграфическом уровне. Что касается репродукций, то ни в одном из позднейших изданий, посвященных тем же художникам (за исключением, пожалуй, Кончаловского) такое качество репродукций уже не было достигнуто. В особенности это касается гравюр Остроумовой-Лебедевой и Фалилеева, воспроизведенных почти факсимильно (некоторые из гравюр Остроумовой печатались с авторских досок). Высокий полиграфический уровень этих изданий определялся не какими-либо особыми возможностями (которых не было) или

¹¹ В один ряд с этими книгами можно поставить также подготовленную Комитетом популяризации художественных изданий и изданную ГИЗОМ монографию В. В. Воинова о Кустодиеве (М., 1926).

малыми тиражами (которые были по тем временам не так уж малы: 5—6 тыс. экз.), а исключительно усилиями и способностями Абрамова. Как отмечалось в докладной записке одного из ГИЗовских служащих («заведующего столом контрагентов»), «контрагентство в лице т. Абрамова проявляет большой натиск, колоссальную требовательность и настойчивость...»¹² В каких трудных условиях приходилось в те годы работать, можно судить по письмам Абрамова и Митрохина. 16 января 1924 г. Абрамов пишет в Госиздат: «Я создал для Госиздата 4 монографии... являясь не только их творцом, редактором и художественно-техническим исполнителем, но и взяв на себя... еще и финансовые тяготы по их изданию». «Мне приходилось и приходится вкладывать на организационные расходы личные средства...»¹³

Монографию о Митрохине составляли петроградцы, и живший в Петрограде Митрохин 8 сентября 1920 г. сообщил Абрамову¹⁴: «Пишут текст М. А. Кузмин, А. Я. Левинсон¹⁵ и В. В. Воинов. Когда они сдадут статьи—одному Богу известно. М. А. Кузмин принялся за это ретиво, что меня сначала очень обрадовало (Вы знаете, как я люблю его как писателя), попросил авансом 3000 р. и обещал через 10 дней принести готовую статью. Прошел уже месяц—статьи, конечно, нет»,— и дальше о себе:

«Я могу работать только при человеческой обстановке: холод, голод и физическая усталость подавляют меня совершенно. И монография, может быть, действительно, выйдет своевременно, чтоб напомнить о Митрохине, бывшем художнике, не высказавшем всего, что наполнял мозг, ибо—раздавленным лишениями и переутомленным».

«Вы давно что-то, дорогой С. А., не были в Пб., очень было бы приятно увидеться с Вами. Ведь Вы, надеюсь, такой же бодрый и энергичный, как и прежде».

Такие дружеские и теплые слова—не редкость в письмах художников и поэтов к Абрамову. Письма Митрохина, Фалилеева, Глобы, Волошина к Абрамову написаны как к человеку своего круга, человеку искусства.

В конце 1922 г. монография о Митрохине вышла в свет, и 10 декабря Митрохин пишет Абрамову: «... двухлетние Ваши труды закончились блестяще: книга производит прекрасное

¹² ЦГАОР, фонд 395, оп. 10, ед. хр. 137, л. 130.

¹³ Там же, ед. хр. 172, л. 94.

¹⁴ ОР ГБЛ, фонд 1, к. 2, ед. хр. 30, л. 2, 3.

¹⁵ Статья Левинсона в книгу не вошла.

впечатление. Это не только мое мнение, но и всех, кто ее видел»¹⁶.

В числе запланированных, но так и не вышедших в свет абрамовских монографий была книга М. А. Волошина о Сарьяне. В связи с ее подготовкой Волошин в 1923—1928 гг. не раз писал Абрамову. 2 декабря 1923 г., принимая предложение о составлении монографии, Волошин сообщает о своем желании (так и не осуществившемся) съездить в Эривань (Ереван.— М.Р.): «... хочется повидать и Сарьяна, и Армению („Советская Армения“ Мариэтты Сергеевны очень заинтересовала). Хочется написать и о том, и о другом»¹⁷.

Из письма Волошина от 5 сентября 1924 г. мы узнаем и о других не состоявшихся издательских планах Абрамова: «Монография о Сурикове и статья о Бенуа оставлены для Вас в Москве»¹⁸ ... Статья о Бенуа предназначалась, возможно, для очередного номера «Русского искусства».

Не надолго пережило журнал и книгоиздательство «Творчество». Оно перестало существовать в 1924 г. С «Творчеством» связаны годы наиболее плодотворной деятельности Абрамова. В течение нескольких лет он успел не только войти в литературно-художественные круги Москвы, а отчасти и Петрограда, но и стать в них заметной фигурой.

Для полноты картины интересно добавить, что издательская работа не исчерпывала творческих усилий Абрамова. Так, в 1920 г. он создает «Школу изобразительных искусств» — интернат для художественно одаренных детей, которых специально разыскивал по детским домам. Школа находилась в бывшем имении князя Голицына «Большие Вяземы». Преподавали там Н. П. Ульянов, В. Д. Фалилеев. Начинание это было настолько заметным, что в 1921 г. делегаты проходившего в Москве III конгресса Коминтерна совершили специальную ознакомительную поездку в школу.

В конце 20-х — начале 30-х гг. Абрамов организует по разработанной им программе цикл концертов, посвященных Пушкину. Не прекращается и издательская деятельность Абрамова: издания по искусству и поэзии стали делом всей его жизни. В 1926—1928 гг. Абрамов выпускает известную серию поэтических сборников с маркой издательства «Узел», гравированной Фаворским. Среди этих книжек — сборники стихов Б. Л. Пастернака, Б. К. Лившица, В. А. Луговского, П. Г. Антокольского и других поэтов, из них четырнадцать книг вышли в едином оформлении, в одном общем футляре.

¹⁶ ОР ГБЛ, фонд 1, к. 2, ед. хр. 30, л. 4.

¹⁷ Там же, к. 1, ед. хр. 18.

¹⁸ Там же.

В том же 1926 г. Абрамов организует на кооперативных началах совместно с Грабарем, Кончаловским, Эттингером и Юоном «Московское художественное издательство» (МХИ). Марку издательства выполнил Фаворский. Заметными изданиями МХИ были книги А. К. Виноградова «Мериме в письмах к Соболевскому» (1928) и сборник «Советский фарфор» (1927). Особенно интересна книга Виноградова, где впервые опубликованы найденные автором письма «французского классического писателя к интереснейшему русскому корреспонденту»¹⁹.

В 1929 г. издательство выпустило книгу «Вятская лепная глиняная игрушка» в рисунках А. И. Деньшина. Текст к книге писал Бакушинский, обложку рисовал Чехонин. Книга представляла собой первый (и, к сожалению, единственный) выпуск затеянной Абрамовым серии «Русская народная игрушка». В письме А. Н. Бенуа Кандаурову сохранился его восторженный отзыв об этом издании²⁰.

Однако время частных издательских начинаний прошло. Прекратило существование и МХИ. В дальнейшем Абрамов работает в различных государственных издательствах. Еще в 1926 г. он выпускает совместно с Грабарем сборник «Вопросы реставрации» (№ 1). В 30-х годах Абрамов пытается впервые в СССР наладить выпуск комплектов художественных открыток. Он предлагает составить «Маленькую художественную библиотечку ИЗОГИЗа», включающую комплекты открыток с репродукциями картин Третьяковской галереи, Музея изобразительных искусств и т. п. с пояснительными текстами к ним. Каждый такой комплект предполагалось выпускать в специальном футляре. Ставший ныне привычным миллионам советских людей этот тип издания не получил широкого распространения в те годы.

К числу осуществленных под руководством Абрамова в 30-х годах изданий относятся известные альбомы «Коро в музеях СССР» (1938), «Музей нового западного искусства» (1935) и ряд других. Однако это уже совсем иные издания. Книга тридцатых годов, как предвидел А. М. Эфрос, — «это книга иных масштабов, иных форм и иного назначения»²¹.

¹⁹ Письмо Виноградова Грабарю в кн.: «Грабарь. Письма. 1917—1941». — М., 1927, с. 347.

²⁰ ОР ГБЛ, ф. 1, к. 1, ед. хр. 3.

²¹ Москва, № 2, 1919, с. 15.

ФРАНЦУЗСКАЯ ВСЕОБЩАЯ БИБЛИОТЕКА РОМАНОВ

Восемнадцатое столетие во Франции, да и во всей Европе, было эпохой бурного развития книгоиздательского дела, непрерывной дифференциации книжной продукции. Это было время яркого расцвета журналистики. Серьезный, «энциклопедический» журнал соседствовал с легким «Журналом для дам» с неприменной модной картинкой в конце, а острополемический «За и против» (его, как известно, выпускал аббат Прево, знаменитый автор нашумевшего романа «Манон Леско») — с издававшимися иезуитами так называемыми «Мемуарами Треву».

Передовая журналистика XVIII в., в которой столь деятельное участие принимали философы-энциклопедисты (Вольтер, Дидро, Даламбе, Руссо и др.), жила интересами того времени и при этом была нацелена в будущее. Но существовали и издания, которых, казалось бы, интересовало только прошлое. «Копаясь» в прошлом, причем нередко достаточно далеко и основательно забытом, журналы эти тоже по-своему «работали» на будущее. Вклад их в развитие литературы и книжного дела на первый взгляд — невелик, он может быть понят и верно оценен лишь ретроспективно; мы знаем, какие плоды принесли эти скромные ежемесячные публикации, печатавшиеся на далеко не лучших сортах бумаги и не украшавшиеся гравюрами и изысканными переплетами, на что столь щедр был тот век.

Вот об одном из таких журналов и пойдет речь. Ученые стали заниматься им всерьез только в наши дни. Читатели же перечитывали его и долго хранили в своих библиотеках.

И в этом нет ничего удивительного. Издание это, назовем же его, наконец, — Всеобщая библиотека романов — привлекало не изысканностью оформления и не высоким литературным мастерством, а беспрецедентным своеобразием поставленных перед ним задач — представить читателям во всей полноте и

своеобразии романы всех времен и народов. Задача поистине грандиозная и для того времени назревшая.

Как же конкретно воплощалась в жизнь эта задача, какова была судьба этого издания?

Всеобщая библиотека романов выходила в свет с июля 1775 по январь 1789 г. Издавалась Библиотека в Париже у издателя Лакомба, продавалась там и рассылалась подписчикам во многие города провинции. Относительно большой для того времени тираж и не слишком высокая цена годовой подписки (три ливра) способствовали популярности издания, причем не только в самой Франции, но и за ее пределами. Известно, например, что почти полное собрание Всеобщей библиотеки было среди личных книг А. С. Пушкина.

Правда, надо сказать, что приблизительно с 1779 г. популярность Всеобщей библиотеки уменьшается настолько, что издатели вынуждены были снизить стоимость годовой подписки до двух ливров. Но и эта мера ни к чему не привела, тираж продолжал падать, и вернуть успех, которым пользовалась Библиотека в 1775—1778 гг. уже было невозможно. Причины этого кроются, в частности, в снижении уровня самой Всеобщей библиотеки.

Создателем, генеральным директором и редактором Библиотеки был Антуан Рене де Вуайе д'Аржансон, маркиз де Польми. Так как его положение в обществе не позволяло ему открыто ставить свое имя под изданием, он воспользовался для этого именем Жана Франсуа де Бастида, известного тогда журналиста «Французского Меркурия». Кроме него в издании Всеобщей библиотеки принимали участие литераторы граф де Трессан, Кардонн, Контан д'Орвиль, Кушю, аббат Купе, Имбер, Легран д'Осси, Мейер и Пьонсине де Сиври.

Первый том вышел в июле 1775 г. Он открывается своего рода введением, написанным Польми, «Перспектусом», где говорится о задачах Всеобщей библиотеки и об истории жанра романа на протяжении веков. Роман определяется там как «основной и вечный жанр». Польми формулирует свою задачу так: «Передать душу и разум романов, превратив их в „миниатюры“».

За «Перспектусом» следует «Предупреждение», где рассказывается о том, как и по каким дням будут выходить выпуски Всеобщей библиотеки: 1 числа каждого месяца и 15 числа — в январе, апреле, июле и октябре. Таким образом, всего 16 выпусков в год, по два выпуска в томе. Нумерация томов была единой с самого начала издания и до его конца. Это «обещание», в отличие от других, неуклонно выполнялось, и выпуски выходили довольно точно. Есть только один случай

нарушения: в январе 1781 г. соответствующий, сорок пятый том не вышел, и этот номер получил уже следующий том, объединяющий выпуски за февраль и март.

Кроме того, в «Предупреждении» говорится о составленной издателями классификации романов. Всего ими было выделено восемь классов: «1. Романы греков и римлян. 2. Романы рыцарские. 3. Романы исторические. 4. Романы о любви. 5. Романы духовные, моральные и политические. 6. Романы сатирические, комические и буржуазные. 7. Исторические новеллы и сказки. 8. Романы о чудесах».

В дальнейшем эта классификация претерпела очень много изменений, классы стали называться иначе, появились и новые. В каждом томе по первоначальному замыслу должны были быть представлены все восемь классов: I—IV — в первом выпуске, и V—VIII — во втором.

Такое деление соблюдается только в трех первых томах. В четвертом томе, декабрьском выпуске, уже отсутствует роман VI класса, но, правда, с извинениями издателей по этому поводу и оправданием, что они не успели подготовить к этому выпуску намеченный роман Скаррона. И в следующем томе, январском выпуске, «Комический роман» действительно опубликован: 58 страниц отведено непосредственно тексту, 42 посвящены описанию творчества Скаррона. Но скоро такие пропуски из исключения становятся правилом, в томе 7 (апрель 1776 г.) уже безо всяких извинений отсутствуют III, IV и VIII классы, в томе 8—VI класс, в 10—II класс, второй выпуск 17 тома (июль 1777 г.) весь посвящен истории «Вечного жида» (V класс—романы духовные, моральные и политические), а в томе 20 ноябрьский и декабрьский выпуски отведены «Истории Роланда» (в основном, это пересказ «Неистового Роланда» Ариосто).

Постепенно нарушается задуманная издателями стройная композиция и выпусков и томов. Особенно ярким примером может послужить 29 том Библиотеки, где классов уже нет вообще, а просто помещены письма друг к другу де Дерваля и де Сансея, письма-рассуждения о любви, о женщинах, о смысле жизни.

С 94 тома (апрель 1787 г.) романы, публикуемые во Всеобщей библиотеке, вообще перестают делиться на классы. Тома перестают делиться на выпуски, а если деление и осуществляется, то делается это чисто формально. Иногда титульный лист второго выпуска помещается в середине какого-нибудь романа.

В томе 107 титульного листа первого выпуска нет вообще, нет и оглавления. Но и в тех томах, где оглавление еще

присутствует, оно часто перестает соответствовать постранично-му расположению произведений.

Одним из важнейших факторов, способствовавших падению интереса читателей к изданию, был уход из Библиотеки графа Польми, после его ссоры с Трессаном (Польми сделал много поправок к подготовленному им «Амадису Галльскому», с которыми Трессан не согласился). Издание полностью попадает в руки Бастида, который уже не смог с декабря 1778 г. выдержать во Всеобщей библиотеке первоначальный тон, заданный прежним ее директором, так как не обладал достаточной образованностью и литературным вкусом. Польми увел с собой и д'Орвиля и с 1780 г. начал вместе с ним издавать новую серию, конкурирующую с Всеобщей библиотекой — «Смесь, извлеченная из большой библиотеки».

Надо сказать, что одна из причин снижения уровня публикуемых произведений крылась уже в самом понимании слова «роман». Директора издания понимают слово «роман» в самом широком смысле: они принимают любой повествовательный текст. Этот принцип открывал широкую дорогу для небольших, зачастую бездарных произведений, главное в которых было — занимательность, часто довольно относительная. Из тома в том таких произведений становилось все больше и больше, особенно — после ухода Польми и д'Орвиля.

Но наряду с занимательными новеллами, в основном — с любовной тематикой, вплоть до последних месяцев существования Всеобщей библиотеки в ней продолжают публиковаться и замечательные произведения, хорошо известные сейчас. Появились «Золотой осел», «Дафнис и Хлоя», новеллы из «Гептамерона», «Принцесса Клевская», «Гаргантюа и Пантагрюэль», эпизоды из «Божественной комедии» Данте (в основном — «Ад»), «Удачливый крестьянин» Мариво, «История Тома Джонса — найденьша», «Фьезоланские нимфы» и др. Как справедливо отмечает Ван Тигем, «что касается иностранных произведений, эта широкая коллекция вполне достойна внимания: она возродила или заставила узнать лучше важные фрагменты из самых различных авторов».

Но рядом с этими шедеврами мировой литературы на страницах Библиотеки часто фигурируют действительно «карикатуры» на романы, пошлые рассказы о страстях, основательно сдобренные средневековым и восточным колоритом. И с каждым годом их становится все больше. Содержание Всеобщей библиотеки становится все более неровным, в одном и том же томе могут соседствовать и тщательно откомментированные диалоги Лукиана и анонимная новелла о «Скале безнадёжной любви».

В начале своего существования Библиотека давала подробный исторический литературоведческий комментарий публикуемых романов. Постепенно комментарий исчезает, и романы начинают печататься просто один за другим, иногда без указания имени автора.

Это часто касается и значительных произведений. Так, например, «Том Джонс» опубликован без указания времени написания, не сказано даже, что он принадлежит Филдингу. Издатели ограничились лишь словами «Перевод с английского». А про опубликованный в 107 и 108 томах роман Голдсмита «Векфильдский священник» не сказано даже этого, и назван почему-то «сказкой». Ни имени переводчика, ни каких бы то ни было иных замечаний не встречаем мы и при опубликованной в Библиотеке повести «Дартула», одной из частей знаменитых «Песен Оссиана» Макферсона. Сопоставление текстов показало, что изданный в Библиотеке перевод не принадлежит перу известного переводчика Макферсона — Ле Турнера. Но чей же он? Это так и остается загадкой.

Лишь в одной области Всеобщая библиотека романов сумела сохранить уровень первых выпусков — в популяризации рыцарских романов, осуществляемой графом Трессаном. Именно этим издание справедливо заслуживает специальных исследований, именно эти публикации принесли ему европейскую славу. К «рыцарским романам» Трессан относил не только романы как таковые; во втором классе выходили и рассказы о Гильоме Оранжском, и «деяния» Карла Великого, но, конечно, главное место в них занимали повествования о рыцарях короля Артура, о Тристане и Изольде, о любви Ланселота к Гиневре и др. Вплоть до 30-х годов XIX в. Всеобщая библиотека оставалась чуть ли не единственным изданием, которое познакомило европейского читателя со всеми этими произведениями. Пусть уровень их издания был не всегда достаточно высок, пусть текст древнего памятника не всегда воспроизводился верно, а комментарий не всегда находился на должном научном уровне, пусть этот раздел серии, как и другие, тоже в конце концов ухудшился и дошел до публикации лубочных «рыцарских» рассказов XVII века, вклад Трессана в развитие только зарождавшейся тогда европейской медиевистики поистине огромен.

Заслуги Всеобщей библиотеки романов в популяризации литературного наследия прошлого, несомненно, очень велики. Но качество, как мы пытались показать, неуклонно снижалось и восстановить его было уже невозможно. В 1789 году Библиотека прекратила свое существование, и именно эта дата нам кажется не случайной. Дело не только в снижении

уровня самих романов. Читателя уже переставала интересовать восточная экзотика и салонная любовь. Франция, да и вся Европа, начинала жить другими интересами, подчиняясь зову идей, материализовавшихся 14 июля на площади перед Бастилией.

Борис Куняев

МАШИНА ВРЕМЕНИ

Дом без книги—пещера, не дом.
От облаков, от солнца отрезан.
Старые книги пахнут вином.
Новые книги пахнут железом.

На переплетах—созвездий пыльца.
Теснятся тома от края до края.
Одни—в мороз согревают сердца,
Другие в пламени не сгорают.

Слушаю шелест забытых страниц.
И воскресает знакомое что-то:
То неземные повадки птиц,
То вдруг чугунная поступь пехоты.

Вчитаюсь—и исчезает строка:
Иду, лечу по волшебному следу.
Я—воин, сражаюсь в рядах Спартака.
Я—пахарь, с ученым веду беседу.

Все страны, все люди, все времена
Протянули ко мне незримые нити...
Машина времени—вот она!
Только обложку, как дверь, распахните!

М. Брыль

СТЕПАН НОС — ПРОСВЕТИТЕЛЬ И КНИГОПРОДАВЕЦ

Это был самоотверженный человек, поражавший своей многогранной деятельностью. Степан Данилович Нос — представитель прогрессивной украинской интеллигенции, которая в самодержавной России трудилась во имя расцвета народной культуры.

Врач по профессии, Степан Данилович после окончания медицинского факультета Киевского университета работал добровольцем в госпитале во время Крымской войны.

Прослужив около года в Харькове после демобилизации, он в октябре 1858 г. стал лекарем Черниговской врачебной управы. Она состояла из врача, акушера и инспектора, и вся тяжесть легла на его плечи. Несмотря на это, он не только хорошо лечил, но и много сил отдавал научно-исследовательской и литературной работе, общественной и культурно-просветительной деятельности, чем завоевал популярность среди жителей Чернигова и за его пределами.

Степан Нос стал и видным фольклористом. Неустанно собирая народные песни, легенды, сказки, поговорки, пословицы и предания, он широко пропагандировал их в местной газете, публиковал в сборниках, вел фольклорные и этнографические исследования. Об этой стороне деятельности Носа свидетельствуют хранящиеся в киевских архивах свыше шестнадцать тысяч рукописных страниц с его фольклорными записями. Некоторые его стихи, рассказы и повести о жизни крепостных крестьян были напечатаны.

Перу Степана Даниловича принадлежат научно-популярные работы по народной медицине. Он ввел в научный медицинский обиход ряд народных средств, в том числе горичвет, который остался в сегодняшней фармакологии. В 1894 г. Нос написал трактат «О народной медицине южноруссов и об употреблении народом горичвета против серьезных скоплений в бронхах (водянки)».

Степан Нос был страстным собирателем книг, он активно пропагандировал и распространял их среди населения. Квартиру, в которой жил этот удивительный земский лекарь, черниговцы называли «книжным шалашом», «народным клубом», «музеем». В его доме люди разных сословий и возрастов, часто коллективно, читали книги, фольклорные записи хозяина. Здесь устраивались литературные диспуты, проходили беседы о книжных новинках, звучали «крамольные» стихи великого kobzаря Шевченко, народные песни.

Можно было взять домой почитать томик из его большой личной библиотеки. Впоследствии собрание Степана Носа стала основой городской народной библиотеки.

Книжные полки соседствовали в доме с многочисленными этнографическими материалами. Богатая коллекция древних актов, грамот, старинной одежды и оружия, утвари и записей народного творчества служила наглядной иллюстрацией к его большой исторической библиотеке.

Свое увлечение прошлым родного края он объяснил в письме к Лазаревскому: «Без знаний истории отечества человек как без ног — его можно сдвинуть куда угодно».

Знаменательны его слова:

«Современный врач должен быть сыном своего края и народа, должен в совершенстве знать быт и местную культуру, характер народных понятий и воззрений, т. е. душу народа. Это даст возможность врачу с успехом применять лечение, действуя на душу пациента».

Выезжая по служебным делам, он всегда помимо сумки с медицинскими инструментами брал огромный чемодан с книгами. В свободное от приема больных время доктор устраивал книжный развал в центре села, чаще всего на базаре, на ярмарке. Это было необычно: торговал не малограмотный коробейник, а человек, преданный и книгам, и делу приобщения к культуре своих покупателей — селян.

Постепенно он привлекал к распространению литературы местную интеллигенцию: учителей, врачей, землемеров, конторщиков, которые открывали пункты по продаже книг. Первыми они появились в черниговской гимназии и губернской управе по крестьянским вопросам. Вскоре у Носа уже были агенты в крупных населенных пунктах: Конотопе, Бахмаче, Нежине, Козельце, Остре, Хороле, Лубнах и других местах. Затем книготорговые точки создавались и в селах соседних губерний. К концу 1861 г. их уже насчитывалось 54, в них трудилось 72 агента. Торговое дело земского врача разрослось, его стали даже называть директором самодеятельной книжной фирмы.

Печатную продукцию Нос приобретал непосредственно в издательствах, в основном за наличный расчет, вкладывая в любимое дело собственные скудные сбережения, а своим агентам отпускал ее в кредит до реализации книг, что стимулировало создание в торговых пунктах широкого ассортимента литературы. Особенно тесные контакты были установлены с Петербургским издательством Каменецкого, которое выпускало украинскую литературу. В прикижных рекламных объявлениях Каменецкого даже указывался адрес черниговского земского врача, у которого можно было приобрести книги, выпускаемые издательством.

В течение 1862 г. и нескольких месяцев 1863 г. было продано 7263 книги 83 названий, в основном это были произведения Котляревского, Шевченко, Марко Вовчок, Квитки-Основьяненко, Гребенки, а также детские украинские сказки. Успех носовского торгового предприятия по тем временам был огромный, а пропаганда и распространение украинской литературы среди простого народа — делом очень рискованным. Усиливая борьбу против демократического движения на Украине, царизм направил главный удар против национальной культуры. Министр внутренних дел Валуев во всеуслышание заявил, что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может. Циркуляр от 18 июля 1862 г. запрещал вообще печатать на украинском языке научные и учебные книги и литературу для начального чтения народа.

За хозяином «книжного шалаша» установили слежку, доносы на него поступали черниговскому губернатору и даже в Санкт-Петербург в Министерство внутренних дел. В одном из них жандарм докладывал, что Нос принимал у себя молодых людей без различия состояния, выезжал с ними в лес, где они пели малороссийские национальные песни и декламировали стихи Шевченко. Доносчики просили перевести Носа в отдаленные великорусские губернии.

В 1860—1862 гг. черниговский губернатор трижды вызывал к себе Носа и угрожал ему тяжелыми карами, если он не прекратит свою общественную и культурно-просветительную работу. В июле 1863 г. на квартиру Носа проездом остановился землемер Андрущенко, у которого при обыске обнаружили прокламации, воззвания организации «Земля и воля» и несколько экземпляров «Колокола» Герцена. Это послужило поводом для ареста и самого врача. Около

года его продержали в Петропавловской крепости. За отсутствием доказательств причастности к «Земле и воле» его вынуждены были освободить.

Возвратившись в Чернигов, доктор восстановил свое книжное дело. Однако через несколько месяцев его в административном порядке выслали на Север, где он прожил свыше семи лет.

В тяжелых условиях тогдашнего Севера ссыльный врач-просветитель продолжал заниматься собиранием фольклорного материала: записывал русские хороводные, свадебные, обрядные, рекрутские песни, сказки, предания, антирелигиозные анекдоты, сцены из народного быта.

После ссылки, будучи лишенным права поселиться на Украине, он кочует с места на место. Лишь в 1886 г. ему удалось вернуться в родные края. Сперва он поселился в Чернигове, последние 10 лет жизни провел в Городне, небольшом уездном городке. По возвращении на родину он возобновил свою общественную и культурно-просветительную деятельность, но не в былых масштабах. Подорванное здоровье, усиление репрессий за издание и распространение украинской литературы, слежка сильно сковывали его деятельность. Но дух врача-просветителя, книголюб и распространителя среди народа книг на родном языке остался непобежденным.

Киев

С. Шоломова

АВТОГРАФ НА КНИГЕ
ОБ ОТЦЕ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

Если об Александре Блоке написано немало, то жизненному пути его отца, профессора государственного права Варшавского университета, посвящена всего одна монография, написанная преданным учеником профессора и его преемником по кафедре Евгением Васильевичем Спекторским.

Книга вышла из печати в Варшаве ко второй годовщине со дня смерти профессора — осенью 1911 г. Она была названа достаточно выразительно и лаконично: «Александр Львович Блок, государствовед и философ». Объясняя мотивы, побудившие его написать работу в столь короткий срок, Спекторский в предисловии подробно отмечал: «Настоящий очерк вызван побуждениями отчасти личного, отчасти общего порядка. Личное побуждение — желание автора, бывшего много лет учеником покойного А. Л. Блока, отдать должную дань уважения памяти своего учителя; этим, если не оправдывается, то по крайней мере объясняется то обстоятельство, что предлагаемый очерк представляет <...> историю одной ученой жизни, но также до известной степени и ее апологию. Соображения более общего характера состоят, во-первых, в том, что А. Л. Блок далеко не опубликовал всего того, о чем он думал и писал <...> Во-вторых, проблемы, занимавшие А. Л., и даже те неудачи, которые он при этом испытывал, весьма характерны для истории нашей сравнительно юной научно-политической мысли».

Эту небольшую книжечку типография Варшавского учебного округа отпечатала в количестве всего четырехсот экземпляров. Большинство из них Спекторский взялся распространить сам.

Одним из первых, кто получил книгу, был сын профессора. Познакомившись с содержанием, Александр Блок написал автору исповедальное письмо. Он писал: «Читая Вашу прекрасную книгу об отце, я имею потребность горячо позвать Вам

С. Спекторский.

Александръ Львовичъ

БЛОКЪ,

Государствѣнь и философа.

С. Спекторский.
Минскъ. Издательство «Современник».
1911.

Титульный лист
книги Е. Спекторского

А. Л. Блок

руку и в качестве простого читателя далеко не чуждого идеям и стилю книги, и в качестве сына А. Л. кровно связанного с его наследием, более, пожалуй, чем Вы это можете предполагать. Не чувствую себя в праве рецензировать книгу (это было бы с моей стороны поступком дилетантским), я предпочитаю познакомить Вас с моими мыслями о том же предмете при помощи своих литературных работ. Надеюсь, что мне удастся представить на Ваш суд и мою „тень отца“ и другую ее „апологию“, которая, увы, покажется кому-нибудь осуждением (без этого не обойтись), но будет для меня апологией, хотя и другого типа, чем Ваша — „музыкальной“ и так сказать „от противного“. Сообщая Вам это, прошу Вас лучше не говорить об этом посторонним: лучше, чтобы иные не предполагали ничего биографического, если им и попадется когда-нибудь в руки моя будущая книжка...»¹ Заметим, что письмо датировано 12 декабря 1911 г., т. е. книга была прочитана в самый

¹ Отдел рукописей ЦНБ АН УССР, ф. 43, № 2.

кратчайший срок и не только прочитана, но и серьезнейшим образом осмыслена, вызывая в поэте собственные творческие устремления.

Не удивительно, что для Спекторского были исключительно дороги слова поэта.

Спекторский щедро дарил книгу о профессоре Блоке всем, кто когда-либо встречался с Александром Львовичем — ученикам профессора, своим сокурсникам и коллегам по университету, каждый раз надеясь на отклики о прочитанном.

В марте 1912 г. на страницах журнала «Русская мысль» была напечатана краткая рецензия. В ней отмечалось: «Очерк, посвященный научному жизнеописанию русского ученого и профессора, мало известного широким кругам интеллигенции, но сыгравшего видную роль в университетском преподавании Царства Польского, заслуживает живого внимания со стороны читателя». Знаменательны заключительные строки этой небольшой рецензии: «А. Л. Блок, согласно характеристике г. Спекторского, был одним из тех людей, которые в силу своей разносторонней одаренности и душевной подвижности не укладываются в рамки одной определенной профессии и объективные проявления которых не адекватны скрытой за ними внутренней жизни».

Александр Блоку в свою очередь хотелось познакомить отдельных своих знакомых с монографией, написанной об отце. О том, что он подарил экземпляры книги Евгению Иванову и приятелю студенческих лет — Н. П. Ге, свидетельствуют строчки дневника поэта. Блок-младший разослал очерк Спекторского и в ряд редакций петербургских периодических изданий с приложением трудов профессора. Обо всем этом он и сообщал ученику А. Л. Блока.

Каждый экземпляр этого издания зажил своей особой жизнью.

В Отделе редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина сохранился один из экземпляров этой книги, ставшей в наши дни библиографической редкостью. На титульном листе рукой автора написано краткое посвящение: «Многоуважаемому Леониду Николаевичу Беркуту от автора».

Было интересно выяснить: кто же такой Л. Н. Беркут? В каких отношениях он был с автором? Не являлся ли он учеником самого профессора Блока? Не приходилось ли ему некогда встречаться с Блоком-младшим? Какова его дальнейшая судьба?

Не сразу поиск подарил радость находок. Во втором издании «Критико-биографического словаря русских писателей

и ученых» под редакцией С. А. Венгерова адресату уделена всего одна строчка: «Беркут Леонид Николаевич, доцент всеобщ. истории Варш. ун., р. 1879 г. в мещан. семье».

Установив год рождения Беркута, можно было предположить, что он скорее ученик профессора, нежели его коллега. По возрасту он почти того же поколения, что и сам автор книги. Однако если они ровесники, то отчего тогда столь официальное обращение? Однокашнику так не пишут.

Стало необходимо установить период его работы в университете. Оказалось, что, окончив Киевский университет с золотой медалью, Беркут был приглашен на преподавательскую работу в Варшаву далеко не сразу. Он упоминается в списке преподавателей и профессоров Варшавского университета лишь в 1909—1910 учебном году.

Таким образом, он был коллегой профессора Блока в последний год его жизни. А. Л. Блок скончался 1 декабря 1909 г. Л. Н. Беркут как сотрудник юридического и историко-филологического факультетов был непосредственным участником ученых советов и заседаний. На одном из них профессора Блока после многих долгих лет служебных притеснений избрали в деканы юридического факультета и Совет профессоров. Но исполнять новые обязанности А. Л. Блоку пришлось недолго. Одним из последних заседаний Совета, где присутствовал профессор, было собрание в мае 1909 г., посвященное окончанию очередного семестра.

Не исключено, что 1909 г. отмечен не только знакомством Леонида Николаевича Беркута с профессором Блоком, но и с его любимым учеником — Евгением Васильевичем Спекторским, читавшим тогда лекции по энциклопедии права.

Доцента всеобщей истории Беркута отличала большая эрудиция и разносторонность интересов и научных устремлений. Так, в многотомном издании «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века», написанной В. П. Бузескулом в 1930-е гг., указывается, что Л. Н. Беркуту принадлежит немало трудов не только по средневековой историографии и источниковедению, но и по истории городов.

Одной из первых его книг, изданной в типографии Варшавского учебного округа в 1911 г., была работа «Памятники лютеранской историографии. Из записок по источниковедению средней истории». Вообще, если у Е. В. Спекторского в 1911 г. вышла вторая книга, то у Беркута к этому времени на счету было уже немало число напечатанных статей и книг. Именно поэтому, по-видимому, обращение Спекторского включает в себя известную долю скрытого почтения и уважения. В последующее время почти ежегодно Беркут издавал в Варшаве

новое научное исследование. Так, в 1912 г. им была опубликована работа под названием «Карл Великий и франкская образованность и литература его времени», а через год еще одна книга — «Германцы и переходная эпоха». Беркут отличался поразительной трудоспособностью и целеустремленностью, вызывая заслуженное к себе уважение и даже восхищение.

В дальнейшем личные контакты Спекторского и Беркута продолжались, так как со времени эвакуации Варшавского университета в 1915 г. оба перешли в Киевский университет.

После революции Беркут продолжал свою педагогическую деятельность. Им была написана большая работа по средневековой историографии Украины. Умер ученый в преклонном возрасте в 1940 г. И хотя непосредственных доказательств пока не найдено, правомерно предположить, что в 1909 г., когда Блок приехал хоронить отца, Беркут был в числе тех профессоров, с которыми встречался поэт в Варшаве.

Такова история одного экземпляра книги об отце Александра Блока.

Харьков

КНИЖНЫЙ

развал

Б. Непеин

ИЗДАНО В ВОЛОГДЕ

В Вологодском областном краеведческом музее, в отделе истории, на стендах с материалами, посвященными периоду после революции 1905 г., экспонируются редкие миниатюрные книжки (65×80 мм)— краткие биографии основоположников марксизма. В этой серии были выпущены также биографии других революционеров и писателей. Примечательно, что изданы они в Вологде в 1908 г.

Эти книжки выпускались вместе с «открытыми письмами». На лицевой стороне каждой открытки имелись обычные адресные графы и оставалось небольшое место для корреспонденции. Левая половина обратной стороны была занята портретом, а к правой приклеивалась равная по формату книжка с биографией деятеля.

Вначале было выпущено восемь «открытых писем» с портретами и книжками-биографиями Маркса, Энгельса, Лассаля, Плеханова, Чернышевского, Герцена, Лаврова, Михайловского. Затем число их возросло до двадцати семи. Вышли биографии и открытки с портретами Радищева, Пестеля, Белинского, Добролюбова, Некрасова, Писарева, Огарева, Достоевского, Кропоткина, Лафарга и других писателей, поэтов, общественных деятелей.

Объем книжек— от 14 до 21 страницы, печатались они в вологодской типографии И. И. Соколова, тиражи не указывались. На обложках значилось: «Издание В. О. Жеглинского, Вологда, 1908 г.» Позднее в выходных сведениях появилось новое название— «Северное издательство В. О. Жеглинского».

Кто же был издатель этих открыток и книжек?

Несколько упоминаний о нем я нашел в документах Государственного архива Вологодской области.

Например, в списке от 27 декабря 1901 г. содержатся такие данные: «Виктор Осипов Жеглинский— запасный ефрейтор 28 пехотного Полоцкого полка, из дворян». Родился в

Киевской губернии. Выслан «за принадлежность к преступному сообществу „Киевский Союз“ на 2 года с 23 мая 1901 г. в г. Вологду» и за ним учрежден гласный полицейский надзор. 23 февраля 1903 г. полицмейстер доносил, что «Жеглинский поведения хорошего, образ жизни ведет правильный, занятия имеет в Земском Кустарном музее, а также участвует в оркестре любителей при обществе „Помощь“, с коими и ведет знакомство».

Здесь имелось в виду существовавшее в те годы вологодское культурно-просветительное общество «Помощь». В течение ряда лет им руководил социал-демократ А. А. Тарутин, живший в Вологде с 1893 г. Он открыл книжный магазин и при нем библиотеку. Через общество велась революционная пропаганда среди населения.

23 мая 1903 г. вологодский полицмейстер сообщил губернатору, что сего числа «окончился срок гласного надзора полиции».

Другие сведения о жизни и деятельности В. О. Жеглинского в Вологде пока не найдены. Не ясно его участие в обществе «Помощь», были ли у Жеглинского еще какие-либо издания, кроме названных. Это задача дальнейшего книголюбского поиска.

«Открытые письма» с портретами и книжками-биографиями К. Маркса и Ф. Энгельса несколько лет назад экспонировались в Москве в Музее К. Маркса и Ф. Энгельса и вызвали большой интерес посетителей.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ИЗДАНИЯ

У Валентины Александровны Дынник, профессора Литературного института, бережно хранилась небольшая тоненькая книжечка в скромной бумажной обложке коричневатого цвета. На обложке внутри овальной виньетки три имени: Э. Верхарн, Ш. Бодлер, П. Верлен и дата—1922 год. Открываю обложку, ожидая увидеть грубую пожелтевшую газетную бумагу, на которой в большинстве своем в суровые годы послереволюционной разрухи печатались книги—и вместо этого вижу великолепное «верже»! Вот что рассказала по этому поводу Валентина Александровна.

Дынник, окончившая Киевский университет, руководила в то время студией рабочих писателей. Увлечшись поэзией Франции, она вместе с молодым киевским поэтом Луи Шенталем перевела на русский язык стихотворения Верхарна, Бодлера и Верлена. Естественно, возникла мысль издать переводы отдельной книжкой. Предисловие к ней написал известный в то время в литературном мире Л. Войтоловский, сотрудничавший в газете «Киевская мысль» и других местных изданиях. Это предисловие написано прекрасно и занимает в сборнике достойное место. Удачно найдя стиль изложения, автор умело, максимально точным и ярким языком вводит читателя в сложный мир чувств, образов и переживаний знаменитых поэтов.

С бумагой тогда было крайне тяжело. И вот в раздумьях о том, как решить проблему, Дынник случайно набрела на писчебумажный магазин и, заглянув в него, обнаружила целые кипы небольших листов бумаги. Это была так называемая папетри—бумага, специально предназначенная для писем. Производилась она еще до революции и каким-то чудом сохранилась на киевских складах. Трудно сказать, чем было вызвано свободное наличие папетри на прилавке. Скорее всего, в то тяжелое время люди, озабоченные первоочередными насущными проблемами, не были расположены к эпистолярному жанру. А может быть, нестандартный формат листов не привлекал к себе пристального внимания тех, кто нуждался в писчей бумаге полноценного размера. Так или иначе, бумага имелась, и ее было много. Скупив все запасы бумаги, какие оказались в магазине, авторы без промедления переправили ее в VII государственную киевскую типографию. На этой бумаге в издании Культотдела профсоюза советских рабочих ничтожным с нашей точки зрения, а тогда обычным тиражом в две тысячи экземпляров и был отпечатан сборник переводов. Кстати, листам папетри книжечка обязана и своим необычным, почти квадратным форматом.

Несмотря на тяжелое время, книжка была неплохо оформлена—

стихотворения каждого поэта пред-варял его портрет; портреты Верхарна и Верлена были выполнены по известным рисункам жившего во Франции швейцарского живописца Феликса Валлотона, успешно работавшего также в технике гравюры на дереве и создавшего галерею психологически выразительных портретов писателей, в частности, Достоевского. Портрет же Бодлера в сборнике — работа ленинградского архитектора Б. К. Рериха — родного брата выдающегося мыслителя, художника и литератора Н. К. Рериха. Борис Константинович находился в то время в Киеве. Ему же принадлежит и изящная виньетка на обложке, врезанная в «обойный» рисунок дореволюционного времени — черную рябь на коричневом фоне. По сути дела, это и были обои. Скромная книжка была заметным явлением литературной жизни того времени. В России она была одним из первых сборников переводов, вышедших после революции, а для Украины вообще первой «ласточкой». Но ценность ее не только

в этом. Переводить на русский Верхарна, Бодлера и Верлена, поэзия которых насыщена сложными образами, символами и ассоциациями, чрезвычайно трудно. И именно в смысле нового подхода к творчеству французских поэтов, нового их прочтения и наиболее близкого приближения к сути их поэзии работа молодых переводчиков явилась, как писал Войтоловский, «ценным приобретением для русского читателя».

Книжка без малого шестидесятилетней давности не потеряла своего значения и сейчас. Несколько лет назад некоторые из переводов Дыниник, в частности, стихотворения Шарля Бодлера «Авель и Каин» и «Человек и море» были вновь опубликованы в сборнике поэта «Цветы зла» (серия «Литературные памятники»).

Можно понять радость авторов в 1922 г. — как-никак первая книга! Нас же это редкое ныне издание привлекает потому, что является своеобразным памятником тех волнующих неповторимых дней.

В. Муленкова

«ФЕЙЕРВЕРКИ» И «ИЛЛЮМИНАЦИИ»
В КОЛЛЕКЦИИ П. В. ГУБАРА

Собрание П. В. Губара¹, хранящееся в Московском музее А. С. Пушкина, примечательно коллекцией русских «фейерверков» и «иллюминаций». Это особый раздел гравюр, представляющий не только художественный, но и исторический интерес. Ведь ни одни празднования военных побед, коронации, тезоименитства, приезды иностранных послов в Россию не обходились без этих ярких зрелищ!

Развитие русского «фейерверочного искусства» связано с именем Петра I, большого любителя «потешных огней». Сохранилось описание одного из первых русских фейерверков, заключающего праздник по случаю масленицы в подмосковном селе Воскресенское в 1690 г. Во время этого фейерверка был убит один дворянин — на голову его упала неразорвавшаяся ракета весом в пять фунтов. Такие случаи были нередки — устройства фейерверков обычно получали сильные ожоги и ушибы, а сами фейерверки часто заканчивались пожарами. Так, летом 1699 г. при фейерверке по случаю прибытия шведского посольства в Москву сгорели сотни жилых домов и построек.

В XVIII в. фейерверки усложнились, появились специальные устройства, такие как фейерверочные фонтаны, выбрасывающие вверх струю блестящих искр, шлагы, создававшие эффект раската грома, бесконечные солнца, колеса, мельницы. И все это светилось, менялось в цвете, вертелось в воздухе и надолго западало в души зрителей!

Наряду с чисто пиротехническими композициями стали вводиться специальные декорации — аллегорические изображения, придававшие определенное смысловое значение фейерверочным представлениям. Основным пособием для этого служи-

¹ См. статью А. Сигриста «Библиотека П. В. Губара». — Альманах библиофила. М., 1979, вып. 6, 7.

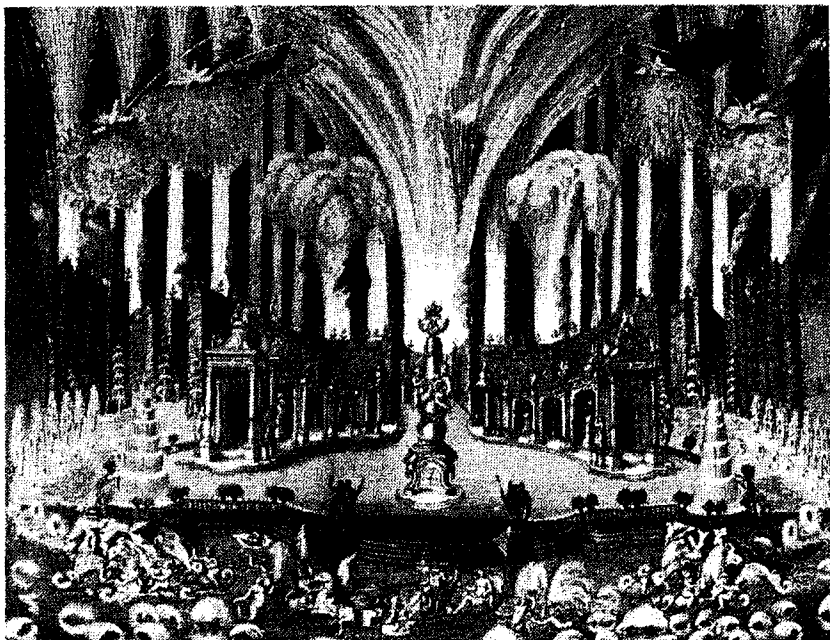
ла книга «Символы и эмблемата», изданная при Петре I дважды — в 1705 и 1719 гг. Изготавливались также объемные декорации в виде павильонов, беседок, статуй, бассейнов, которые оснащались пиротехническими изделиями. Таким образом, фейерверки постепенно становились театрализованными действиями со своей программой, режиссурой, сценой и декорациями.

Первый лист с изображением фейерверка относится к 1697 г. С возникновением издательской деятельности Академии наук эти гравюры стали прилагаться к брошюрам с описанием фейерверков. Выпускаемые тиражом от 200 до 1000 экземпляров, они распространялись как внутри страны во время празднеств, так и за ее пределами, служа прославлению российского государства. Описания печатались либо параллельно на русском и немецком, русском и французском языках, либо в отдельности. В качестве их авторов выступали Х. Гольдбах, Г.-Ф.-В. Юнкер, М. В. Ломоносов, а также Якоб фон Штелин, чья заслуга в развитии русского «фейерверочного искусства» несомненна. «Грыдоровали» изображения фейерверков известные мастера Григорий Качалов, Ефим Виноградов, Иван и Алексей Зубовы, Иван Соколов, Иван Адольский и др.

В собрании Губара 50 «фейерверков» и «иллюминаций» (22 с описанием). Многие из них описаны в замечательном труде Д. А. Ровинского «Обозрение иконописания в России до конца 17 в. Описание фейерверков и иллюминаций», изданном в 1903 г. и остающемся до сих пор единственным в этом роде. Но некоторые не включены в это издание, например, изображение фейерверка, состоявшегося в октябре 1773 г. по случаю бракосочетания великого князя Павла Петровича.

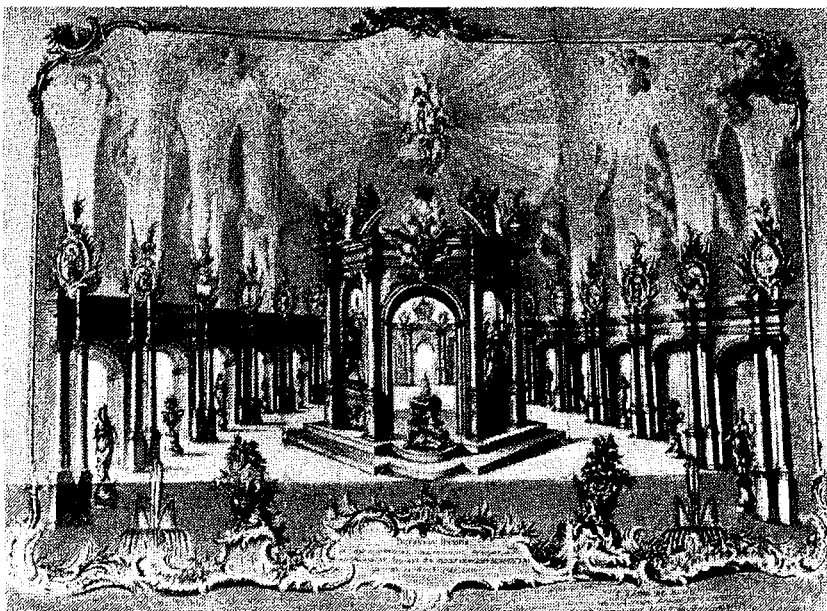
Ровинский пишет, что самые редкие «фейерверки» — это «петровские» и «анненские». В коллекции Губара три «фейерверка» времен Анны Иоанновны: 1730, 1731, 1735 гг. По своему исполнению они могут быть поставлены в один ряд с лучшими заграничными изданиями этого рода.

В кратковременное царствование Иоанна Антоновича появилось одно иллюстрированное издание, представляющее исключительную ценность, на что указывает и Ровинский. Оно имеется в собрании Губара. Это — Х. Гольдбах, Я. Я. Штелин «Изображение и изъяснение фейэрверка и иллуминации, которые в высокаторжественный и всерадостный день рождения... великого государя Иоанна III... 12 августа 1741» (СПб., 1741). В царствование Елизаветы Петровны это издание, как, впрочем, и другие, посвященные российскому императору без трона, тщательно изымалось из обращения и уничтожалось.

Гравюра с изображением фейерверка

Унаследовав от своего отца любовь к различным празднествам, Елизавета Петровна не останавливалась перед огромными затратами на их устройства. Только на один фейерверк по случаю ее коронации было ассигновано 19 000 рублей. За двадцать лет царствования Елизаветы Петровны было издано 30 описаний фейерверков с гравюрами, 17 из них в коллекции Губара (3 «фейерверка» без текста). Среди изданий этого времени: Я. Я. Штелин «Описание и изъяснение великого фейерверка, которой в честь е.и.в. Елисавете Первой... в Санктпетербурге пред императорским Зимним домом на Неве реке в первый вечер 1755 года сожжен» (Спб., 1755). Описание фейерверка и стихи на немецком языке принадлежат Я. Я. Штелину, перевод описания на русский язык — И. Голубцову, стихотворения — Н. Поповскому. Перевод стихотворения длительное время приписывался Ломоносову, который с 1747 по 1754 г. должен был не только заниматься составлением инвенций фейерверков, но и переводить на

Гравюра с изображением фейерверка

русский язык с немецкого стихи, сочиняемые Штелиным. То, что Ломоносов был явно недоволен этим, видно из его письма к Г. Н. Теплову от 22 апреля 1748 г.: «Хотя должность моя и требует, чтобы по присланному ко мне ордеру сделать стихи с немецкого, однако я того исполнить теперь не могу... Кто бы не засмеялся той музыке, когда бы двое, согласившись петь, один бы выпускал голос без всякого движения рта, а другой бы поворачивал губами, языком и гортанью? Но почти то же делается, когда один составляет изображения для иллюминаций, а другой надписи»². 24 марта 1755 г. Ломоносов подает рапорт в канцелярию Академии наук с просьбой освободить его от составления проектов иллюминаций и фейерверков. С 1756 г. сочинением их инвенций занимается в основном Штелин, а стихи его на русский язык перелагают студенты академии.

25 декабря 1761 г. на русский престол вступил император Петр III. Среди «фейерверков» Губара есть издание: Я. Штелин. «Паки утешенная и о новом своем счастье веселящаяся

² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.—М.;Л., 1957, т. 10, с. 438.

Россия аллегорическим изображением фейерверка во всерадостный и торжественный день рождения... императора Петра Третьяго... представленная пред дворцом в Сарском Селе февраля 10 дня 1762 года» (Спб., 1762). Но ни фейерверки, ни просьбы верноподданных Российской империи о «долголетию и непоколебимом здравии дражайшего своего монарха» не могли нарушить хода, избранного русской историей. Через пять месяцев после описанного Штелиным фейерверка в честь Петра III императора наступит смерть в Ропше, а через год устроен будет новый фейерверк по случаю восшествия на престол Екатерины II.

За годы ее царствования было издано 23 описания фейерверков и иллюминаций, из них 8 находится в собрании Губара. Фейерверки печатались не только в типографиях Академии наук и Московского университета, но и в первоклассной типографии И. К. Шнора. Среди них брошюра П. И. Меллисино с описанием фейерверка «при торжестве бракосочетания великого князя Александра Павловича и великия княгини Елисаветы Алексеевны» с текстом, изданным параллельно на русском и французском языках. Этот фейерверк завершился «великолепным павильоном из многих тысяч ракет и другими воздушными огнями».

В это же время по случаю того же торжества в уездном городе Вельске Вологодской губернии состоялась более скромная иллюминация: «В окнах освещено было: в первом два масленичные древа, на пнях коих на щитах два сердца с коронами, первое с литерами А. П., второе же с литерами Е. А., с надписью „Виват!“ На втором изображено тюремное окно, в котором железная решетка, что и в самом деле было, с мрачным освещением бледных лучей лампы, с подписью „Отверсти очи слепых, извести от уз связанныя, и из дому темницы и сидящия во тьме...“».

Это описание взято из любопытной книги, находящейся в коллекции Губара. К ней приложены 10 гравюр Матвея Федорова по рисункам Александра Котова (3 из них раскрашены от руки). Книга эта: «Усердная жертва богу и государю, или Описание эмблемат и надписей при иллюминациях, которыми... высокоторжественные дни от 1791 до 1801 года праздновал в городе Вельске, а ныне выдал с рисунками, несчастный швед Петр Сом» (Спб., 1801). Кто же этот «несчастный швед», устраивавший в течение десяти лет в зарешеченных окнах своей каморки иллюминации по случаю тезоименитств, бракосочетаний, «выздоровления ее величества от оспы» и т. д. Из дневника автора мы узнаем, что «несчастие» его началось 12 марта 1790 г., что в Вельск он прибыл в

качестве арестанта, в январе 1795 г. получил «дозволение начальства свободно ходить по городу», и уже 28 июня по случаю памяти восшествия на престол Екатерины II мы находим следующую запись Петра Сомы: «Вечером были окна иллюминированы. При обеде находились у меня следующие: богомольщица, слепец, хромый, увечный, четыре старые дряхлые вдовы, немая дева, три малолетние сироты и было четыре блюда и напитки». В январе 1801 г. Петр Сом был освобожден «от одиннадцати лет претерпенного страдания», в течение которых собирались «для смотра его иллюминаций не токмо здешние, но и деревенские жители, по причине редкости». К сожалению, неизвестна дальнейшая судьба устроителя столь необычных для России иллюминаций.

Мы ознакомились лишь с некоторыми редчайшими описаниями и изображениями фейерверков и иллюминаций из коллекции Губара, и уже по ним можно проследить развитие «фейерверочного искусства» в России, и отчасти ход истории русской, декорации которой менялись нередко. Ныне эти «фейерверки» хранятся в фондах Московского музея А. С. Пушкина в Москве.

ВИДЫ МОСКВЫ ЭДУАРДА ГЕРТНЕРА

В собрании П. В. Губара встречаются книги со строгим экслибрисом П. А. Ефремова, библиографа и крупнейшего собирателя конца прошлого века. Среди них — большой альбом (42×57,3 см) в кожаном переплете с тисненым золотом названием на корешке: «Виды Москвы». Альбом состоит из восьми литографированных видов Москвы, отпечатанных на китайской бумаге и наклеенных на белые паспарту, и двух фотографий, представляющих фрагменты старой фотопанорамы Москвы 1880 г. Как известно, Ефремов часто жертвовал цельностью первоначального издания ради полноты содержания темы и объединял под одним переплетом материалы из разных источников. Губар же сохранял материалы в том виде, в каком они приходили от предшествующего владельца.

Основное внимание мы уделим редким литографиям 1830-х гг., на которых познакомимся с Москвой пушкинского времени.

На четырех листах под изображениями напечатаны имена художников: «Ed. Gaertner del. nat. Charles Aug. Lebsche del. lith.» (Эдуард Гертнер рисовал с натуры. Карл Август Лебше литографировал). Остальные листы, не имеющие никаких надписей, выполнены по оригиналам того же Гертнера, но другим литографом — Карлом Хейнцманом. Его имя легко установить по совершенно идентичным литографиям, хранящимся в Государ-

ственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина и Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; на них есть надпись: Ed. Gaertner del. nat. Ch. Heinzmann del. lith. (Эдуард Гертнер рисовал с натуры. Карл Хейнцман литографировал).

Сведения о Гертнере находим в словаре Thieme-Becher: Иоганн Филипп Эдуард Гертнер (1801—1877) — немецкий живописец, автор архитектурных пейзажей Берлина, Вены, Рима; с 1833 г. член Берлинской академии; в 1837—1839 гг. жил в России. Его произведения довольно широко представлены в немецких музеях. В собраниях нашей страны известно несколько акварелей Гертнера: «Церковь Успения на Покровке» (1839 г., в Государственном музее архитектуры им. А. В. Щусева), «В Московском Кремле» (1839 г., в собрании И. С. Зильберштейна), «Английская набережная в Петербурге» (1838 г., в Государственном Эрмитаже), «Спасская башня и Вознесенский монастырь» (1838 г., в Московском музее А. С. Пушкина, из собрания Губара). Акварели Гертнера с изображением Кремля и его окрестностей послужили основой для создания литографий. В нескольких музейных собраниях встречаются лишь отдельные экземпляры литографий, выполненных по оригиналам Гертнера, и только Ефремову удалось собрать восемь листов из двенадцати, составляющих полную

серию. Если смотреть их один за другим или разложить в ряд, откроется величественная панорама Кремля и прилегающих к нему площадей и набережных Москвы-реки.

Что же представляла собой Москва конца 1830-х годов? Какой ее увидел художник?

Нужно заметить, что первая серия видов Москвы увидела свет в год рождения Пушкина — в 1799 г. Это 12 больших гравюр на меди, исполненных по оригиналам французского художника Жерара Деларбарт. На Красной площади возы с сеном, куры, качели, шатры, бочки с квасом. Здесь не только войска не могут маршировать, но и карета не проедет — это торговый центр города, шумный, расположенный без всякого почтения у древних стен Кремля. А в масленицу или в сырную неделю, на крутых склонах кремлевского холма устраивались ледяные горы — излюбленное зимнее развлечение жителей Москвы. Такова Москва пушкинского детства.

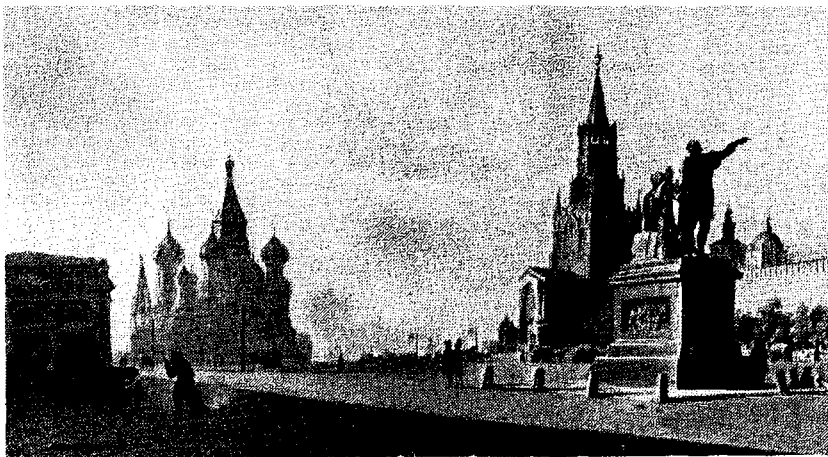
Возвратившись в Москву лишь в 1826 г., Пушкин попадает в новый город, где почти не осталось руин после пожара 1812 г. Раскинулись нарядные, торжественные площади, как бы продолжающие праздновать недавнюю победу; рядами выстроились дома, украшенные портиками с колоннами, оштукатуренные под камень. Москва, возрожденная из пепла, запечатлена в литографиях французского художника Огюста Кадоля, вышедших в 1825 г. Гордостью москвичей стала новая Театральная площадь, появившаяся после восстановления в 1824 г. Большого театра знаменитым Бове. «Большой Петровский театр, возникший из старых, обгорелых развалин, лет двадцать неприятно поражавших глаза московских жителей, — изумил и восхитил меня», — пишет С. Т. Аксаков¹. По одну сторону Большого театра выросло здание Малого, по другую — красивый ампи́рный дом Полторацкого; за-

ключены в трубу стекавшие на Петровку грязные воды Неглинки с городскими нечистотами. Новая площадь стала одним из популярных мест для прогулок. Преобразилась и Красная площадь: теперь это место парадов и торжественных процессий; напротив старого Василия Блаженного в 1818 г. поставлен в Москве памятник Минину и Пожарскому; вдоль площади протянулись изящные строения торговых рядов (архитектор Бове), с колоннами и куполом в центре. На склоне кремлевского холма разбит регулярный сад, Александровский, из которого открывается вид на ампи́рное здание Манежа, построенное в 1817—1825 гг. На литографиях Кадоля чертежную строгость новой планировки оживляют толпы гуляющих по Тверскому бульвару, кареты и экипажи, разъезжающиеся с Театральной площади, прачки, стирающие белье на Москве-реке.

1830-е гг. — расцвет градостроительства в Москве. Это время шлифовки и наведения лоска, настойчивых попыток привести облик живою, стихийно строившегося города к архитектурному единству. Этот период как нельзя лучше иллюстрирует серия литографий по оригиналам Гертнера.

Кремль показан Гертнером с разных точек зрения. Заглавным листом, открывающим серию, хочется назвать вид из-под арки старого Каменного моста. Неожиданный и смелый ракурс, к которому не прибегал до Гертнера ни один видописец Москвы, позволяет увидеть Кремль, отделенный от всего города естественной рамкой — аркой моста, как бы на ладони, с топографическим перечнем его внутренних строений и башен. Проследим слева направо: Боровицкая башня, вдалеке верх Троицкой башни, правее остатки Конюшенного двора XVII в., Кавалерский корпус (бельгий) 1817 г., за ним верх Никольской башни, правее Иван Предтеча на Бору, Рождество на Сенях, купол

¹ Аксаков С. Т. Собр. соч. — М., 1956, т. 3, с. 60.

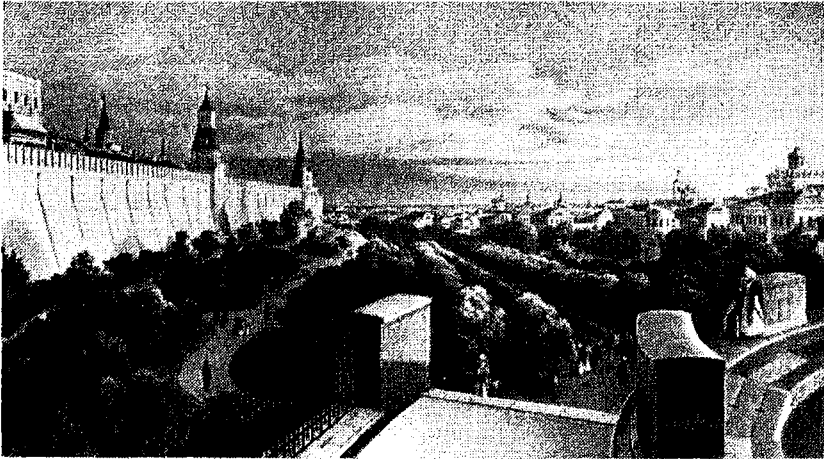
Вид на Красную площадь

Сената, Теремной дворец, из-за стены видны главы Спаса на Бору, Большой кремлевский дворец XVI—XVIII вв., отреставрированный Бове в 1817 г., на его фоне Свиблова башня, восстановленная в 1817 г., правее церковь Благовещенья на Житном дворе и Благовещенская башня Кремля XVI—XVII вв.—самая древняя, за ней Благовещенский собор, Иван Великий, Архангельский собор с пристроенной в 1817 г. скупной избой, за ним верх Спасских ворот; правее силуэт Василия Блаженного и Набатная башня, справа Тайницкие ворота и Безымянная башня, восстановленная Бове в 1817 г.² На следующем листе художник отошел на несколько десятков метров, и первый план занял Каменный мост во всей своей красе и мощи, построенный в 1680-х и разобранный в 1840-х гг.; за мостом Кремль с добавлением Троицкой, Конюшенной и Оружейной башен, которых не было видно из-под арки на первом листе. Эффектен контраст переднего плана—городской прозы (фигуры прачек,

деревянные строения бань, неуклюже съезжающие в воду) со вторым планом, где как сказка поднимается Кремль. Третий лист еще более живописен: застывшая гладь Москвы-реки с ленивыми плотами и отражением колокольни Ивана Великого завершается легкими арками Москворецкого моста и скрывающимися в дымке очертаниями Кремля. Для Гертнера характерно четкое членение планов. Здесь Кремль, идущий вторым планом, расплывается в тумане и от этого кажется необъятным. Справа показана в перспективе нарядная Москворецкая набережная с каменной лестницей, пандусом и решеткой. Художника интересует и внутренний вид Кремля. Ивановская площадь с соборами и колокольней—на следующем листе.

Неожиданным лиризмом поражает зрителей лист с изображением Красной площади. Четкость общей планировки, строгая документальность в передаче всех архитектурных памятников смягчены освещением—пробивающимися сквозь ут-

² Определено искусствоведом В. С. Поповым.

Вид на Александровский сад

ренный туман лучами солнца. Фигура дворника на плацу, предназначенном для парадов, придает спокойствие и уютность этой старой, столь много повидавшей на своем веку площади. Лист воспринимается как акварель даже в литографии.

На одной из литографий вдоль непривычно белой Кремлевской стены, данной в перспективе от Троицких ворот, расположился молодой Александровский сад, украсивший центр Москвы в конце 1810-х — начале 1820-х гг. На первом плане решетка ампирной лестницы, пристроенной к древнему мосту для спуска в сад; внизу остатки петровского земляного бастиона, по которому проходят дорожки сада; справа высится Пашков дом, а между ним и Кремлевской стеной «сорок сороков» московских церквей, которые легко распознаются и представляют доскональный портрет района Москвы, носившего название Чертолья.

На последнем листе представлены Владимирские ворота Китайгородской стены (ныне место выхо-

да улицы 25 Октября на площадь Дзержинского). Арка была сооружена в 1823 г. рядом с церковью Владимирской Божьей Матери, построенной в стиле нарышкинского барокко в 1690-х гг. Этим древним, ныне не существующим уголком Москвы заканчивается альбом литографий.

Классическая строгость в сочетании с живописностью, идущей от Гварди, которого Гертнер высоко почитал, придает крупноформатным литографиям завершенность и монументальность. Литографы, бывшие архитекторами-профессионалами, оказались достойными таланта Гертнера.

Виды Эдуарда Гертнера явились важной вехой в истории иконографии Москвы. В них нашел отражение облик центра города, окончательно сложившийся в 1830-е годы. Мы ощущаем восторженное изумление художника-иностранца при виде древних башен Кремля, его золотых куполов и глубокое понимание великого исторического предназначения Москвы.

Наши

публикации

Альбер Сим

ЛЮБИТЕЛИ КНИГ И КНИЖНЫЕ ВОРЫ

Альбер Сим (1845—1924)— французский литератор, выходец из Польши (настоящая фамилия— Симоховский). Сотрудничал во многих газетах, написал несколько романов и книг для юношества. Наиболее известны его популярные произведения о литературе, писателях и книгах. Среди них— «Библиотека» (1902), «Книга» (т. 1—5, 1905—1908), «Карманный учебник любителя книги» (1908) и др. Брошюра «Любители книг и книжные воры», публикуемая здесь с сокращениями, вышла в свет в 1903 г.

1

Любители одолживать книги и не возвращать их владельцу: Кража книг из любви к книгам. Ричард де Бюри.— Андре Тирако.— Иннокентий X.— Даниель дю Мустье.— Кардинал Пассионеи.— Доктор Р., бывший член Конвента Куртуа.

«Из всех тварей, созданных господом, библиофил, без сомнения, самая эгоистичная и самая жестокая»,— сказал один остроумный человек¹, который, впрочем, произнося свой безжалостный и неумолимый приговор, забыл о «Поисках Абсолюта» Бальзака и о всех изобретателях, а также всех влюбленных и всех, кто стремится чем-нибудь обладать— деньгами, женщиной или властью.

Влюбленные в книгу дорожат своими сокровищами; они идут на любые хитрости, чтобы овладеть ими, и с трудом могут с ними расстаться. И что тут удивительного? Ведь книги, выпущенные их владельцем из рук, возвращаются назад еще реже, чем одолженные деньги.

«Книги, отданные кому-то на время, никогда не возвращаются назад... Прекрасно! Поэтому все книги, которые вы здесь

¹ Edmond Texier, ap. Mouravit, le Livre et la Petite, Bibliothèque d'amateur, p. 129.

видите,—это книги, которые мне дали почитать и которые я оставил у себя»,—ответил один библиофил своему гостю, отважившемуся было попросить у него какой-то фолиант. Так гласит легенда—скорее забавная, чем правдивая.

Шарль Нодье и его друг Жильбер де Пиксерекур не заходили так далеко и были более совестливы. Они ограничивались мудростью, выраженной в двустихии, которое приписывают каждому из них и которое, в самом деле, могло принадлежать и тому и другому:

Печальна книг судьба, одолженных у нас.
Потеряны они, испорчены подчас.

Во всяком случае, несомненно, что для библиофилов любители зачитывать книги гораздо опаснее, чем крысы, мыши, моль, вода и огонь.

Ite ad vendentes!—выгравировал Скалигер на фронтоне своей библиотеки. Да, «Идите и купите сами», а мои книги оставьте в покое.

«Черт был побрал всех, кто одалживает книги!» Таков был один из шуточных девизов, которыми циничный и образованный художник эпохи Людовика XIII дю Мустье украсил обложки своих книг и вход в свою библиотеку, находившуюся в Лувре.

Его современник Гильом Коллете выразил то же чувство с большим изяществом и утонченностью в прелестных, много раз цитированных стихах:

О наслажденья сердца моего!
Меня не оставляйте одного.
Увидеть вас любой имеет право,
Однако с вами не разлучит, право,
Мне каждая из вас жены родней,
Смотреть—смотри! Но ею не владей.

Среди любителей зачитывать книги называют моралиста Николя. «Он не слишком стремился возвращать книги, которые брал почитать»,—пишет о нем Сент-Бев.

Но более того, страсть к книгам зачастую приводит к самому настоящему воровству; пусть иногда это случается бессознательно, но библиофил становится вором. Многие люди, как подметил еще Таллеман де Рео, склонны считать, что «воровать книги не означает воровать, если ты потом не продаешь их».

Ричард де Бюри, автор «Филобиблиона» (1340), называемого «самым древним средневековым сочинением по библиомании», признается, что в то время, когда он был канцлером

и хранителем казны при дворе Эдуарда III, победоносного английского короля, все средства были, по его мнению, хороши, если речь шла о пополнении библиотеки. По милости короля, мы могли поступать, как нам заблагорассудится, и с богатыми, и с бедными, рассказывает он, и потому отбирали и у монастырей, и у частных лиц все рукописи, которые нам нравились.

Ученый юрист, названный Варроном своего времени, о котором Рабле пишет в «Пантагрюэле» в таких словах: «Добрый, ученый, мудрый, толстый и справедливый Андре Тирако, советник великого, победоносного и удачливого короля Генриха, второго с этим именем, стащил у монахов Премонстре экземпляр „Посланий“ Цицерона, за что ему грозила виселица.

„Подумайте только, братья,— сказал он им,— ведь я испытывал большую нужду в Цицероне, и разве можно повесить достойного человека, произведшего за двенадцать лет на свет дюжину детей и дюжину томов ин-фолио“».

Число детей и томов росло с годами, и какой-то насмешник в конце концов наградил трезвого и «воздержанного» Тирако двусмысленной эпитафией:

Тирако — мужчина сильный,
Тридцать сыновей родил.
Он же, на слова обильный,
Книг не меньше сотворил.
Если б в Лете не сгубил он
Силу пыла своего,
То весь мир бы наводнил он
Книгами и Тирако.

Таллеман де Рео приводит в своих «Занимательных историях» любопытный случай, происшедший однажды с монсеньером Памфилио, ставшим позднее папою Иннокентием X, и вышеупомянутым художником Даниелем дю Мустье (тем самым, который так ловко желал всем любителям чужих книг попасть в пекло):

«Кардинал Барберини, приехав во Францию в качестве папского легата, захотел познакомиться с библиотекой дю Мустье, а также с ее владельцем. Иннокентий X, тогда монсеньер Памфилио, бывший в те времена первым в свите легата, отправился с ним к Мустье, и, увидев на столе „Историю Тридентского собора“ в прекрасном лондонском издании, сказал самому себе: „Неужто эта столь редкая книга достойна такого человека!“ Он берет книгу и прячет ее под сутану, думая, что этого никто не видел; но маленький человек (дю Мустье), бывший начеку, все заметил и в гневе

сказал легату, что он „чрезвычайно польщен честью, которую оказывает ему его преосвященство, но что стыдно тому иметь разбойников в своей свите“. Затем, назвав Памфилио „выходцем из Содомы“ и забрав у него книгу, вышвырнул того вон.

Когда Памфилио стал папой (15 сентября 1644), все принялись пугать дю Мустье, что папа отлучит его от церкви и тогда дю Мустье почернеет подобно углю.

— С огромным удовольствием, я слишком бел,— отвечал тот, подразумевая седину».

Добавим, что и сам Даниель дю Мустье, этот зоркий страж собственных книг, бывал ничуть не стеснительнее, чем монсеньер Памфилио, когда жаждал пополнить свою библиотеку. По словам все того же нескромного Таллемана, художник сам рассказывал, причем без всякого стеснения, что однажды подкараулил момент, когда книгопродавца с Нового моста не было дома, и выкрал у него том, за которым давно охотился. Без сомнения, дю Мустье повествовал о своем подвиге с гордостью.

Другой итальянский прелат, кардинал Доминико Пассионеи, едва не ставший папой, собрал великолепную библиотеку примерно таким же способом, что и Иннокентий X. Президент де Бросс рассказал об этом в своих «Письмах об Италии».

В 1721 году Пассионеи был отправлен в Люцерн в качестве нунция. Его чрезвычайно восхитили и заинтересовали монастыри и аббатства Швейцарии. Он без усталости посещал их, проводил долгие часы в библиотеках этих заведений и никогда не уходил оттуда, не наполнив основательно свои карманы, прикрытые сутаной.

Добрейший кардинал, как пишет де Бросс, хорошо набил руку в Германии, где обшарил все монастыри и добром или насильно получил в собственное пользование немало редких и забавных книг. Он сопровождал свои просьбы изысканными комплиментами; итальянская артистичность не изменяла ему; никто не умел отказать его преосвященству монсеньеру нунцию, который, еще не получив согласия владельца книги, уже благодарил его за подарок.

Если Пассионеи попадались менее доверчивые и более вьедливые монахи, не соглашавшиеся менять манускрипты на благословение, он применял другое, более изощренное средство: объявлял, что ему необходимо произвести научные разыскания и для этого поработать в библиотеке монастыря; закрывался там на ключ, чтобы никто не беспокоил его, и выбрасывал в окно одному из своих прислужников трага, которые возбуждали его жадность — разумеется, самые драгоценные.

Многоопытный во всех этих трюках, после своей долголетней практики, кардинал Пассионеи позднее, вернувшись в Рим, поостерегся доверить наблюдение за своей коллекцией книг и рукописей эрудиту, способному оценить их и, следовательно, присвоить.

Рассказывают, что однажды несколько ученых мужей получили позволение посетить его библиотеку и не смогли добиться ни слова от библиотекаря, настолько он был невежествен, необразован и туп. Когда кардинал осведомился, каковы их впечатления, один из посетителей ответил:

— Библиотека прекрасна, монсеньер, но...

— Но что? Говорите откровенно!

— Насколько великолепна библиотека, настолько ничтожен ее хранитель...

— Сударь, — ответил Пассионеи, — моя библиотека — это мой сераль, а всякий сераль для безопасности должен охраняться евнухами.

* * *

Некоторые библиоманы, лишённые угрызений совести, вместо того, чтобы присваивать целый том, вначале ограничиваются частью его, иногда несколькими страницами, с тем чтобы понизить стоимость книги. Таков был некий доктор Р., когда-то хорошо известный всем книгопродавцам Лиона и наводивший на них ужас. Ученый поэт Франсуа Феррио прославил его подвиги в одном из сонетов своих «Легенд о книге». Чтобы заполучить по дешевке редкое многотомное издание, этот ученик Эскулапа и Меркурия потихоньку утаскивал один из томов, а через пару недель приходил в лавку с просьбой продать ему по сходной цене все издание в целом, которое — «не правда ли?» — неполно.

Другой эрудит, чье имя дорого всем друзьям книги, Луи Пари, бывший хранителем библиотеки города Реймса, повествует о хитрости и изобретательности еще одного библиотечного «разорителя», предупреждая всякого, кто владеет библиотекой или служит в ней, о необходимости быть начеку.

«У меня выработалась привычка наблюдать за всеми, кто постоянно приходит в нашу библиотеку, и я в этом не раскаиваюсь: я не доверяю ни ученым, ни художникам, ни писателям, ни чиновникам, ни — в особенности — составителям коллекций, — короче говоря, я не доверяю никому, и даже человека с репутацией самого благородного и честного существа в мире я не оставляю на пять минут наедине с книгами.

В Реймсе долгое время жил один господин, чья страсть к книгам была мне хорошо известна; у него была любопытная

коллекция редких и миниатюрных книг, доставшаяся ему задешево. Он охотно покупал дефектные экземпляры: дело в том, что платил он за них мало, а потом умело возвращал книге первоначальный вид. Он действовал так: приходил к вам на правах друга, рассматривал вашу библиотеку, перелистывал книги, уделяя особое внимание тем из них, дефектные экземпляры которых были у него дома, и только вы отворачивались, как нужная ему страница исчезала в его кармане, а ваш обесцещенный том возвращался на место. На аукцион он приходил днем, чтобы просмотреть книги, предназначенные для вечерней распродажи: брал в руки каждый том, был особенно внимателен к наиболее ценным книгам, осторожно вырывал из них страницы, прятал их в карман редингота, а вечером приходил на торги. Когда книга, побывавшая в его руках, привлекала чье-то внимание, он просил показать ее ему, как бы случайно наткнувшись на изуродованное место, извещал об этом ведущих торги, и книга сразу понижалась в цене. «Впрочем,— говорил он,— я охотно куплю ее в том виде, как она есть, и подарю ее другу, который о ней мечтает». И книга продавалась по ничтожной цене.

Вы понимаете, как я волновался, когда этот господин приходил к нам.

— Послушайте, дорогой мой,— сказал я ему однажды,— когда вы в следующий раз придете в нашу библиотеку, садитесь вот сюда, за мой стол, рядом со мной; моя чернильница, мое перо, моя бумага — все к вашим услугам; вы мне так симпатичны, что я ни на минуту не могу расстаться с вами.

Он понял меня правильно, и я избавился от него».

В другой раз Луи Пари известили о том, что Реймскую библиотеку собираются посетить инспектор Университета г-н Беке и бывший член Конвента Куртуа, прославившийся своими набегами на письма и бумаги Робеспьера. Не кто иной, как тот самый разоритель книг, вырывающий из них страницы, взял на себя труд предупредить г-на Пари и напомнить ему о двусмысленной репутации Эдме Куртуа.

«— Смотрите за ним, как следует, даю вам дружеский совет,— сказал он,— Куртуа большой любитель книг...»

Г-н Пари поблагодарил и решил быть начеку.

«Действительно, в тот же день эти господа пожаловали ко мне,— рассказывает он.— Перед их приходом я как следует проверил свои фонды. Мы тогда как раз собирались перевозить их из Сен-Реми в Ратушу. Большая часть книг лежала на полу, разложенная по форматам. Я знал на память место каждого тома. Гости прошлись по комнатам, стали расспрашивать меня о наших богатствах, наших редкостях.

— Много ли у вас,—спросил г-н Беке,—первопечатных книг XV века?

— Есть несколько штук,—отвечал я и подвел гостей к полке.

Но одной из книг уже не было на месте, и не такой уж плохой—„Lucius Anneus Florus“, маленького, но очень ценного инкварто.

Я сделал вид, что не заметил этого; гости стали восхищаться моим Гомером 1488 года, Сабелликом 1489 года, Библией 1482 года и еще несколькими книгами. Я старался не проговориться о пропавшей книге и проводил гостей вниз. После этого я запер входную дверь на ключ, положил ключ в карман и подошел к гостям.

— Господа,—сказал я,—вас не предупредили, что я за человек? Нет? Так вот, я исповедуюсь перед вами. Я имею несчастье быть подозрительным, жестоким, не верить ни в чье благородство,—разумеется, когда речь идет о книгах; и, подумайте сами, в данную минуту я просто жалок: меня мучает уверенность, что один из нас троих—вор. О боже мой, боже, простите мне эту мысль! Впрочем, вором ведь могу оказаться и я... Можете обыскать мои карманы! Не хотите? Тогда смотрите, вот мои карманы, вот передний, вот задний... Я честный человек. Теперь ваша очередь, господин инспектор.

— Прошу вас, господин библиотекарь,—сказал г-н Беке. И позволил обыскать себя.

Осматривая его карманы, я не спускал глаз с Куртуа. Он вертелся, гримасничал, кашлял, наклонялся.

— Не беспокойтесь, г-н Куртуа, не беспокойтесь, дойдет очередь и до вас!

— Ну что ж!—сказал тогда вор,—это дьявол, а не человек! Придется, видно, вернуть книгу!

И он швырнул ее на стол.

По поводу недоверчивости библиотекарей или библиофилов к некоторым посетителям рассказывают одну весьма типичную историю. Один коллекционер из Гааги, владелец богатой коллекции эльзевиров, был таким безжалостным и неумолимым цербером, что даже самых близких, лучших своих друзей, если они хотели полюбоваться его миниатюрными изданиями, заставлял переносить унижительную процедуру надевания поверх костюма широкого балахона без рукавов и без отверстий для рук.

II

Кража книг из жажды наживы: Пьер де Каркави. Жан Эймон.—Либри.—Арман.—Кражи в публичных библиотеках.—Любопытные меры предосторожности одного английского библиотекаря.

Однако любители присваивать чужие книги не всегда делают это ради того, чтобы поставить книгу на свою полку и любоваться ею. Часто книги воруют с тем, чтобы перепродать их. Эта торговля—во всяком случае, если речь идет о библиографических редкостях—испокон веков была очень прибыльна, в противоположность торговле обычными книгами, которые, как правило, весьма дешевы и продаются за гроши.

Уже в средние века и светские и духовные владельцы книг принимали массу предосторожностей, чтобы сберечь свои книги.

Аббат Лу де Феррьер, один из самых аттических французских писателей IX века, просит прощения у архиепископа Реймского Хинкмара за то, что не смог отправить ему сочинение Беды Достопочтенного—«столь объемистую книгу, что она не может быть спрятана ни на груди, ни в котомке. И, даже если бы это было возможно, слишком велика опасность встретиться с разбойниками, которых могло соблазнить великолепие рукописи, вследствие чего она была бы потеряна и для меня, и для вас».

Владельцы манускриптов, пытаясь защитить свое добро, прибегали к мерам сомнительной эффективности.

В XI веке Роберт, архиепископ Кентерберийский, подарил монастырю этого города Rituel (sacramentary), в конце которого было написано: «Если кто бы то ни было силой, обманом или любым другим способом овладеет этой книгой, да послужит это злодеяние причиной погибели его души, да будет его имя вычеркнуто из книги жизни и да не появится оно среди имен праведников».

В манускрипте 1072 года из Кассенского монастыря имеется аналогичное примечание: «Если кто-нибудь попытается овладеть этой книгой под каким бы то ни было предлогом, да будет он в день Страшного суда в числе тех, кого предадут огню».

В манускрипте, датированном примерно 1250 годом, читаем: «Эта книга принадлежит Рочестерскому монастырю, анафема всякому, кто украдет и спрячет ее. Аминь».

В другом монастыре приор и монахи грозили отлучением от церкви тому, кто осмелится украсть рукопись «Физики»

Аристотеля или хотя бы испортить ее титульный лист.

Наконец, в библиотеке Ватикана, самой старой в Европе, на одном из мраморных столов читального зала до сих пор лежит декрет Сикста Пятого, грозящий отлучением всякому, кто вынесет хотя бы один том из библиотеки без собственно-ручного письменного позволения самого папы.

* * *

Одну из первых краж, совершенных в нашей Национальной библиотеке, приписывают Пьеру де Каркави, назначенному Кольбером «хранителем Королевской библиотеки». Этот неверный хранитель предпочитал в основном дубликаты; он, надо полагать, более или менее удачно избавлялся от них; во всяком случае, книжные собрания, доверенные ему, оказались в очень плохом состоянии, и никому не удалось выяснить судьбу изрядного количества книг. В начале января 1684 года Каркави был освобожден от своих обязанностей и умер в том же году.

Один из его помощников и переписчиков, унаследовавший его пост, Николя Клеман, стал жертвой бесчестных махинаций священника-вероотступника, наглого грабителя по имени Жан Эймон.

Эймон родился в 1661 году в Дофинэ и получил хорошее образование в Гренобльском коллеже. Оттуда он уехал в Рим, где постригся в монахи. Ему еще не было в тот момент двадцати трех лет, поэтому, согласно постановлению Тридентского собора, для его пострижения необходимо было разрешение папы. Иннокентий XI выдал ему разрешение, в котором отмечены были добрый нрав и различные достоинства кандидата. Однако бесчестные интриги и всевозможные преступления, свидетелем которых Эймон стал в Ватикане, лишили его терпения и веры. Он бежал в Швейцарию, сблизился со сторонниками реформации и принял протестантство. Затем отправился в Голландию в качестве пастора. Там женился. Однако, едва ввел жену в дом, как почувствовал жгучее раскаяние, бросил ее, распрощался с протестантизмом и решил вернуться в лоно католической церкви и в родную страну, Францию. С просьбой ходатайствовать о своем возвращении он обратился к Николя Клеману, хранителю Королевской библиотеки, предлагая ему в то же время приобрести за довольно большую плату «Гербарий» знаменитого Поля Эрмана в 40 томах ин-фолио.

Клеман передал письмо Эймона суперинтенданту королевских парков Фагону, и тот отсоветовал ему покупать «Гербарий». Но какой-то злой демон толкал Клемана, и он продолжал

прислушиваться к проектам, исповедям и излияниям вероотступника Жана Эймона, который теперь якобы мечтал лишь о возвращении на путь истинный. Эймон, по его словам, мог сообщить министрам важные государственные тайны, был готов написать толстый фолиант против республиканского духа гугенотов-эмигрантов. Однако, чтобы написать и издать это сочинение, Эймону было необходимо покинуть Голландию, где он не чувствовал себя в безопасности, и вернуться во Францию.

Клеман, «добрый господин Клеман», как его обычно называли, посоветовался с несколькими своими знакомыми священниками, в частности, с аббатом Бидалем, французским посланником в Гамбурге, который занимался религиозными делами и знал Эймона. Аббат Бидадь решил, что извлечь из рук кальвинистов такого человека, как Эймон,— почетная миссия; Клеман повторил это министру Поншартрену, а тот сообщил обо всем королю. В то время католики охотно использовали возможность публично прощать колеблющихся вероотступников (жестко истребляя тех, кто упорствовал в заблуждениях). Гаагский эмигрант просил немного— всего лишь разрешения на въезд во Францию. Король повелел удовлетворить его просьбу.

В апреле 1706 года Эймон приехал в Париж и первым делом нанес визит Клеману. Он жаждал поблагодарить его за доброту и участие и доказать ему свое раскаяние и свою искренность. Доказательства, однако, оказались своеобразными!

Разумеется, прошлое Жана Эймона, его постоянные скитания, его мелочность, подозрительность и неуживчивость, его многочисленные метаморфозы мало располагали в его пользу: Николя Клеман сознавал это. Однако по доброте душевной он оказал новообращенному самый сердечный прием, обнадежил его и сам вызвался представить в Версале Поншартрену. Эймон вручил министру две памятные записки: одну, касающуюся религиозных материй, где обвинял эмигрантов в «преступном и разнузданном распутстве», величайших преступлениях и чрезвычайных злодеяниях; другую, касающуюся политики, и, в частности, войны между Францией и Голландией.

Министр назвал политические откровения господина Эймона беспочвенными, а памятную записку на религиозные темы передал кардиналу де Ноайлю, парижскому архиепископу.

Снова Эймону пришлось прибегнуть к помощи добрейшего Клемана, который представил своего протезе прелату и

напомнил обо всех жертвах, принесенных Эймоном ради успокоения своей совести—о пожизненной пенсии, ежегодных вспомоществованиях, жаловании преподавателя математики (400 эку), которые ему выплачивали в Голландии и т. д. Архиепископ пообещал ходатайствовать перед королем, а тем временем предложил Клеману принять Эймона в библиотеку и дать ему возможность работать со всеми книгами, которые понадобятся для обещанного обличения протестантизма,— что тут же было исполнено.

Волк оказался в овчарне.

Эймон каждый день, исполнив с усердием свои обязанности ревностного католика, прибегал в библиотеку на улице Вивьен и листал бесчисленные манускрипты, где надеялся найти новые аргументы для борьбы с еретиками; Клеман же был занят своими непосредственными обязанностями, иногда заставлявшими его даже покидать стены библиотеки, и не всегда мог сопровождать усердного труженика и наблюдать за его изысканиями.

Однако Эймон терял терпение—с его точки зрения плата за обращение и измену запаздывала. Он частенько ругал короля и его министров, осыпал их гневными упреками за то, что они не сдержали данного ему слова. Эти нескромные и все более страстные жалобы весьма смущали Клемана, и, когда Эймон перестал являться в библиотеку, он не мог не поздравить себя с исчезновением посетителя. Тем лучше! Он, наконец, будет избавлен от столь требовательной и беспокойной личности!

Недолгой, однако, была его радость.

Однажды утром Клеман получил для ознакомления документ, адресованный правительству и написанный французским агентом, проживавшим в Гааге:

«Необходимы сведения о человеке по фамилии Эймон, называющем себя бывшим капелланом кардинала Ле Камю. Прожив некоторое время в Гааге, он уехал в Швейцарию, где принял протестантство, затем исчез, затем объявился в Париже. Известно, что туда он привез с собою „Алкоран“, арабскую рукопись, украденную им у одного из гаагских книгопродавцев. Недавно он вернулся в Голландию, и, по слухам, не с пустыми руками; говорят, что привезенное им—плоды краж, совершенных им в Париже за те 5 или 6 месяцев, которые он вполне законно провел там. Среди привезенного—„Последний Иерусалимский собор православной церкви...“ и некоторые другие книги, которые, как предполагают, украдены им из Королевской библиотеки. По всей вероятности, у этого человека во Франции могущественные покровители. 10 марта 1707 г.»

Как! „Иерусалимский собор“, один из самых драгоценных манускриптов библиотеки, находится в Гааге в руках Эймона? Клеман поспешил к шкафу, где всегда было заперто на ключ бесценное сокровище: шкаф был пуст. Вместе с „Иерусалимским собором“ исчезла и другая ценная книга — первый том автографов писем Висконти.

Клеман немедленно написал в Гаагу и стал требовать судебного расследования.

Воровство было бесспорно совершено, однако прямых улик против столь бесстыдного человека, как Эймон, не было. На обвинение Клемана он ответил взаимным обвинением: Королевская библиотека и ее французские агенты, якобы, составили заговор, чтобы ограбить его, Эймона. Королевская библиотека никогда не владела „Иерусалимским собором“. Этот манускрипт был передан бенедиктинским монахом из братства Сен-Мор некоему «бесстрашному другу истины», имя которого Эймон обещал сохранить в тайне и, разумеется, никогда не предаст огласке. Неизвестный друг вручил манускрипт Эймону. В остальном же происки Королевской библиотеки не что иное, как следствие религиозных распрей, трусливая месть верному кальвинисту, который ездил в Париж именно для того, чтобы разоблачить глупость и бесчестность папистов и т. д.

Однако, как сообщал французский агент, Эймон привез из Франции отнюдь не две книги. «Итальянские письма Просперо Санто-Кроче», «Посольство епископа Ангулемского в Рим», «Беседы Конфуция», древние Евангелия, написанные унциальным шрифтом, послания апостола Павла на веленовой бумаге ин-фолио и т. д. — все они исчезли с полок Королевской библиотеки и мало-помалу обнаружили у Эймона.

Чтобы обличить презренного обманщика, Клеман решил отправить в Гаагу письма, полученные им от Эймона, но государственный секретарь по сношениям с границей г-н де Торси запретил выпускать из рук оригиналы — достаточно послать заверенные копии, решил он. Кто осмелится заподозрить в подлоге французскую администрацию? Однако Эймон немедленно поклялся, что письма подделаны и со своим обычным цинизмом снова превратился из обвиняемого в обвинителя.

Г-н де Торси не снизошел до того, чтобы спорить с Эймоном, и гаагские судьи оправдали обманщика.

Николя Клеман не вынес этого удара. Источив все силы написание оправдательных документов, писем, обвинений, направленных против обманувшего его доверие и бдительность негодяя, который скомпрометировал его после пятидеся-

ти лет беспорочной службы, он заболел и отправился в Экс на воды, предоставив продолжение судебных преследований г-ну де Торси. Наконец, в 1709 году, после долгих переговоров между Голландскими штатами, которые не хотели выглядеть сообщниками Эймона, и судьями, осмелившимися оправдать его, рукопись „Иерусалимского собора“ была возвращена Франции. Клеман, без сомнения, испытал огромную радость при виде бесценного фолианта; но здоровье его было подорвано, и, несмотря на частые поездки на воды в Экс, он скончался 16 января 1712 года в возрасте 64 или 65 лет. Врачи приписывали смерть Клемана грудной водянке, но на самом деле, как считали многие, он умер от горя, причиненного ему потерей книг, и его убийцей был Эймон.

Добавим, что, несмотря на ходатайства и старания многих преемников Николая Клемана, в частности, аббата Биньона, большинство рукописей и книг, украденных Жаном Эймоном, было безвозвратно утрачено.

* * *

— Либри!— вот символическое имя²; из всех книжных воров никто, даже Винцент барселонский, книготорговец-убийца, не наделал столько шума и не оставил столь ярких воспоминаний о себе. Эта позорная известность— следствие нескольких причин: во-первых, Либри, благодаря своей чрезвычайной изворотливости, изумительной хитрости в течение 10 или 15 лет (обстоятельства благоприятствовали ему) имел знаменитых и усердных покровителей, его поддерживали авторитетные и образованные деятели культуры: Гюстав Брюне, Лабулэй, Ахилл Жюбиналь, Полен Пари, Поль Лакруа, Гизо, Виктор Леклер, Альфред де Вайи и в особенности Мериме; во-вторых, его кражи были столь значительны, что, если бы можно было оценить нанесенный им ущерб, пришлось бы назвать цифру в несколько миллионов.

Либри был разорителем национального богатства. И, что еще усугубляет его вину, он воровал книги не из любви к ним, как Винцент, не оттого, что не мог расстаться с ними, не ради удовольствия листать их, рассматривать, любоваться ими, питать ум и душу— нет, у Либри не было иной цели, кроме как продать украденные рукописи, инкунабулы и автографы по максимально высокой цене: он с таким же успехом воровал бы банкноты или золотые слитки; он был самым обыкновенным жуликом.

² Игра слов: liber, librum— книга (лат.). (Примеч. переводчика.)

Гийом-Брутус-Тимолеон Либри-Карруччи родился 2 января 1803 года во Флоренции; среди его предков был поэт Фео делла Соммиа, друг Петрарки и Боккаччо, прозванный из-за любви к книгам Либри делла Соммиа,—от этого и произошло имя Либри. Отец Гульемо Либри был в 1816 году в Лионе приговорен к 10 годам каторжных работ и клеймен за мошенничество в торговле. В 1830 году двадцатисемилетний Либри, замешанный в политическом заговоре, был вынужден покинуть Италию и укрыться во Франции. Он к этому времени уже опубликовал несколько научных трудов и заведовал кафедрой в Пизанском университете. Он был действительно знающим ученым, талантливым математиком; но еще более талантлив он был в разных хитростях и обманах.

Пользуясь протекцией Араго, он делает головокружительную карьеру. Вот несколько этапов его возвышения: в 1832 году он — заместитель Био на кафедре в Коллеж де Франс; в 1833 году принимает французское подданство и 28 мая того же года избирается в члены Французской Академии; в следующем году он — профессор естественного факультета и кавалер ордена Почетного легиона; в 1838 году — редактор „Журналь де Саван“ („Газеты ученых“); в 1834 году занимает штатную должность профессора в Коллеж де Франс и даже исполняет обязанности генерального инспектора народного образования и т. д.

Поистине так везет в нашей стране только иностранцам! Постановление от 3 августа 1841 года предписывало составление и публикацию «Генерального каталога всех рукописей на древних и новых языках, хранящихся в настоящее время в публичных библиотеках департаментов»; Либри был назначен секретарем Комиссии по составлению этого каталога. Тем самым он получил доступ во все муниципальные библиотеки Франции. В Париже он уже обследовал самые богатые книжные собрания: Королевскую библиотеку, Библиотеку Мазарини, Арсенала, Французской Академии и т. д.; еще до приезда во Францию он совершил несколько набегов на библиотеки Флоренции и Пизы. В провинции ему почти повсюду был оказан самый теплый прием; мэры и хранители библиотек, успокоенные, а подчас ослепленные официальными титулами господина секретаря и генерального инспектора, допускали его к своим сокровищам и позволяли трудиться над ними и днем и ночью безо всякого наблюдения. Лишь хранитель библиотеки в Оксерре, хотя и не выказал недоверия столь знаменитому гостю, не нарушил правил и действовал с предосторожностями: он позволил приезжему остаться в библиотеке на ночь, но сотрудник библиотеки неотступно находился

при госте, помогая ему в розысках, следя за освещением и за порядком.

Поэтому библиотека Оксерра была единственной, которая не пострадала от набега варвара; остальные—библиотеки Дижона, Лиона, Гренобля, Карпентра, Монпелье, Пуатье, Тура, Орлеана—были разграблены. Либри пользовался не только оказанным ему доверием, но и, надо это признать, беспечностью и невежеством библиотекарей, и свои кражи делал незаметными, исправляя названия в каталогах и библиографических карточках. Ему на руку было и то, что помощник библиотекаря в Туре, по имени Сейтр, был в 1843 году приговорен к двум годам тюрьмы за изъятие нескольких книг из муниципальной библиотеки, и позже свалил или попытался свалить свои многочисленные кражи на этого своего предшественника.

Прежде чем избавиться от украденных рукописей, Либри старательно «гримировал» их; он изменял переплеты, кое-что подчищал, добавлял надписи, указывающие на принадлежность этих экземпляров вымышленным владельцам и т. д.

Но все в этом мире имеет свой конец. Первые обвинения против Либри, выдвинутые в 1846 году, не привели ни к какому результату: никто не желал поверить, что столь значительное лицо повинно в таких позорных преступлениях. Годом позже в ходе распродажи редких изданий, из которых многие «принадлежали» Либри и цена на которые достигала более 10 тысяч франков, против него были выдвинуты новые обвинения, более точные и доказательные, и королевскому прокурору суда департамента Сены г-ну Букли было поручено следствие.

Благодаря Гизо, первому министру и близкому другу Либри, бывшему, по слухам, свидетелем на его свадьбе, дело снова было приостановлено. Но тут произошла революция 1848 года. Донесение г-на Букли, переданное Гизо, было найдено в кабинете последнего; Либри, узнав об этом 28 февраля во время заседания в Академии наук, успел скрыться в Англию, увезя с собою 18 ящиков книг, застрахованных на сумму 25 тысяч франков.

Приговоренный заочно к десяти годам тюремного заключения, к лишению всех чинов и званий, Либри укрылся в Лондоне вместе с женой и не переставал оспаривать приговор. Он упорно выдавал себя за жертву политической мести, хотя ему справедливо указывали, что следствие против него было возбуждено еще до падения правительства Луи-Филиппа.

Публика, в особенности библиофилы, была крайне возбуждена делом Либри. У обвиняемого, как мы уже говорили,

сохранились, несмотря ни на что, многочисленные и знаменитые сторонники. Когда в 1861 году госпожа Мелани Либри, сестра барона Дубля, послала в сенат петицию и попыталась использовать свои связи в высших сферах, чтобы пересмотреть дело своего мужа, генеральный прокурор Дюпен, всегда щедрый на язвительные каламбуры, наградил одним из них сторонников библиотечного пирата: «В деле Либри,— сказал он,— некоторые люди действуют поистине с легкостью колибри!»

Г-н Леопольд Делиль, почтенный директор нашей Национальной библиотеки, ясно и недвусмысленно доказал виновность Либри. Лорд Эшбурнем, отец которого купил немало книг, украденных Либри, специально интересовался доказательствами и получил их в 1880 году в отношении испорченного рукописного экземпляра Пятикнижия из Лиона. Г-н Леопольд Делиль доказал лорду, что в 1837 году рукопись была еще в целости и сохранности в Лионе; об этом свидетельствует одна немецкая книга того времени; следовательно, искажения могли быть внесены лишь после 1837 года; он предложил лорду обратиться к компетентным судьям для решения спора, но Эшбурнем предпочел сразу согласиться с неопровержимыми фактами и передал французскому послу в Лондоне, г-ну Леону Сэю, фрагменты драгоценного Пятикнижия.

Однако, как заметил г-н Леопольд Делиль, поздравления со столь щедрым поступком, стекавшиеся к лорду Эшбурнему со всех сторон, не заставили его расстаться с остальными рукописями его библиотеки. По словам Эшбурнема, он боялся окончательно обратиться в веру Делиля, что вынудило бы его отправить во Францию немало манускриптов.

Большинство великолепных творений, наполнявших ящики итальянского авантюриста, до сих пор находятся за пределами Франции; они обогатили книгохранилища Англии, Италии, Германии, Америки. Лишь некоторые, самые ценные, были выкуплены в 1888 году по инициативе г-на Леопольда Делиля на средства французского правительства.

Гийом Либри, вернувшийся в родную страну и впавший там в страшную нищету, умер во Фьезоле близ Флоренции 28 сентября 1869 года.

С именем Либри неразрывно связано имя Жозефа Барруа, бывшего депутата Северного департамента, скончавшегося в 1855 году,— строго говоря, он не был книжным вором, однако укрывал и продавал краденое. Купив у Либри большое количество манускриптов, нагло украденных из Королевской библиотеки, Жозеф Барруа искажил их до неузнаваемости,

тайно вывез из Франции и продал еще в 1849 году лорду Эшбурнему, как раз в тот момент, когда суд рассматривал дело Либри³.

Добавим, что жертвой жестокой мести Либри стал около сорока лет назад математик Мишель Шарль. Предполагают (впрочем, сведения эти не могут быть названы абсолютно точными), что именно Либри послал к Шарлю, занявшему его место в Академии, мошенника Врен-Лукаса с его великолепной коллекцией поддельных автографов, в числе которых были письма Пифагора, Нерона, Марии Магдалины, Клеопатры, Юлия Цезаря и т. д., не говоря уже о заметках Паскаля и фрагментах Галилея. Вся Франция смеялась над этим происшествием, которое в 1869 году завершило дискуссию о деле Либри.

* * *

Библиотека Труа, в которой Либри успел побывать дважды, имела несчастье подвергнуться набегу еще одного мастера темных дел, Огюста Армана, назначенного ее хранителем в 1842 году. Арман наблюдал Либри за работой и заметил, что тот всегда имел под мышкой большой портфель и носил просторный редингот, позволявший ему спрятать книгу в то время, когда сопровождавший его служитель уходил, отосланный им под тем или иным предлогом. Арман не замедлил воспользоваться поучительными уроками. В течение 30 лет он имел неограниченные возможности хозяйничать во вверенной его попечению библиотеке и грабить ее; нанесенный им ущерб трудно переоценить.

По обвинению, предъявленному ему консьержем мэрии, который застал его вместе с сообщником, книгопродавцем Дюфеем, за кражей книг, Арман был приговорен к четырем годам тюремного заключения. По примеру Либри он попытался выдать себя за жертву политических распри и личной ненависти к нему, которую якобы испытывал вышеупомянутый консьерж и бывший мэр Труа, однако преуспел не более, чем его учитель и предшественник.

В ходе процесса обнаружилась одна довольно любопытная деталь. Арман заботливо убирал из каталога карточки с описанием украденных им книг, вследствие чего эксперты, господы Людовик Лаланн и Анатолий де Монтэглон, не могли

³ Лорд Эшбурнем, по всей вероятности, не знал происхождения книг Либри и Барруа в тот момент, когда покупал их; но впоследствии, когда суть дела стала ясной всем, он со спокойной совестью сохранил их у себя, а сын его торговал ими отнюдь не в ущерб себе.

найти никаких следов и их задача становилась почти неразрешимой. Случайность, которую вполне можно назвать перстом судьбы, позволила им установить местонахождение каталога и составить точный список потерь.

Каталог состоял из карточек — поэтому ненужные отправлялись на чердак, где их в свое удовольствие грызли мыши; целые разделы каталога, например, «Изобразительное искусство» и «Литература», были уничтожены. Напротив, разделы «Теология» и «История», лежавшие в другом углу чердака на антресолях, сохранились в целости; именно по ним оказалось возможным, хотя бы частично, установить первоначальный состав каталога. Защитником каталога, ставшего жертвой человеческой нечестности, был филин, свивший себе гнездо среди «Истории» и «Теологии».

* * *

Впрочем, кража книг из фондов библиотеки теми, кому доверено хранить эту библиотеку, довольно сложна и потому сравнительно редка. Хранитель всегда имеет рядом с собою какого-нибудь помощника, подчиненного, которого ему постоянно приходится обманывать или, что не менее опасно, подкупать.

Читателям тоже не так просто выкрасть книгу из публичной библиотеки, поэтому подобные происшествия малочисленны. Везде приняты самые тщательные меры предосторожности против воров.

Всякая книга, поступающая в публичную библиотеку, каково бы ни было ее происхождение (куплена она, подарена или обменена), немедленно регистрируется в журнале новых поступлений, и на ней проставляют ее порядковый номер, а также штамп библиотеки.

Таким образом, если вору даже удастся обмануть бдительность хранителей и вынести один или несколько томов из библиотеки — что само по себе невероятно трудно, — ему придется уничтожить почти несмываемые следы принадлежности книги ее истинному владельцу.

И даже если предположить, что всевозможные смывания и подчистки страниц будут сделаны с максимальной ловкостью, какой букинист или книгопродавец не обнаружит их следов, листовая книга? А сколько труда, усилий, мучений, стараний потребует такая работа!

Несколько лет назад некий молодой человек был уличен книгопродавцем, которому он предложил купить «Трактат о паровой машине», украденный из библиотеки св. Женевьевы. Он уничтожил — бог знает с каким трудом! — четыре штампа

библиотеки, т. е. монограмму на обложке, штамп на титульном листе, на странице 41-й (в первом томе) и на последней странице; он считал себя в полной безопасности. Увы! — он не заметил, что трактат состоял из двух частей, переплетенных в один том, и не уничтожил печать на 41-й странице второго тома. Букинист наткнулся на эту печать и немедленно позаботился о том, чтобы рассеянного неудачника арестовали.

Что происходит во Франции с книгой, украденной из какой-либо публичной библиотеки? Обязан ли покупатель ее вернуть и на каких условиях? Приведем в пример судебный процесс 1861 года: г-н Шлезингер, парижский книгопродавец, купил в Пруссии на аукционе, устроенном после кончины капеллана короля Пруссии, книгу под названием «Наслаждения волшебного острова», украшенную гербом Ле Телье, архиепископа Реймского, и подаренную владельцем в составе всей своей библиотеки монастырю Св. Женевьевы. Г-н министр народного образования потребовал вернуть книгу, украденную из библиотеки, причем вернуть безвозмездно, хотя г-н Шлезингер согласен был продать книгу по той цене, по какой приобрел ее сам. Суд департамента Сены посчитал правым книгопродавца, однако императорский суд постановил, что книга должна быть возвращена безвозмездно. В связи с этим было решено, что вообще любая книга должна быть безвозмездно возвращена публичной библиотеке, если доказано, что она украдена из нее.

Любопытный способ применяют вот уже несколько веков в Гильфорде, в Англии. Коллекция редких книг была завещана муниципальной школе этого города, и один из преподавателей нес ответственность за ее сохранность: если пропадала одна из книг, он должен был возмещать убыток. Один из таких ответственных, чтобы устранить всякую опасность, задумал проект, который показался ему превосходным, а на самом деле был губительным. Он тщательно упаковал книги, выломал несколько плит из пола, спрятал туда книги и снова выровнял пол. Книги были теперь, как он считал, в абсолютной безопасности. Однако он забыл о крысах и мышях. Грызуны сбежались из всех углов и с аппетитом сгрызли все книги. В день эксгумации драгоценная коллекция была извлечена на свет в жалком виде, а чрезмерно хитроумный преподаватель лишен места и заключен в тюрьму.

III

Кражи книг, совершенные служащими у издателей, брошюровщиков, переплетчиков, книготорговцев и букинистов: Обмен музыкой.— «В книжных лавках так понизились цены!» — Издатель, у которого все делается по-семейному.— Переплетчик, каких мало.

Кражи книг у издателей, брошюровщиков, переплетчиков, книготорговцев и букинистов можно, как и предыдущие, разделить на две категории: кражи, совершенные служащими или их близкими знакомыми в лавке, магазине или мастерской, и кражи, совершенные посторонними людьми—завсегдатаями или случайными покупателями.

Неожиданно книгопродавец замечает, что значительное число книг пропадает из его магазина, не будучи зарегистрированным ни в каких квитанциях или ведомостях. Он чувствует, что причина—в мошенничестве, причем не случайном, однократном, а постоянно возобновляемом, хорошо продуманном и четко выполненном. По всей вероятности, у виновного есть сообщники, помогающие ему сбыть награбленное. Но кто они? Как их найти?

Недавно я наблюдал следующий способ предосторожности: книги, стоящие на видном месте, относительно которых предполагалось, что их могут украсть, были слегка помечены карандашом в нескольких местах (примерно так, как ставят штампы на библиотечных книгах). Книгопродавцы или посредники, покупающие или перепродающие книги оптом, не так многочисленны, и притом каждый из них специализируется в определенной сфере—поэтому того, кто придет продавать им помеченные книги, можно довольно скоро обнаружить и поймать с поличным.

Несколько служащих, работавших у крупнейших издателей музыкальной литературы, изобрели лет двадцать назад простой, но хитроумный трюк, чтобы обмануть своих хозяев. Они обменивались между собой и таким образом избегали опасного посредничества скупщика краденого; вернее, каждый из них был скупщиком для другого. Один из них, работавший в издательстве А, нуждался, например, в партитуре, изданной у Б. Он отправлялся в издательство Б., и тамошний его знакомый выносил ему требуемую партитуру в обмен на равноценную партитуру, изданную у А. Через некоторое время он избавлялся от нее, не без выгоды для себя. Он либо присоединял ее к партитурам, изданным у своего хозяина,

либо обменивал ее на партитуру, изданную в С., где работал еще один из его «коллег».

Любопытен и процесс, возбужденный одним из главных книжных агентов Парижа, состоявшийся через несколько лет после «музыкального» дела и преподнесший истцу довольно неприятный сюрприз.

С некоторых пор он стал замечать, что его выручка становится все меньше и меньше, а на полках по неизвестной причине все больше и больше пустых мест. Не было никаких сомнений в том, что его обворовывали и что делали это его собственные служащие. В конце концов он застал троих из них на месте преступления и вызвал полицию, которая их арестовала. Расследование показало, что эти служащие освобождали от книг не только лавку своего хозяина; они «работали» также и на стороне: отправленные за товаром к другим книгопродавцам, они не теряли времени даром и никогда не возвращались обратно с пустыми руками. Но самое неприятное состояло в том, что утащенные таким образом книги они продавали не кому иному, как собственному хозяину, их нынешнему обвинителю, который перепродавал их по очень низкой цене.

Судья не замедлил открыть этот факт и сообщить присяжным—после чего истец превратился в обвиняемого и занял место на скамье подсудимых.

«— Как могли вы согласиться на подобные операции?»

— Я не знал о происхождении этих книг.

— Но их мизерные цены должны были подсказать вам, что дело нечисто. Когда обворовывали вас, вы немедленно подняли шум, а когда в дураках оставались другие, вы спокойно получали выгоду от продажи краденого.

— Если бы я знал..

— Разве скидка в 60 или 100 франков ни о чем вам не говорила? Разве она не насторожила вас?

— Ах, господин судья! Сейчас в книжных лавках так понизились цены!»

И только благодаря этому аргументу—впрочем, надо признать, уместному и неопровержимому!— наш герой вышел сухим из воды.

* * *

Другое дело примерно той же эпохи и также достаточно нашумевшее в мире литераторов и издателей доставило серьезные хлопоты своему протагонисту.

Есть люди, которые всегда жалуются, что их обворовали: это их мания. Я знал одного издателя, ныне сошедшего со сцены,— он каждое утро сообщал всем о новом мошенничестве,

которое только что открыл; больше всего беднягу огорчало то, что комиссар полиции, утомленный его постоянными и бесконечными жалобами, не желал его принимать.

Но в деле, о котором мы собираемся рассказать, все обстояло серьезнее. Комиссар, получив от истца список книг, которые, по его словам, были у него украдены, неожиданно захотел сверить этот список с торговыми книгами издателя-истца. Тот сначала попытался отделаться отговорками: хотя торговые книги у него ведутся, но они ничего не доказывают; у него все обговаривается на словах, по-семейному. Однако комиссар настаивал, и пришлось подчиниться. Оказалось, что два названия в списке украденных книг наталкивали на размышления: недостающих экземпляров этих книг было обозначено больше, чем было их отпечатано: другими словами, кому-то удалось украсть экземпляры, которые никогда не были отпечатаны, которых не существовало в природе!

«В таком случае вы неверно обозначаете тираж в ваших торговых книгах», — не без оснований заметил комиссар. Издатель возразил, что это опять-таки — дело семейное, потому что он и его авторы — близкие друзья; что они сами хотели, чтобы цифры не совпадали...

— Но зачем? Мне непонятны причины...

— Это выгодно авторам... для продажи, господин комиссар, чтобы привлечь публику. Не беспокойтесь: я поговорю с ними...»

И, надо думать, он с ними «поговорил», и все уладил, ибо это любопытное открытие ни тогда, ни после не повело ни к каким конфликтам между писателями и издателем.

Необычная кража, сильно взволновавшая мир библиофилов, была зарегистрирована в ноябре 1902 года. Переплетчик, чьи имя и талант известны всем богатым коллекционерам, решил продать самые замечательные книги из тех, которые клиенты отдали ему, чтобы переплести. Если книга была с посвящением, он уничтожал его или заменял страницу с посвящением чистой страницей. Тут же надо добавить, что это злоупотребление доверием — вещь очень редкая в цеху переплетчиков: я не знаю никакого другого сходного примера.

IV

Кражи, совершенные нечестными покупателями и профессиональными ворами: Разные проделки покупателей; дама с зонтиком; любитель первых изданий; «За ними еще придут!» — Банда жуликов. — Аббат Б... — Так называемый жур-

налист.— Нашла коса на камень!— Особая забота о Боттене и Ларуссе.— Прочная подкладка.— Фокус с Литре.— Обворованный вор.

Перечислить все трюки, с помощью которых нечестные покупатели и профессиональные воры обманывают книгопродавцев и букинистов, поистине невозможно: я ограничусь несколькими поучительными или забавными подробностями, стараясь при этом обращаться лишь к классическим, наиболее распространенным случаям.

Самое простое—взять книгу с полки, внимательно полистать ее, потом незаметно переложить с полки книгу по 2 франка на полку дешевых книг и уже тогда просить продать ее.

— Но, месье, это ошибка: книга стоит 2 франка.

— Однако я взял ее вот отсюда!

— Наверное, кто-нибудь из покупателей случайно положил ее не на место...

— Я-то тут при чем? Я за это не отвечаю... Она лежит среди книг по 20 су!

— Ну что ж! Берите.

Бывают господа, которые покупают книгу за гроши, небрежно кладут ее под мышку, продолжают рассматривать книги на полках и незаметно подменяют приобретенный том книгой того же формата и цвета, но стоящей гораздо дороже.

Иногда покупатель выбирает книгу в уличной витрине и говорит стоящему рядом продавцу: «Я зайду в магазин, может быть там есть еще что-нибудь интересное, я заплачу сразу за все»,—и через секунду выходит не заплатив ничего. Если продавец или хозяин замечают это и бросаются за жуликом, главное для них—не ловить его слишком рано; иначе он споет им очаровательную арию: «За кого вы меня принимаете? Вы же видите, что я еще не кончил... Я еще смотрю ваши книги, вот эти, в окне... А вы... Я же не уйду! Не бойтесь! Станный у вас способ принимать покупателей!» И т. д.

Чтобы избежать подобного недоразумения и не допустить никаких сомнений и отговорок, у книгопродавцев принято ловить подобных покупателей не ближе, чем в 25 шагах от прилавка, или просто у соседнего подъезда. Да еще и тут приходится выслушивать: «Ах, простите! Действительно, вы правы! Я забыл заплатить... Тысяча извинений. Мне так неудобно... Я стал такой рассеянный!»

Очень распространен следующий трюк: человек входит в магазин с двумя книгами под мышкой, спокойно кладет их на одну из стопок книг, рассматривает полки, разговаривая с

продавцом или хозяином, а потом, собираясь уходить, берет с собою не только те два тома, которые принес, но еще два-три, лежавшие под ними.

Есть и такие «любители», которые поджидают, пока в магазине останется только один продавец или хозяин. Они знают, что книги определенного сорта, например, сочинения по математике, лежат в задней комнате или на верхних полках. Они просят принести такую книгу, и, пока продавец лезет по лесенке или идет в другую комнату, сами хозяйничают на полках. Предлог не купить потом трактат по алгебре или тригонометрии всегда находится:

«Есть более новое издание... Вы мне принесли брошюру, а я бы хотел иметь книгу в переплете... и переплет мне бы хотелось другого качества...» И т. д.

Одна дама, ставшая едва ли не легендарной среди букинистов набережной — они называли ее Дама с зонтиком — придумала изысканный способ кражи: она прятала в зонтике, закрытом, но не скрепленном сверху ни лентой, ни резинкой, книги, которые приходились ей по душе; и ее выбор почему-то — трудная и неразрешенная загадка! — всегда падал исключительно на романы г-на Поля Бурже.

Другой, не менее известный персонаж, получил прозвище «Любитель первых изданий». Это был маленький хромой человечек, ходивший опираясь на роскошную трость с серебряной ручкой и никогда не расстававшийся с пухлым марокеновым портфелем. Он посещал те лавки, где рассчитывал найти первые издания лучших современных романов; когда приносили пачку книг, которые ему требовались (не меньше пятнадцати штук), он ронял трость. Продавец, желая услужить клиенту, да к тому же еще калеке, нагибался, чтобы поднять ее, и этой секунды хромому человеку хватало на то, чтобы спрятать пару книг в портфель, лежавший рядом на прилавке.

Есть воры настолько храбрые, что крадут в несколько приемов, сообразуясь с обстоятельствами, сочинения в 10, 15, 20 томах. Для книгопродавцев нехватка одного тома из собрания сочинений служит сигналом. «За ними еще придут, — говорят они себе, — кому-то захочется получить продолжение», и они удваивают внимание. Этот метод кражи маленькими порциями в чем-то схож с методом доктора-библиомана, чьи подвиги мы уже видели запечатленными в сонете г-на Феррио.

* * *

Надо отметить, что книжные воры принадлежат ко всем слоям общества.

Чтобы внушить доверие продавцу или просто попасть в лавку, не привлекая к себе внимания, нужно выглядеть прилично, иметь вид почтенного буржуа и казаться образованным: словом, книжные воры, как правило, должны выглядеть представителями средних слоев. Но, по общему и вполне понятному правилу, книгопродавцы опасаются покупателей слишком хрупкого сложения, даже летом не расстающихся с толстым широким пальто.

Впрочем, в наше время бедные и богатые, простолюдины и «господа», дамочки и «дамы»,—все—более или менее—умеют читать и имеют право раскрыть книгу, лежащую на полке. А ведь ничто так не просится в руки или карман, как книга в 8-ю или 12-ю долю листа—уж не говоря о более мелком формате.

Есть мальчишки, специально натренированные для кражи книг, как для любого другого воровства, и действующие под наблюдением главаря банды. Один из этих «профессоров» или «капитанов» был недавно арестован возле Одеона: он регулярно устраивался в Люксембургском саду возле решетки, выходящей на улицу Медичи, и из этой засады наблюдал за своими воспитанниками, которые бродили среди лавок и мало-помалу снабжали его награбленным. Они не хватали первые попавшиеся тома и не стреляли из пушек по воробьям: начальник банды знал названия самых популярных книг и всегда был проинформирован о литературных новинках. Он и направлял своих людей по следу. Они крали то, что можно было легко и выгодно сбыть.

Среди сенсационных судебных процессов последних лет нельзя не назвать дело аббата В..., преподавателя в одном из крупных учебных заведений Парижа. Не было книгопродавца или букиниста с левого берега, которым бы он не наносил частых и—увы!—небескорыстных визитов. Продавцы, которые в конце концов разгадали некоторые из его уловок и пожаловались своим хозяевам, едва не были уволены. Как можно подозревать столь уважаемое и столь священное лицо, да к тому же столь верного клиента!

К несчастью для него, аббат В...—он, впрочем, скорее относится к категории воров, которые «крадут, но не продают»,—увлекался еще и геологией и был пойман с поличным, когда пытался украсть образцы минералов; обыск у него дома раскрыл склад награбленного. Вскоре аббат В..., бежавший из Парижа в Нормандию, был, как рассказывают, найден мертвым у подножия скалы.

Вспоминается и дело так называемого журналиста, который объявлял себя ведущим библиографический отдел в

большой лилльской газете и под этим предлогом получал от издателей все их новинки. Статьи, конечно, никогда не появлялись ни в лилльской, ни в какой бы то ни было другой газете. Этот жулик в конце концов был арестован в сентябре 1898 года: он происходил из весьма почтенной семьи и имел нескольких сообщников, которые, подобно ему, жили на средства от продажи книжных новинок. Но это — жульничество особого рода, касающееся только издателей и невозможное в магазинах и книжных лавках.

По мнению большинства розничных торговцев книгами, кражи учащаются в конце месяца, когда кошельки пустеют.

Букинисты и книгопродавцы, конечно, неумоимо обороняются и изо всех сил стараются отвечать хитростью на хитрость. Нашла коса на камень! Незаметные зеркала позволяют, находясь в глубине магазина, видеть то, что происходит среди полок. Между книгами проделываются крохотные оконца для наблюдения. Иногда продавец делает вид, что целиком поглощен чтением газеты, в которой проделано отверстие, позволяющее не упустить ни одно движение подозрительного покупателя. Чаще всего такие меры принимаются в ожидании завсегдатая, известного вора-профессионала. Ему устраивают ловушку, мечтая подстеречь его и раз и навсегда от него избавиться. Его вкусы известны, известно также, на каких полках он больше всего любит рыться, и ему специально подкладывают соблазнительную, аппетитную книжечку.

«Ты не пройдешь мимо, дорогой! Ты заглотаешь этот крючок!»

Некоторые хозяева книжных лавок платят своим служащим специальное вознаграждение за каждого пойманного вора. В знаменитой книжной лавке Д... на улице Суффло плата за каждого вора была 5 франков, а число ежегодно пойманных жуликов четверть века назад доходило в среднем до 35 или 40.

«Не считая других, тех, кто не пойман!» — гневно воскликнул однажды один из тамошних служащих.

Справедливости ради надо отметить, что, стремясь избежать утомительных визитов к комиссару полиции и в суд, всяческих допросов, протоколов и потери времени, многие весьма опытные книгопродавцы предпочитают не поднимать шума, а наградить грабителя несколькими оплеухами или пинком под зад.

* * *

Справочники, книги специального назначения, словари, ежегодники и т. д. — вот предмет мечтаний профессиональных

воров. Особенно привлекает их «Ежегодник Дидо-Боттена». Котируется и «Большой Ларусс». Не нужно пояснять, что книги такой толщины не унесешь тайком, под мышкой. Здесь надо действовать открыто. Некто покупает роскошно переплетенное издание, просит положить 17 томов вместе с двумя дополнительными в корзину, а корзину погрузить в экипаж.

— Не пошлете ли вы со мной одного из ваших служащих? Я заплачу дома.

— Ничего не может быть проще, меесье.

Один из служащих усаживается в экипаж рядом с покупателем; по дороге тот рассказывает своему спутнику, что он — главный клерк у одного нотариуса, и купил «Ларусса» для своего патрона. Они доезжают до места. «Эта корзина слишком тяжела, один вы ее не донесете», — покупатель заботливо просит продавца подняться на третий этаж в контору («Вы моложе меня, мой мальчик!») — там надо спросить Теодора, и он поможет нести книги. «А я пока останусь в экипаже».

Не найдя наверху ни Теодора, ни нотариуса, ни конторы, служащий возвращается, но не находит уже и экипажа. Вместе с ним исчез и так называемый клерк — а главное, «Ларусс», все семнадцать переплетенных томов, и крепкая, совсем новая корзина. Служащему не остается ничего иного, как вернуться скрепя сердце в лавку и поведать о своих горестях хозяину.

Так как рассказанная история — подлинный случай, добавим, что корзина и ее содержимое были найдены через день в лавке одного из соседних торговцев: всегда известно, кто может купить ту или иную книгу и в каком направлении вести поиски.

Вес книг не всегда препятствует их краже и прямо на месте: свидетельство тому — господин, о котором до сих пор помнят в издательстве Ашетт. Он зимой и летом являлся закутанным в длинный плащ с пелериной и уже привлек к себе, по всей вероятности, заслуженные подозрения. В один прекрасный день он умудрился спрятать в подкладке своего плаща 12 томов «Географии» Реклю — весом более 40 килограммов; нельзя не отдать должное портному, шившему ему плащ из такой прочной и стойкой материи.

Но еще лучший трюк проделан был много лет назад в книжной лавке на улице Суффло. Некто, не назвавший себя ни вначале, ни впоследствии, увидел однажды на полке словарь Литтре, пять переплетенных томов в отличном состоянии, по цене 80 франков. Ни одного продавца не видно, покупателей поблизости тоже нет, никто не наблюдает... Наш

герой быстренько хватает под мышку 5 томов, прячет в карман уличающую его этикетку с ценой и готовится бежать.

Но куда деваться с такой опасной ношей?

Ему приходит в голову мысль предложить Литтре тому самому книгопродавцу, в чьей лавке он его украл.

«Литтре?—говорит хозяин лавки,—он мне не нужен: у меня один уже стоит на полке... а два других в задней комнате».

Однако, чувствуя, что покупка может быть выгодной, он не прекращает беседу. Ведь если этот несчастный притащился сюда со здоровенными и тяжеленными книжищами, он, наверное, на мели и согласится на любые условия. С другой стороны, Литтре-то уж на полке не залежится...

«— А сколько вы хотите?—спрашивает он.

— Как можно больше,—храбро отвечает продающий.

— Я понимаю, однако... я не могу вам дать больше 30 франков. У меня уже есть целых три Литтре... Я это сделаю специально для вас...

— Сойдемся на 35?

— Нет, тридцать, не больше. Я же вам сказал, мне это вообще не нужно...

— Ну что ж, придется согласиться!

— Оставьте мне ваш адрес: я вам пришлю деньги на дом, как обычно это делается.

— Но... мне срочно нужны деньги... непременно!

— Ну ладно! Держите! У вас такой симпатичный вид!»

Да и дело такое выгодное!

Можете мне поверить, что, получив свои 30 франков, «бедняга» не стал задерживаться, чтобы поблагодарить хозяина лавки за столь выгодную сделку, и тут же исчез—только его и видели. Но его не забыли, и «случай с Литтре» до сих пор служит предметом веселья среди книжных торговцев и любителей книг.

* * *

Несмотря на их частоту, книжные кражи—за исключением отдельных случаев—оказываются наименее выгодными из всех краж.

Кроме толстых «библиотечных» изданий большого формата, о которых мы только что говорили, кроме некоторых новинок и в особенности редких книг или изданий с гравюрами, библиофильских сокровищ, которые, как правило, надежно заперты на ключ в стеклянных витринах, украденные книги обычно продаются по мизерным ценам и не могут прокормить своего владельца.

Скидка в 60 процентов, о которой мы упоминали, уже давно превышена на оптовых распродажах или распродажах по случаю, где фигурируют краденые книги. Лет 15 назад одно из наших знаменитых издательств продало прекрасные книги в отличном состоянии со скидкой в 90 процентов. На тех же условиях проданась превосходная коллекция г-на Жуаста, одного из последних типографов старой школы, столь же образованного, сколь аккуратного и честного.

В таких условиях воровать книги — значит поистине подвергаться риску из-за пустяков. Господа профессиональные воры быстро убеждаются в том, что игра не стоит свеч, и покидают эту область.

Один из них, недавно пойманный со стопкой книг желтой серии, от которой он тщательно пытался избавиться, хотя бы по самой низкой цене, отвечал с негодованием комиссару полиции:

— Но, г-н комиссар! Это меня обворовали! Вот уже три часа я кручусь с этими книжонками, и никому они не нужны; три часа я здесь извожусь! Я говорю вам, обворовали меня!

Горькое и мучительное, но очень точное и бесспорное признание, над которым стоит задуматься всем коллегам и последователям неудачливого воришки.

Перевела с французского *В. Мильчина*

Алексей Сидоров

БИБЛИОФИЛ

Сонет

Как греческий эфеб — свои квадриги,
Как мореход — плеск моря голубой,
Как часовщик — неутомный бой
Часов, считающих немые миги;

Как юноша — любовные вериги,
Как девушка — желание стать рабой,
Как гордый — столкновение с судьбой,—
Так навсегда я полюбил вас, книги!

В библиотеку приходя к вам в гости,
Люблю ножом из пожелтевшей кости
Делить страниц нетронутых ряды;

Снимать обертки, словно с рук перчатки,
И в старых книгах — надписей следы,
И вас, — «замеченные опечатки».

Хроника

ВСЕСОЮЗНОЕ ДОБРОВОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИГИ

Дела, события, факты

1978

Январь.

Правлением ДОК РСФСР, Московским горкомом ВЛКСМ, Центральной городской юношеской библиотекой им. М. А. Светлова, Главным управлением профтехобразования Мосгорисполкома проведен общегородской вечер для молодежи, завершивший читательскую конференцию «Дорогой Октября». Девизом вечера стали слова Владимира Маяковского «Пою мое Отечество».

Перед учащимися ПТУ, школьниками, рабочей молодежью выступил писатель Д. Данин, новые стихи прочел поэт В. Шленский.

При Доме культуры московских заводов «Станколит», «Борец» и «Спецстанок» открылся народный университет книголюбов.

Февраль.

В Таджикской ССР принято совместное постановление коллегии Госкомиздата, президиума правления республиканского общества, республиканского правления НТО полиграфии, издательств и книжной торговли о проведении смотра-конкурса по пропаганде и распространению литературы прошлых лет издания (с 1 февраля 1978 г. по январь 1979 г.).

28 февраля.

В Москве состоялся IV пленум Центрального правления ВОК. С докладом «О задачах Всесоюзного общества книголюбов в коммунистическом воспитании молодежи» выступил председатель Центрального правления ВОК академик Е. М. Жуков. Он напомнил участникам пленума слова тов. Л. И. Брежнева, сказанные им на XXV съезде партии, о необходимости комплексного подхода к воспитанию молодежи, т. е. обеспечения тесного единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания с учетом особенностей различных групп трудящихся. В общей системе этого единства неопределимая, все возрастающая роль принадлежит книге. Большое место в докладе было отведено проблеме повышения культуры чтения, пропаганде библиотечно-библиографических знаний. По докладу пленум принял постановление «О плане основных мероприятий Всесоюзного добровольного общества любителей книги».

25 марта.

Коллегией Министерства культуры ССРСР, секретариатом ЦК ВЛКСМ, секретариатом правления Союза писателей СССР, президиумом Центрального правления ВОК проводилась Всесоюзная молодежная читательская конференция «Наследники Октября», посвященная 60-летию Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. В ходе конференции совершенствовались формы и методы пропаганды книги среди молодежи. Важным этапом конференции явились массовые чтения книг Генерального секретаря ЦК

КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. Л. И. Брежнева «Малая земля» и «Возрождение», которые проходили в отделениях общества книголюбов.

28 марта.

Подведены итоги Всесоюзного смотра «Организация изучения и формирования спроса населения на литературу», проведенного с 1 января 1977 г. по 1 января 1978 г. президиумом Центрального правления ВОК совместно с Госкомиздатом СССР, президиумом ЦК профсоюза работников культуры, президиумом Центрального правления НТО полиграфии, издательства и книжной торговли. В период смотра проведены конкурсы: на лучшего продавца по сбору предварительных заказов, на лучшую первичную организацию Общества любителей книги по пропаганде и распространению литературы.

Награждены дипломами Центрального правления ВОК и почетными грамотами первичные организации РСФСР, Украины, Эстонии, Белоруссии, Узбекистана, Грузии.

Апрель.

Решением коллегии Госкомиздата Казахской ССР и президиума правления республиканского Общества книголюбов создан народный университет «Китап» для повышения квалификации пропагандистов книги. Программа университета рассчитана на два года. После окончания курса слушатели университета получают удостоверения «Пропагандист книги».

Апрель—май.

Витебское областное правление ДОК Белорусской ССР совместно с облкниготоргом и облпотребсоюзом провели месячник по пропаганде общественно-политической книги и политического плаката, посвященный 60-летию БССР и Компартии Белоруссии. За период месячника общественниками-книголобами распространено политической литературы и плакатов на сумму около 30 тысяч рублей.

Май.

Президиум Центрального правления ВОК принял постановление «Об участии организаций Общества в обсуждении произведений тов. Л. И. Брежнева „Малая земля“ и „Возрождение“». Организациям ВОК рекомендовано разработать план мероприятий по пропаганде этих изданий, в котором предусмотреть проведение совместно с учредителями Общества, политорганами Советской Армии научно-практических и теоретических конференций, посвященных проблемам, изложенным в произведениях Л. И. Брежнева.

Абхазский обком ЛКСМ Грузии, республиканская детская библиотека и правление Абхазского республиканского отделения ДОК Грузинской ССР в ознаменование 60-летия ВЛКСМ объявили конкурс-викторину для учащихся 7—8-х классов на лучшее знание истории, боевых и трудовых подвигов Ленинского комсомола. Участникам конкурса рекомендован список необходимой литературы.

С 15 мая 1978 г. по 22 апреля 1980 г. в ознаменование 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина президиумом правления Добровольного общества любителей книги РСФСР и управлением книжной торговли Роспотребсоюза объявлен Всероссийский общественный смотр личных библиотек. В смотре могут участвовать обладатели библиотек, состоящие членами общества книголюбов и активно участвующие в его работе. Основным показателем смотра является эффективное привлечение книг из личной библиотеки в общественное пользование.

Июнь.

Правление ДОК РСФСР провело в Хабаровске семинар-совещание работников и актива организаций Общества книголюбов районов Сибири и Дальнего Востока.

Выступавшие подчеркивали важность участия организаций книголюбов в активной пропаганде и распространении литературы, рассказывающей о социальном и экономическом развитии районов Сибири и Дальнего Востока.

Июль — август.

В столице Белорусской ССР г. Минске прошла V Всесоюзная книжная ярмарка.

Коллегия Госкомиздата БССР и Министерство культуры БССР, Секретариат правления Союза писателей республики и президиум республиканского правления Добровольного общества любителей книги приняли совместное постановление о проведении в Минске Недели книги, посвященной дружбе народов СССР и 60-летию Белорусской ССР и приуроченной к книжной ярмарке.

Всесоюзное общество книголюбов и его отделения участвовали в организации и проведении выставки книг, посвященной 150-летию Л. Н. Толстого.

Сентябрь.

Конкурс «Люблю тебя, мой край родной» провели областное радио и президиум правления Рязанского областного отделения общества книголюбов РСФСР.

В Литве прошел семинар-совещание актива организаций Общества любителей книги, посвященный шефской работе на судах морского пароходства и производственного объединения рыбной промышленности республики.

В селе Тимановка Винницкой области УССР открыт магазин-клуб «Книголюб», построенный на средства колхоза потребительской кооперацией и обществом книголюбов.

Октябрь.

Президиум Центрального правления ВОК принял постановление о более активном привлечении книг из личных собраний в общественное пользование. Организациям Общества рекомендовалось по согласованию с владельцами библиотек создать в государственных библиотеках, особенно в небольших городах и на селе, картотеки на наиболее значительные собрания, всемерно поддерживать инициативу владельцев личных библиотек по предоставлению книг в общественное пользование, активнее использовать личные собрания для организации книжно-иллюстративных выставок.

Подготовлено совместное постановление президиума Центрального правления ВОК, коллегии Министерства культуры СССР, Госкомиздата СССР, секретариатов ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О привлечении литературы из личных собраний в общественное пользование и оказании шефской помощи библиотекам новостроек и села».

Центральное правление Всесоюзного общества книголюбов одобрило патристическое движение интеллигенции и передовых рабочих Кубани «Труженикам села — все богатства культуры» и почин рабочих табачной фабрики, заводов «Кубань» и электроизмерительных приборов, коллективов многих институтов и учреждений культуры Краснодара о передаче книжных фондов из личных собраний труженикам села. За год книголюбы Кубани собрали для школьных библиотек села 168 тысяч экземпляров книг — художественной, общественно-политической, научно-технической, справочной литературы.

Ноябрь.

В Новгороде начал работу «Университет чтения юных книголюбов». Он создан на базе областной детской библиотеки, которая располагает богатым

книжным фондом. К ведению занятий привлечены библиотекари, писатели, журналисты. Программа университета рассчитана на один год и предназначена для школьников 6—8-х классов. Она предусматривает практические занятия слушателей с каталогами, картотеками, справочниками, просмотр учебных кинофильмов.

Декабрь.

Выполняя приказ Госкомиздата РСФСР «Об организации обмена литературы между книголюбями в специализированных магазинах и отделах букинистической книги книжных магазинов», Общество любителей книги Российской Федерации активно включилось в работу. При городских и районных отделениях, при специализированных книжных магазинах стали создавать общественные советы содействия, члены которых ведут активную разъяснительную и пропагандистскую работу по организации книгообмена, составляют картотеки, проводят конференции по вопросам книгообмена.

Президиум Центрального правления ВОК рассмотрел вопрос об участии Пензенского, Ярославского областных отделений и городской организации г. Жуковский ДОК РСФСР в работе по книгообмену на базе букинистических магазинов. В принятом постановлении правления республиканских обществ рекомендовано совместно с книготорговыми организациями разработать планы конкретных мероприятий по организации книгообмена, предусмотрев в них: создание общественных советов содействия букинистической торговле при правлениях областных, городских, районных отделений общества; выезды работников букинистических магазинов в первичные организации для проведения книгообмена; организацию работы по книгообмену на селе; усиление справочно-библиографической работы, составление списков обмениваемых книг, размножение библиографических списков и распространение их в коллективах книголюбков.

В соответствии с постановлением президиума Центрального правления ВОК совместно с Главкнигой готовились методические рекомендации по книгообмену.

Редколлегия газеты «Советская культура» и президиум Центрального правления ВОК приняли постановление «О подведении итогов конкурса знатоков и любителей книги за 1978 г.»

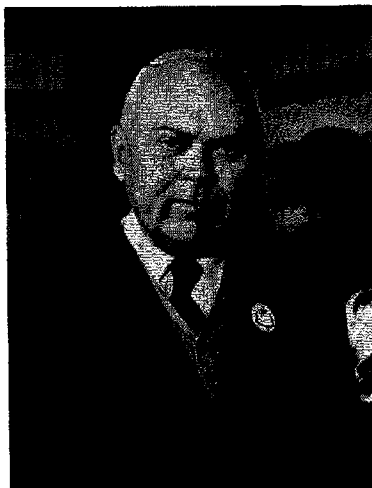
На конкурс поступило около тысячи писем. Он привлек большое число участников. Среди них много коллективов учебных заведений, клубов книголюбков, работников библиотек. В жюри конкурса поступили письма от целых семей. Многие участники конкурса иллюстрировали свои ответы фотографиями, рисунками, репродукциями картин. Победители были награждены специальными призами и поощрительными премиями клуба книголюбков и Центрального правления ВОК.

Дружба, всестороннее сотрудничество стран социализма в области литературы нашли свое отражение в плане культурных мероприятий Всесоюзного общества любителей книги. В соответствии с планом представители ВОК выезжали в Венгрию, ГДР, Польшу, а также принимали делегации этих и других социалистических стран. В результате благоприятно развивающихся контактов подписан протокол о сотрудничестве Общества с «Культурбундом» Германской Демократической Республики, создано Общество книголюбков в Монгольской Народной Республике.

С 1 сентября по 1 декабря.

Президиумом Центрального правления ВОК, секретариатом ЦК ВЛКСМ, коллегией Госкомиздата СССР проведен Всесоюзный трехмесячник по пропаганде общественно-политической литературы среди молодежи, посвященный 60-летию Ленинского комсомола. В этот период проводились тематические книжные выставки, праздники книги.

Составила К. Аштаменко

**Академик
ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ ЖУКОВ**

Невосполнимую утрату понесла советская наука и книголюбы страны. Скончался видный ученый и общественный деятель, академик Евгений Михайлович Жуков. Первый и бессменный председатель Центрального правления Всесоюзного добровольного общества любителей книги, он много сил и времени отдавал пропаганде лучших произведений научной и технической литературы, созданию из разнообразных библиофильских кружков многомиллионного движения энтузиастов печатного слова, оформлению сокровищниц народной культуры — собраний и библиотек в различных городах Советского государства. Почти пять лет стоял Евгений Михайлович Жуков во главе книголюбов страны, сочетал с этими нелегкими обязанностями многогранную деятельность на ответственных постах передовой исторической науки. Академик, выдающийся ученый и общественный деятель, он находил время для подбора и оценки лучших изданий, выпускаемых в стране Советов. Евгений Михайлович был автором ряда трудов в области всеобщей истории, востоковедения и истории международных отношений. Человек большой культуры, огромного кругозора и диапазона знаний, он представлял образец книголюбца, ценителя и собирателя книг. Его кабинет в Институте всеобщей истории АН СССР, его домашняя рабочая комната были заставлены книгами по истории, литературе, технике, лингвистике, искусству, философии.

Издания книг самого Евгения Михайловича Жукова тоже

представляют библиографический интерес. Последние месяцы талантливый ученый неустанно трудился над завершением одной из главных своих работ — «Методологии истории». Эта книга, которая увидит свет после смерти автора, является ценным источником не только для ученых-историков, но и для широкого круга читателей, интересующихся проблемами развития человеческого общества.

Человек большой души и щедрого сердца, Евгений Михайлович Жуков был исключительно доброжелателен и внимателен к людям, воплощал в себе лучшие черты советской интеллигенции, был тружеником и мастером своего дела, организатором и руководителем в истинном значении этих понятий.

Таким он и останется в нашей памяти.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов С. А. 165, 167—176
 Аверкиев Д. В. 79
 Авиценна см. Ибн Сина А.-А.
 Адольский И. 198
 Айвазовский И. К. 103
 Аксаков И. С. 87, 156
 Аксаков К. С. 87
 Аксаков С. Т. 13, 142, 144, 204
 Аксаковы, братья 145, 147, 151
 Алабин П. 116
 Александр I 201
 Александр III 154
 Алексеев Г. В. 16
 Алексеев М. П. 23
 Алексеев П. А. 44
 Алпатов М. В. 12
 Альбер Сям см. А. Симоховский
 Альпванг А. А. 119
 Андроников И. Л. 78
 Андрущенко И. А. 184
 Анна Иоанновна 198
 Анненков П. В. 54, 135
 Анненков Ю. Л. 54, 63, 64
 Антокольский П. Г. 12, 78, 175
 Аптекман О. В. 44
 Апухтин А. Н. 14
 Араго Д.-Ф. 222
 Ариосто Л. 179
 Аристотель 217
 Аркин Д. Е. 173
 Арман О. 216, 225
 Аршгам А. А. 171
 Архимед 98
 Астапов А. А. 93
 Афанасьев Д. 101
 Ахматова А. А. 9, 14, 15, 65
 Ашукин Н. С. 88, 94
 Ашуккина М. Г. 88

 Бабаев Э. Г. 48
 Бабель И. Э. 15
 Бабенчиков М. 64
 Вагрицкий Э. Г. 12, 14, 16
 Байрон Дж. Г. 135
 Бакст Л. С. 168
 Бакушинский А. В. 173, 176
 Бальзак О., де 18, 53, 209
 Бальмонт К. Д. 15, 167, 170
 Баратынский Е. А. 14, 16, 71, 74, 89, 149
 Барберини, кардинал 211
 Баркер Р. Э. 51
 Баруа Ж. 224
 Барсков Я. Л. 159—161
 Баргнев П. И. 142—157
 Баргнев П. П. 152, 154
 Баргнев С. П. 85, 157, 158
 Васаргин Н. В. 148, 150
 Вастид Ж. Ф., де 180

 Баташев К. 115
 Батеньков Г. С. 146, 148
 Батюшков К. Н. 90
 Бахтин М. М. 8, 12, 29, 30
 Беда Достопочтенный 216
 Бедный Демьян 161—162
 Безъязычный В. И. 50
 Бекетов Ал. Н. 74
 Бекетов Ан. Н. 59, 67, 74, 75, 77
 Бекетов Н. А. 74
 Бекетов Н. Н. 67, 74
 Бекетова А. А. см. Блок Ал. Ан.
 Бекетова А. Н. 74
 Бекетова Е. А. 67, 68
 Бекетова Е. Г. 67, 75
 Бекетова М. А. 67, 76
 Беккер П. 118
 Белевский А. С. 44
 Белинский В. Г. 90, 91, 103, 193
 Белле Ж., дю 18
 Белоусов И. А. 87, 88
 Белый А. 12, 16, 76
 Беляев А. П. 150
 Венина М. А. 125
 Венуа А. Н. 10, 171, 175, 176
 Веранже П.-Ж. 135
 Верг Н. 113
 Берков В. 121
 Беркут Л. Н. 188—190
 Бернарди Г. 118
 Бернтано Бетяна, фон 120
 Вестужев А. А. 55
 Бетховен Л., ван 118—121
 Бидаль, аббат 218
 Вилибин И. Я. 60
 Виньон, аббат 221
 Био Ж.-Б. 222
 Блок А. И. 75
 Блок А. Л. 67, 75, 76, 186—189
 Блок Ал. Ал. 15, 54, 59, 60, 62—78, 169, 170, 186, 188, 190
 Блок Ал. Ан. 67, 75, 76
 Блок Ар. Ал. 75
 Блок И. Л. 75
 Блок Л. А. 75
 Блок Л. Д. 76
 Бобков Ф. Д. 93
 Боборыкин П. Д. 81, 93
 Бове О. И. 204, 205
 Богаевский К. Ф. 171
 Боголюбов Н. 111
 Бодлер Ш. 195, 196
 Боккаччо Дж. 7, 18, 222
 Большаков Л. Н. 161
 Бомарше П.-О. 8
 Бонч-Бруевич В. Д. 157, 158
 Борисов В. А. 81
 Воровой С. Я. 160
 Браудо Е. 120
 Брежнев Л. И. 115

- Бретонн Н. Р., де ла 24
 Брикнер А.-Г. 80
 Бросс Ш., де 212
 Бруни Л. А. 64
 Брэдбери Р. Д. 50
 Брюне Г. 221
 Брюсов В. Я. 15, 62, 66, 143, 148, 152,
 155—157, 168—170
 Брюсова И. М. 65
 Бугаева К. Н. 12
 Бузескул В. П. 189
 Булгаков М. А. 12, 14, 17, 27
 Булгакова Е. С. 12
 Бунин И. А. 13, 14, 16, 17, 23, 169
 Бурже П.Ш.Ж. 232
 Бурдин Ф. А. 82
 Буриот П. Н. 44
 Бурцов Н. Г. 143, 144
 Бутаков Г. И. 101
 Бутурдин Д. П. 110, 133
 Бухштаб Б. Я. 9
 Бюри Р., де 209, 210
- Вагнер Н. П. 70
 Вагнер Р. 156
 Вайн А., де 221
 Валлотон Ф. 196
 Валуев П. А. 184
 Васильев С. В. 79
 Ватсон см. Дубровин В. Ф.
 Вегман В. Д. 45
 Венгеров С. А. 129, 189
 Веневитинов Д. В. 94
 Вересаев В. В. 13
 Верлен П. 195, 196
 Верхарн Э. 168, 169, 195, 196
 Верховский Ю. 65
 Вершингора П. П. 114
 Веселый Артем 12
 Вегловская В. Е. 10
 Вигель Ф. Ф. 93
 Виленкин В. Я. 11
 Виленский-Сибиряков В. Д. 45
 Виноградов А. К. 32—35, 37—41, 176
 Виноградов Е. 198
 Виноградов Ю. А. 40
 Виноградова Н. Н. 40
 Виноградская И. Н. 11
 Винцент, монах 221
 Висконти Э. 222
 Вистенгоф П. Ф. 93
 Витт В. В. 125
 Витязев П. 165
 Владимиров В. В. 64
 Вобан С. 110
 Вовчок М. 184
 Воейков А. Ф. 137
 Воинов В. В. 171, 173, 174
 Войнаральский П. И. 44
 Войтоловский Л. Н. 195, 196
 Воловик А. 115
 Волошин М. А. 167—169, 174, 175.
 Волконская М. Н. 142
- Вольпе П. С. 9
 Вольтер 24, 27, 177
 Вольнский А. А. (Флексер) 10
 Воронский В. В. 166
 Воронеж М. Э. 37
 Воронов В. С. 173
 Воронов М. А. 93
 Воронцов С. Р. 135
 Воронцова Е. К. 144
 Востоков А. Х. 9
 Вроченский М. 112
 Всеволожский И. 114
 Вяземский П. А. 14, 133—140, 142, 144,
 146, 148, 156
 Вязмитинов А. 113
- Галактионов С. Ф. 139
 Галилей Г. 225
 Галлис А. 77
 Гамалей П. 110
 Ганнушкин Е. 119
 Гаусман А. Л. 44
 Гашек Я. 53
 Гверчино Д. 36
 Ге Н. П. 188
 Генрих П. 211
 Гербель Н. В. 80
 Герберштейн С. 88
 Гертнер И.Ф.Э. 203—206
 Герцен А. И. 81, 87, 91, 142, 146, 149, 150,
 160, 184, 193
 Гете И. В. 14, 26, 49, 53
 Гизо Ф. П. Г. 221, 223
 Гийераг Г.-Ж. 27
 Гялельс Э. Г. 119
 Гиллярковский В. А. 12, 88, 94
 Гладков Ф. В. 105, 114
 Глинка С. Н. 89
 Глинский Б. Б. 152
 Глоба А. П. 168, 174
 Глотов А. 110
 Гоголь Н. В. 13, 49, 53, 87, 91, 144, 146
 Голдсмит О. 181
 Голиков И. 110
 Голицын А. Н. 138
 Голицын В. М. 93, 146, 147
 Голицын С. М. 79
 Голлербах Э. Ф. 118, 170, 173
 Головин Н. 110, 114
 Голубцов И. 199
 Гольдбах Х. 198
 Гольденвейзер А. Б. 119
 Гольдонн К. 80
 Гомер 215
 Гончаров И. А. 13, 80, 81, 111
 Гончарова Н. С. 63
 Гораций 135
 Горбачевский И. И. 148, 151, 152
 Горбунов И. Ф. 81, 82
 Горелов А. 77, 78
 Горная В. З. 49
 Городецкий С. М. 12, 16
 Горчаков Д. П. 40

- Горький А. М. 13, 15, 93, 121, 156, 165, 166
 Гоцци К. 80
 Грабарь И. Э. 40, 173, 176
 Гранат, братья 166
 Грановский Т. Н. 87
 Гребенка Е. П. 184
 Грейг А. 96, 102
 Гржебин З. И. 16
 Грибоедов А. С. 13, 90, 149
 Григорович Д. В. 80, 111
 Григорьев А. А. 62
 Грифпов Б. А. 7
 Гроссман Л. П. 10, 12
 Губар П. В. 197—203
 Гужовский Г. А. 9
 Гумилев Н. С. 169
 Гумилевский Л. И. 18, 20
 Гунст Е. А. 31
 Гуркин Ф. 113
 Гурович Я. Е. 44
 Гусев И. А. 44
 Гюго В. 133, 134
- Давыдов Д. В. 9, 74, 149
 Давыдов Н. В. 93
 Даламбер Ж.-Л. 177
 Даль В. И. 111
 Данилевский Г. П. 80, 111—112
 Данте Алighери 14, 18, 135, 180
 Дарвин Ч. Р. 103
 Дау Дж. 36
 Дацков Д. В. 136
 Делабарт Ж. 204
 Дельаль Л. 224
 Дельвиг А. А. 9, 74, 75, 137
 Дельвиг С. М. 74
 Дельмас Л. А. 70—74
 Демидов П. 108
 Деншин А. И. 176
 Державин Г. Р. 9, 14, 143
 Дидро Д. 177
 Динерштейн Е. А. 166
 Дмитриевский Н. П. 64
 Дмитриев И. И. 89, 132, 133, 135, 138
 Добровейн И. 121
 Добролюбов Н. А. 103, 193
 Добужинский М. В. 10, 171
 Доде А. 8
 Долинин Ю. 10
 Доллер А. И. 44
 Доре Г. 10
 Достоевский Ф. М. 10, 13, 23, 148, 157, 193,
 196
 Драгомир С. 129
 Дрейден С. Д. 121
 Дроздова Н. 120
 Дружинин Н. М. 42
 Дубровин В. Ф. (Ватсон) 81
 Дурасов Л. 120
 Дыбник В. А. 195, 196
 Дюпен А. 224
 Дюрер А. 55
 Дюсиз Ж.-Ф. 134
- Дягилев С. П. 160
- Екатерина I 156
 Екатерина II 89, 144, 146, 149, 159, 161,
 201, 202
- Екатерина Великая см. Екатерина II
 Елагина А. П. 146
 Елагины, братья 145, 147, 156
 Елизавета Алексеевна, императрица 201
 Елизавета Петровна, императрица 198,
 199
 Ермолов А. П. 137
 Есенин С. А. 13, 170
 Ефремов П. А. 203
- Жанлис М.-Ф., де 24
 Жандр А. 112
 Жаров А. А. 114
 Жеглинский В. О. 193, 194
 Жижмор М. 118
 Жидылов Е. 106
 Жомини А. 110
 Жуковский В. А. 9, 113, 135, 136, 144, 149,
 156
 Жучкин А. И. 14
 Жюбиньяль А. 221
- Забелин И. Е. 80, 81, 85
 Заболоцкий Н. А. 16
 Загоскин М. Н. 93
 Зайцев А. Д. 151
 Замирайло В. Д. 167, 169, 170
 Замятин Е. И. 170, 173
 Зарьян Н. 12, 16
 Зберский Т. 51
 Згорж А. 120
 Зеленецкий И. 86
 Зенкевич М. А. 12
 Зильберштейн И. С. 203
 Золя Э. 49
 Зонин А. И. 114
 Зубов А. 198
 Зубов И. 198
- Ибн Сина А.-А. 53
 Иван Грозный 86, 88, 92
 Иванов А. П. 90
 Иванов Вс. В. 12, 49
 Иванов Вяч. И. 9, 15, 170
 Иванов Е. П., друг В. Г. Белинского 90
 Иванов Е. П., друг А. А. Блока 70, 188
 Иванова М. П. 70
 Игумнов К. 119
 Ильин Н. П. 59, 60, 62—72, 74—78
 Ильинская Н. 107
 Ильинский И. В. 12
 Имбер Г. 178
 Иннокентий X, папа римский 209, 211,
 212
 Иннокентий XI, папа римский 217

- Иоанн Антонович (Иоанн III) 198
 Каверин В. А. 12
 Кадоль О. 204
 Калачов Н. В. 80
 Каллаш В. В. 149, 155
 Калужняцкий Е. И. 127
 Кальдерон П. 80
 Каменецкий Д. 184
 Камю Л. 219
 Кандауров И. И. 176
 Кандель Б. Л. 125
 Кавдинский В. В. 170
 Кант И. 91
 Каразин В. Н. 114
 Карамзин Н. М. 49, 80, 136, 138, 139
 Кардонн Д. Д. 178
 Карелин Г. С. 74
 Карелина А. Н. 74
 Карелина Е. Г. (Бекетова) 62
 Каржави П., де 216, 217
 Карнаузов И. 108
 Кассиль Л. А. 114
 Кассо Л. 125
 Катенин П. А. 134
 Катков М. Н. 67, 154, 155
 Катулл 135
 Качалов Г. 198
 Кашияцев И. Н. 44
 Квашнин-Сухарин Е. 110
 Квитка-Основьяненко Г. Ф. 83, 184
 Келдуял В. А. 129
 Керн А. П. 72
 Кетлинская В. К. 114
 Кизер В. Э. 44
 Киреевские, братья 87, 145, 147, 151
 Киреевский П. В. 80
 Киселев Н. П. 37, 40, 41
 Клеман Н. 217—221
 Клеопатра 225
 Клодель П. Л. Ш. 169
 Клочков В. И. 161
 Клычков С. А. 14—16
 Ключевский В. О. 38
 Кнебель И. Н. 166
 Княжнин В. 64
 Ковалик С. Ф. 44
 Коган Б. Э. 108
 Коган-Бернштейн Л. М. 42
 Козьмин В. П. 42, 44
 Кокорев И. Т. 92, 93
 Коллете Г. 210
 Кольбер Ж.-В. 217
 Кольцов А. В. 13, 129
 Кондратьев Н. 86
 Кони А. Ф. 93
 Кононов А. А. 134
 Контарини А. 88
 Кончаловский П. П. 171—173, 176
 Коренной Н. 107
 Корнейчук А. Е. 114
 Корнель П. 80
 Корнилов В. А. 98—100, 112, 117
 Короленко В. Г. 13, 17, 44
 Короткий Д. В. 144
 Коротков А. 110
 Корпачев Н. А. 84
 Корсакова С. Н. 37
 Корш Ф. Е. 126, 128
 Коссов А. Я. 118, 119
 Костер Ш., де 8
 Костомаров Н. И. 80
 Котляревский И. П. 184
 Котов А. 201
 Коцебу А. Ф. 83
 Кочетков А. С. 118
 Кравченко А. И. 64, 170
 Крандиевская-Толстая Н. В. 12
 Краснов Г. В. 49
 Кребийон К.-П. 24, 27
 Кремлев Ю. 121
 Кремнев В. 120
 Крон А. А. 114
 Кропоткин П. А. 93, 193
 Кротов М. А. 42—46
 Крупская Н. К. 53
 Крылов И. А. 13
 Ксенофонт 98
 Кублицкая С. А. 69, 70
 Кублицкий А. А. 69
 Кублицкий Ф. А. 55, 67, 69, 76
 Кувре Лувре Ж. Б., де 24
 Кузмин М. А. 31, 170, 171, 174
 Кузнецова Т. Г. 172
 Кузьмин П. 112
 Кужрыниксы 10
 Купе, аббат 178
 Купреянов Н. Н. 62—64, 167, 170
 Куприн А. И. 169
 Курганов Н. Г. 161
 Курочкин Ю. М. 50, 118
 Куртуа Э. 209, 214, 215
 Курчатов И. В. 107
 Кустодиев Б. М. 173
 Куфаев М. Н. 27, 54
 Кучер В. С. 114
 Кюхельбекер В. К. 137
 Лавинцев А. 109
 Лаво Л., де 89
 Лавренев Б. А. 105
 Лавров П. Л. 193
 Лазарев А. 115
 Лазарев М. П. 96—98, 102, 117
 Лазаревский А. М. 184
 Лазаревский В. М. 161
 ЛакOMB де Преваль О. 178
 Лакруа П. 221
 Лалланн Л. 225
 Ламанский В. И. 128
 Лансере Е. Е. 171
 Ларионов М. Ф. 63
 Лассаль Ф. 193
 Лафарг П. 193
 Лафонтен Ж. 135
 Лебше К. А. 203

- Лев Р. И. 44
 Левинсон А. Я. 174
 Левитов А. И. 93
 Левятский В. Н. 168—170
 Легран П. Ж. В. 178
 Лежнев А. З. 12
 Леклер В. 221
 Ленин В. И. 37, 53—55, 103, 108, 113,
 116, 121, 157, 158
 Леонтьев К. Н. 148, 151
 Лермонтов М. Ю. 13, 90, 91
 Лернер Н. О. 66
 Лесков Н. С. 13, 53
 Лесневский С. С. 78
 Лесс А. 121
 Лефорт Ф. 110
 Либри М. 224
 Либри-Карруччи Г.-Б.-Т. 216, 221—225
 Ливанов Б. Н. 10
 Лившин Б. К. 175
 Лидян В. Г. 27, 167
 Липскеров К. А. 168
 Лясковский Н. М. 54
 Литке Ф. П. 111
 Лихачев Д. С. 23
 Лихачев Н. П. 82, 83
 Лозинский М. Л. 31
 Ломоносов М. В. 9, 14, 111, 198—200
 Лопатин П. И. 94
 Лоренц Ф. 70
 Лутовской В. А. 175
 Луженовский Н. Н. 80
 Луи-Филипп 223
 Лукван 180
 Луначарский А. В. 39, 41, 120
 Лунин М. С. 150
 Лурье А. 63
 Любимов Н. М. 7, 31
 Людовик XIII 210
- Майков А. Н. 81
 Макаренко А. С. 49
 Макаров С. О. 103
 Макферсон Дж. 181
 Малинина Н. 116
 Малиновский П. П. 33—35
 Мальгин Т. 110
 Мальпкин А. 111
 Мандельштам О. Э. 170, 173
 Маневич А. А. 171
 Маньков П. К. 112
 Мариво 18, 22, 24, 27, 180
 Маркелов С. 115
 Марков В. К. 108
 Маркс А. Ф. 16
 Маркс К. 103, 113, 193, 194
 Мармонтель Ж.-Ф. 24
 Марот К. 135
 Марта А. 113
 Маруллий 135
 Маршак С. Я. 12
 Маскевич С. 88
 Масса И. 88
- Масютин В. Н. 170
 Матюшкин Ф. Ф. 99
 Мейер Ш. Ж. 178
 Мейерберг А. 88
 Мейерхольд В. Э. 72
 Мелиссино П. И. 201
 Мелихов В. 96
 Менделеев Д. И. 103
 Меньшова В. С. 14
 Мериме П. 8, 18, 221
 Мегастазно П. 80
 Метерлиньк М. 8
 Мялошевич Н. 112
 Мильтон Дж. 14
 Миллогин Д. 110
 Мироненко М. П. 150
 Миронов Л. 121
 Митрохин Д. И. 167, 169—171, 173, 174
 Михайлов А. Д. 18
 Михайловский Н. К. 193
 Могилевская С. 121
 Мольер Ж.-Б. 8, 10, 80
 Монтень М., де 135
 Монтэглон А., де 225
 Моор Д. С. 168
 Мопассан Г., де 8
 Муравьев Н. М. 147, 150, 151
 Муравьев-Апостол М. И. 148, 150
 Муравьева А. Г. 150
 Муратов П. П. 170, 171, 173
 Мустье Д., дю 209—212
 Мэлори Т. 27
- Назаров А. И. 166
 Наполеон, принц 113
 Нарбут В. И. 120
 Нарбут Г. И. 171, 172
 Нарышкин М. М. 146
 Нахимов П. С. 98—100, 112, 117
 Нащокин П. В. 142, 144, 145
 Невельский Г. 111
 Невский В. И. 42
 Нейгауз Г. Г. 119
 Некрасов Н. А. 7, 13, 49, 81, 148, 161,
 193
 Немирович-Данченко В. И. 11, 12
 Нерон 225
 Нестеров М. В. 171
 Нечкина М. В. 150
 Нивинский И. И. 170
 Николаева Н. 119
 Николай П. 75
 Никольский Б. В. 60
 Ницше Ф. 156
 Ноайль, архиепископ 218
 Новиков-Прибой А. С. 105
 Новицкий П. 120
 Новский Л. см. Н. Н. Луженовский
 Нодье Ш. 210
 Нос С. Д. 183, 184
- Оболенский Е. П. 146, 148
 Оборин Л. Н. 119

- Огарев Н. П. 193
 Одоевский А. И. 148
 Одоевский В. Ф. 93, 144
 Ожье Э. 80
 Ойстрах Д. Ф. 119
 Олеарий А. 88
 Оленин А. Н. 90
 Орвиль К., де 178, 180
 Орлов А. С. 9
 Орлов В. Н. 9, 78
 Основьяненко Г. Ф. см. Г. Ф. Квитка-Основьяненко
 Осокин В. Н. 83, 84
 Осоват А. Л. 49
 Островский А. А. 80, 84
 Островский А. Н. 79—84, 92, 112
 Островский М. А. 84
 Островский С. А. 80, 84
 Остроумова-Лебедева А. П. 170, 171, 173
- Павел I 110, 154
 Пайман А. 77
 Памфилио см. Иннокентий X
 Панова В. Ф. 114
 Пари Л. 213, 214
 Пари П. 221
 Парни П. Э. Д. де Форж 24, 135
 Парнок С. Я. 168
 Паскаль Б. 225
 Пассионен Д. 209, 212, 213
 Пастернак Б. Л. 12—14, 175
 Паустовский К. Г. 17, 105, 114
 Пепеляев А. Н. 43
 Первенцев А. А. 114
 Перцов В. О. 78
 Пестель П. И. 143, 148, 151, 193
 Петрарка Ф. 18, 222
 Петров-Водкин К. П. 171, 172
 Петряев Е. Д. 50
 Петр I 80, 109, 110, 114, 197, 198
 Петр II 200, 201
 Пиксерекур Ж., де 210
 Пильник Б. А. 169
 Пипенко В. 116
 Пирогов Н. П. 100, 112
 Писарев Д. И. 103, 193
 Писаренко С. 107
 Писемский А. Ф. 81, 112
 Пифагор 225
 Плавт Тит 80
 Платонов Н. 82
 Плетнев П. А. 134, 136—139, 146
 Плеканов Г. В. 193
 Победоносцев К. П. 155
 Погодин М. П. 134, 144, 148
 Полевой В. Н. 114
 Полевой К. А. 93
 Полежаев Т. 89
 Полонский В. П. 15
 Полонский Я. П. 9, 81
 Полоцкий Симеон см. Симеон Полоцкий
 Полторацкий С. Д. 36, 141
 Польми, де (Ж. Ф. Де Вастид) 178, 180
- Померанцев Н. Н. 41
 Повшартрей (Луи Филип, граф. де) 218
 Попов В. П. 15
 Попов В. С. 205
 Поповкин Е. Е. 114
 Поповский Н. 199
 Порох И. В. 152
 Пруст М. 8, 15, 16
 Прыжков И. Г. 92
 Пунин Н. Н. 171, 173
 Путилов Н. 112
 Пушкин А. С. 13, 23, 24, 49, 53, 54, 69, 72, 74, 75, 89, 90, 99, 113, 129, 133—135, 139, 142—147, 149, 150, 152, 155, 157, 175, 178, 197, 204
 Пушкин В. Л. 132—136, 138—141
 Пушкин С. Л. 137
 Пыляев М. И. 94
 Пяст В. 64
- Рабле Ф. 8, 31, 49, 211
 Радищев А. Н. 49, 113, 159—162, 193
 Раевский А. Н. 144
 Расин Ж. 80
 Режю Э. 235
 Ремизов А. М. 168—170
 Рео Т., де 210—212
 Решин И. Е. 60
 Рерих Б. К. 196
 Рерих Н. К. 196
 Ретц, де (кардинал) 24
 Рис Ф. Ф. 153
 Рихтер С. Т. 119
 Роберт, архиепископ 216
 Робеспьер М.-М.-И. 214
 Ровинский Д. А. 198
 Рождественский В. А. 118
 Розанов И. Н. 60, 141
 Розанова Н. В. 64, 170
 Розов А. 109
 Рокотов Ф. С. 36
 Роллан Р. 8, 119—121
 Романов Н. И. 171
 Романовский И. С. 85
 Ронсар П., де 18, 24
 Рорберг П. 112
 Россет-Смирнова А. О. 144
 Рубан И. 89
 Рудаков В. Е. 148
 Руссо Ж. Ж. 177
 Руставели Ш. 49
 Рыбников П. Н. 80
 Рылеев К. Ф. 55, 148
 Рьянский М. Ф. 114
 Рябушинский П. П. 38
 Рябушинский С. П. 38
- Сабашниковы, братья 145, 166
 Савва, архимандрит 86
 Садовской Е. А. 143
 Сажин Г. 116
 Саккетти Л. А. 120

- Салтыков-Щедрин М. Е. 81, 154, 161
 Самураю Г. 129
 Сарду В. 80
 Сарьян М. С. 171, 175
 Сафронова А. С. 64
 Сахаров В. 167
 Сахаров И. П. 36
 Саянов В. М. 118
 Свистунов П. Н. 150, 151
 Северянин И. 15
 Седов И. 115
 Семевский М. И. 147
 Сен-Ламбер Ж. Ф. 135
 Сент-Без Ш. О. 210
 Сервантес Сааведро М., де 8, 49, 80
 Сергеев-Ценский С. Н. 12, 14, 15, 108, 114
 Сигри П., де 178
 Сигрист А. С. 197
 Симеон Полоцкий 82
 Симонов К. М. 114
 Симоховский А. 209
 Синезубов Н. В. 64
 Синявин Д. Н. 111
 Скэррон П. 179
 Сковрцов Н. А. 86
 Скриб Е. 80
 Скаловский Р. 111
 Слонов И. А. 93
 Слонов Ю. 107
 Случевский К. К. 16
 Смирнов Л. 86
 Смирнов С. С. 114
 Смирнов-Сокольский Н. П. 9, 27, 140, 159
 Собко В. Н. 114
 Соболев Л. С. 105, 114
 Соболевский А. И. 126
 Соболевский С. А. 144, 155
 Соколов И. 198
 Соколов И. И. 193
 Соколов П. 64, 75
 Соколова Т. 119
 Сокольский П. А. 152
 Соловьев Н. Я. 81
 Соловьев С. М. 80
 Сологуб Ф. К. 9, 14, 15, 167, 169
 Сом П. 201, 202
 Софронов А. В. 114
 Софронов Ф. Г. 43
 Спафарий Н. М. 129
 Спекторский Е. В. 67, 186, 188—190
 Сперанский М. М. 146
 Станиславский К. С. 10, 11
 Станюкович К. М. 99, 112
 Старцев А. И. 160
 Стасов В. В. 148
 Стеллецкий И. Я. 86
 Степанов А. Н. 114
 Стефанов Ю. 31
 Стефанович Я. В. 44
 Страхов Н. Н. 148
 Строци Б. 36
 Стурдзы А. С. 160
 Суворин А. С. 81, 89, 94, 160
 Сумароков А. П. 9
 Сумская И. 107
 Сухотин Ф. С. 66
 Сырку А. И. 128
 Сырку П. 128
 Сыроечковский Б. Е. 152
 Сыттин И. Д. 128
 Сыттин П. В. 94
 Сэй Л. 224
 Тальма Ф. Ж. 133
 Танеев С. И. 157
 Тарле Е. В. 105, 114
 Тарутин А. А. 194
 Татаринцев А. Г. 159, 160
 Татлин В. Е. 172
 Твардовский А. Т. 114
 Твен М. 53
 Телинггетер С. 64
 Телье Л. 227
 Тенирс Д. 36
 Теплов Г. Н. 200
 Теренций 80
 Тибулли 135
 Тигем В. 180
 Тимирязев К. А. 49, 103
 Тимм В. Ф. 113
 Тирако А. 209, 211
 Тихонов Н. С. 78
 Ткачев П. Н. 42
 Толстой А. К. 9, 13, 87, 92
 Толстой А. Н. 12, 53, 105, 170
 Толстой Л. Н. 13, 17, 23, 53, 80, 92, 103, 147, 148, 152—154, 157
 Толстой М. М. 160, 161
 Толстяков А. П. 160
 Томашевский Б. В. 9, 12
 Томсон Дж. 133
 Торси Ж. Б. К., де 220, 221
 Тотleben Э. И. 112
 Травушкин Н. С. 49
 Траубенберг Г. А. 15
 Тредиаковский В. К. 9
 Трессан Л. Э., де 178, 180, 181
 Троицкая А. 107
 Троицкий В. Ю. 49
 Трубецкой С. И. 145
 Трюбнер Н. 160
 Тутендхольд Я. А. 170, 171, 173
 Тургенев А. И. 136, 137
 Тургенев И. С. 13, 49, 81, 92, 142, 148, 156, 157
 Тургенев Н. И. 150
 Турков А. М. 77
 Турнер Л. 181
 Тюменев Ф. 80, 81
 Тютчев Ф. И. 13, 49, 148
 Уваров А. С. 36
 Ульянинский Д. В. 54
 Ульянов Н. П. 175

- Успенский Т. И. 93
Ушаков Н. Н. 16
- Фаворский В. А. 54, 170; 172, 175, 176
Фадеев А. А. 105
Фадеева Н. 115
Фалилеев В. Д. 167, 170, 171, 173—175
Фальк Р. Р. 171, 172
Фараль Э. 21
Федоров М. 201
Федюшина Л. М. 125
Фелье О. 80
Фенелон Ф. С. 18, 22
Фео делья Сомма 222
Феррио Ф. 213, 232
Феррьер Л., де 216
Фет А. А. 9, 13, 53
Фигнер В. Н. 42
Филдинг Г. 181
Филиппов С. 109
Фишман Н. Л. 120
Флеров Н. Г. 114
Флеров см. Васильев С. В.
Флетчер Д. 88
Флобер Г. 8
Флоринский Т. Д. 129
Флютр Л.-Ф. 21
Фовицкий И. М. 137
Фонвизин Д. И. 53
Фонелон (Камбре, архиепископ) 22
Фортунатов Ф. Ф. 126
Фощуа Р. 120
Франко И. Я. 129
Фроленко М. Ф. 42
- Хейцман Х. 203
Хемвицер И. И. 161
Хинкмар, архиепископ 216
Хомяков А. С. 87, 142, 145, 147, 150, 151
Хохловкина А. 119
Храбровицкий А. В. 43
Худяков И. 44
- Цамблак Г. 125, 127, 128
Царский И. Н. 36
Цветаева-Эфрон А. И. 12
Цезарь Гай Юлий 225
Цицерон Марк Тулий 135, 211
Цявловский М. А. 145
- Чаадаев П. Я. 87, 142, 144—146, 148, 149
Чарушин Н. А. 42
Чекрыгин В. Н. 172
Черкасов А. 175
Черный О. Е. 121
Чернышев З. Г. 147, 150
Чернышевский Н. Г. 44, 93, 99, 103, 193
Чертков А. Д. 147, 150
- Чертков В. Г. 147
Чехов А. П. 11, 13, 17, 23, 150
Чехонин С. В. 167, 169—171, 173, 176
Чужовский К. И. 16, 17
Чумандрин М. Ф. 118
- Шагинян М. С. 114, 173, 175
Шалапин Ф. И. 11
Шапошников Б. В. 86
Шарль М. 225
Шателен М. М. 84
Шафиров П. П. 80
Шахматов А. А. 126, 129
Шварц Е. Л. 116
Шевченко Т. Г. 161, 183, 184
Шевырев С. П. 144, 145
Шекспир У. 14, 80, 84, 134, 161
Шеллинг Ф. В. И. 91
Шенталь Л. 195
Шибанов П. П. 38, 161
Шигин Н. А. 160
Шиллер И. К. Ф. 8
Шиллинг-фон-Канштат П. Л. 140
Шишков А. С. 136
Шмидт П. П. 104
Шнор И. К. 201
Шолохов М. А. 12, 14, 53, 105
Штаден Г. 88
Штелли Я. Я. 198—201
Штоф В. 121
Шубинский Н. П. 147
Шульц В. 110
- Шепкина-Куперник Т. Л. 12, 14
Шишачев С. П. 114
Щукин П. И. 126
- Эдуард III 211
Эймон Ж. 216—221
Эйхенбаум Б. М. 9
Эйхенгольц М. Д. 37
Энгельс Ф. 49, 103, 113, 193, 194
Эренбург И. Г. 114
Эрман П. 217
Эрнст С. Р. 171
Эррио Э. 118, 120
Эскарпи Р. 51
Эттингер П. Д. 170, 176
Эфрос А. М. 170, 171, 173, 176
Эфрос Н. Е. 11
- Юнкер Г.-Ф.-В. 198
Юон К. Ф. 176
Юрьев Ю. М. 10
- Языков Н. М. 87
Ямпольский И. Г. 9
Якушкин И. Д. 148
Яцмирский А. И. 125—131
Яшин А. Я. 12

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА И ЖИЗНЬ

<i>Николай Любимов.</i> Мои друзья и родные	7
<i>Андрей Михайлов.</i> Прежде всего — помощники. <i>Беседу вел А. Хворощан</i>	18
<i>Евграф Кончин.</i> «Уполномочен принимать все меры...»	32
<i>А. Ратнер.</i> Первая книга «Историко-революционной библиотеки»	42
<i>А. Мильчин.</i> Издательство «Книга» — библиофилам	47

БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ

<i>Владимир Енишерлов.</i> Все о Блоке	59
<i>Е. Македонская.</i> Московская библиотека А. Н. Островского	79
<i>И. Романовский.</i> Книги о Москве в моей библиотеке. <i>Предисловие А. Палея</i>	85
<i>Александр Поляков.</i> Севастопольская морская	95
<i>А. Коссов.</i> Моя книжная бетховениана. <i>Предисловие Евг. Петряева</i>	118

ПОИСКИ И НАХОДКИ

<i>А. Матковская.</i> Труды и дни А. И. Яцимирского	125
<i>Н. Михайлова.</i> Книги в жизни В. Л. Пушкина и его первоиздания	132
<i>Н. Рабкина.</i> Знаменитый издатель «Русского архива»	142
<i>Г. Зленко.</i> Экземпляр легендарного «Путешествия»	159

ДЕЛА МИНУВШИЕ

<i>М. Рац.</i> С. А. Абрамов и его издательство «Творчество»	165
<i>Т. Михайлова.</i> Французская всеобщая библиотека романов	177
<i>М. Брыль.</i> Степан Нос — просветитель и книгопродавец	183
<i>С. Шоломова.</i> Автограф на книге об отце Александра Блока	186

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

<i>Б. Непеин.</i> Издано в Вологде	193
<i>Ф. Малкин.</i> История одного издания	195
<i>В. Муленкова.</i> «Фейерверки» и «Иллюминации» в кол- лекции П. В. Губара	197
<i>Л. Вуич.</i> Виды Москвы Эдуарда Гертнера	203

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

<i>Альбер Сим.</i> Любители книг и книжные воры. <i>Перевод</i> <i>В. Мильчиной</i>	209
--	-----

ХРОНИКА

Всесоюзное добровольное общество любителей книги. Де- ла, события, факты. <i>Составила К. Аштаменко</i>	241
--	-----

СТИХОТВОРЕНИЯ О КНИГАХ И КНИЖНИКАХ

<i>Борис Слуцкий.</i> Человек с книгой	56
<i>Владимир Лазарев.</i> Древняя рукопись — новая книга	122
<i>Расул Гамзатов.</i> «Плод бессонниц моих и забот...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	162
<i>Борис Куняев.</i> Машина времени	182
<i>Алексей Сидоров.</i> Библиофил	238
Указатель имен	247

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА

Выпуск восьмой

Редактор ВСК *Г. В. Хачатурова*
 Редактор издательства *М. Я. Фильштейн*
 Художественный редактор *Н. Д. Карандашов*
 Технический редактор *А. З. Козан*

Корректор *Л. В. Петрова*

Сдано в набор 14.12.79. Подписано в печать 12.05.80.

А01528 Формат 60×84/16. Бум. офсетная 80 гр.

Гарнитура школьная. Офсетная печать.

Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 15,69. Тираж 50 000 экз.

Заказ 1070. Изд. № 3022. Цена 1 р.

Издательство «Книга»

Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10

Ордена Октябрьской Революции

и ордена Трудового Красного Знамени

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова

Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР

по делам издательства, полиграфии и книжной торговли

Москва, М-54, Валовая, 28

АБ

Альманах библиофила